

Анна Бахтиярова

Время назад. Ключи и тени

Пролог

Эксперимент начался отвратительно. Но они справились с неожиданной проблемой и продолжали удаляться от родной планеты. Приборы работали четко, словно несколько часов назад не преподносили неприятные сюрпризы. Всё шло по плану. Однако Энн Ди не могла избавиться от тревоги. В отличие от команды, она отказывалась верить в технический сбой. Интуиция подсказывала — всё не так просто!

Семнадцатилетняя девушка с каштановыми волосами до плеч стояла на капитанском мостике и, сложив руки на груди, смотрела в темный иллюминатор. Смотрела, но не видела ничего, кроме собственного отражения. И думала, думала...

Накануне вечером она чувствовала себя счастливей всех на свете. «Накачки», как Энн Ди называла изнурительные тренировки, тренинги и проверки, остались позади. Она доказала, что стала капитаном заслуженно, а не благодаря родственным связям. Энн Ди засыпала с улыбкой, но ночью проснулась в ледяном поту. Приснился старый кошмар: белая бесконечная комната, где спиралями закручивалась мистическая дымка, а невидимые часы отсчитывали секунды, сливаясь с нервным стуком сердца.

Энн Ди долго сидела на постели, обхватив руками колени, и гнала прочь мрачные мысли. Понадобилось неимоверное усилие воли, чтобы утром от дурных предчувствий не осталось следа. Она справилась, но теперь, после пережитого потрясения, обрывки сна предательски прорывались назад. В черном иллюминаторе Энн Ди больше не видела себя. Кто-то другой смотрел в ее серые глаза. Другая. Девушка из кошмара. Она протягивала тяжелый медальон с голубым камнем.

«Возьми!»

«Я не могу! Это несправедливо!»

«Только одна из нас, я знаю. Но ты важнее...»

Эти странные фразы участницы сновидений повторяли сотни раз, понятия не имея, что они означают. Однако прошлой ночью диалог напугал Энн Ди сильнее, чем раньше. Кошмар явился в старом виде, а ведь три последних раза все было иначе. Не сон управлял ими, а они сном.

«Почему?» — мысленно спросила Энн Ди, продолжая смотреть в зеленые глаза призрачной девушки с длинными вьющимися волосами. — Почему старый кошмар вернулся именно сегодня? Как не вовремя!

— Энн Ди, ты слышишь?

— Что? — она осознала, что не одна на мостике.

Позади застыл Дэн — высокий темноволосый парень. Её парень. Смотрел пристально и виновато. Он по опыту знал: подруга не остыла, и не хотел обострять обстановку.

— Тебе стоит отдохнуть, — предложил Дэн мягко. — По графику мое дежурство.

— Нет, — отрезала Энн Ди строго. — Сегодня ночью я должна быть здесь. А ты, — она тяжело вздохнула, не желая быть грубой с близким человеком, — заступишь на вахту утром.

Дэн помолчал. Нехотя кивнул. Но на выходе не удержался.

— Прости, что не поддержал тебя, но я не верю в диверсию.

Извиняющийся тон резанул ножом. Серые глаза Энн Ди блеснули. В душе снова закипел гнев, с трудом подавленный после разговора с командой.

— Теоретически все возможно, — поспешил поправиться парень. — Противников эксперимента множество. Но Гивирена охраняется как ни какой другой объект в мире! Никто бы не смог...

Энн Ди молчала. Дэн несколько секунд выжидающе смотрел на нее. Не дождавшись

ответа, пожелал спокойной ночи и ушел. Едва фигура растворилась в холодном полумраке узких коридоров, девушка сжала кулаки. Конечно, Дэн во многом прав! В глубине души она не могла этого не признать. Любые передвижения на Гивирене отслеживаются. Незамеченным подобраться к «Соломее» нереально. И все-таки...

— Глупые предчувствия! — выругалась Энн Ди вслух.

Как обидно! Пусть Бруно, Стивен и Нора думают, что хотят. Но Дэн! Как он может не верить ей? Он, которому она всегда безоговорочно доверяла?! Мальчишка!

«Да, он мальчишка», — вкрадчиво прошептал внутренний голос. — «А ты — девчонка, оказавшаяся в центре взрослой игры».

Энн Ди потеряла нывший лоб. Они впятером ведут себя, как дети. Со старта прошли считанные часы, а в команде спорят и обижаются друг на друга. Может, правы противники проекта: нельзя доверять важные миссии семнадцатилетним подросткам, едва окончившим школу? Они не умеют быть хладнокровными двадцать четыре часа в сутки.

— Папа, прости, — сказала девушка в пустоту. — Это не повторится. Я тебя не подведу.

Энн Ди заставила себя не думать о последних событиях и занялась текущими делами, время от времени посматривая на наручные часы. Она готовила ежедневный отчет для отца и его группы. И еще один для гения-одноклассника Ёжика, создавшего несколько программ для «Соломеи». Энн Ди дала слово следить за его разработками.

При воспоминании о Ёжике по лицу прошла тень. Энн Ди его ценила — неуклюжего и рассеянного, но такого гениального и верного. Он умел слушать, подставлять плечо и безропотно сносить её плохое настроение. Если бы Ёж прошел психологическую проверку, летел бы на «Соломее» вместо ненавистного Стивена.

Подумав об однокласснике, Энн Ди вновь вспомнила ночные кошмары. Друг упоминался в одном из снов — в последнем из трех контролируемых. «Синяя тетрадь Ёжика» — гласила надпись на пыльной стене, к которой их с зеленоглазой спутницей привели указатели. Надпись предназначалась Энн Ди, вторая девушка Ёжика не знала. Но как она ни билась, сколько ни допытывалась у друга, не разгадала тайного послания из сновидения. Ёжик клялся до заикания, но продолжал уверять, что ведать не ведает ни о какой тетради и вообще не использует бумажные носители.

Энн Ди одернула себя и снова с маниакальным рвением принялась за работу. О мистических загадках она подумает позже. Раз до отлёта ничего не прояснилось, значит, время для ответов не пришло. Нужно принять это и двигаться дальше. Как ни странно, монотонная работа приносила удовлетворение. Энн Ди увлеклась и не заметила, как на мониторе, показывающем местонахождение пяти членов экипажа, появилась шестая точка. За спиной.

— Зря они не поверили тебе.

По телу прошла дрожь. Кошмар вернулся наяву.

— Почему? Что? Ты?!

Энн Ди знала стоящего перед ней человека. Но в то же время не знала. Но его голос... Она слышала его. Раз сто. Во сне.

— Да, я. Спросишь, как я здесь оказался и почему. Боюсь, не смогу ответить. Ты не поймешь мотивов, — визитер расхохотался. От его смеха повеяло холодом. — Ты слишком хороша, несмотря на заносчивость.

— Ты не можешь здесь быть, — прошептала Энн Ди плохо слушающимися губами.

В голове не укладывалось, как на звездолете, несколько часов находящемся в открытом космосе, оказался посторонний. Да еще он — знакомый незнакомец! Другой. Не такой, каким Энн Ди его знала. Захотелось себя ущипнуть: может, она заснула на вахте?

— Это невозможно. Тебя здесь не было.

— Ты права, — он насмешливо посмотрел в испуганное лицо. — Не было.

— Ты... тебя... — от растерянности Энн Ди едва подбирала слова. — На Гивирене следят за нами. У тебя будут большие неприятности.

Угроза прозвучала по-детски.

— Не будут, — рот визитера скривила ухмылка. — Я поработал с датчиками в центре слежения. Наблюдатели получают картинку с опозданием. Мне пяти минут хватит, чтобы поставить точку в нашем с тобой споре. НЕ ТРОГАЙ ПУЛЬТ!

Но Энн Ди с силой нажала на кнопку тревоги. По кораблю пронесся вой сирены.

— Глупая девчонка! Думаешь, это тебе поможет? Тебе и твоей так называемой команде?!

— Энн Ди, что случилось?! — раздался по радио встревоженный голос Дэна. — Энн Ди?!

Она не шевелилась. В грудь было направлено незнакомое оружие: блестящая зауженная на конце металлическая палка.

— Все кончено, — прошептал мужчина, тяжело дыша от возбуждения. — Не переживай, твои старания не пропадут зря, я найду им применение. Прощай.

Энн Ди не сумела закричать, когда в нее ударил фиолетовый луч. Тело мгновенно парализовало. Она лежала на полу, чувствуя, как жизнь утекает, словно вода — волна за волной. Просачивается через живую плоть и бежит дальше — в небытие. Несколько секунд сквозь застилающую глаза черную пелену Энн Ди смотрела на убийцу, силясь понять: как?! Потом визитер исчез. В последнее мгновение она снова увидела девушку из сна с тяжелым медальоном в руках.

«Возьми... ты важнее...»

Глава 1. Видения в тумане

«Это несправедливо!»

«Только одна из нас, я знаю. И я смирилась...»

— Нет, я не смогу! Пожалуйста, не надо!

Дебра Рид рывком села на постели. На лбу выступили холодные капельки пота. Сердце мечтало выпрыгнуть из грудной клетки. Кошмар медленно отступал, растворялся, разрешая очертаниям спальни приобрести четкость и краски.

— Спокойно. Это сон. Просто сон, — прошептала девушка, как молитву, запуская пальцы в длинные вьющиеся волосы.

Но прошло еще несколько минут, прежде чем удалось унять дрожь в теле и успокоиться. За окном почти рассвело. Злая ночь, одаривающая страшными снами, сдавала позиции, уступала место новому дню — по-весеннему свежему и ясному. Дебра взглянула на часы: через пять минут в комнате заиграет будильник. Без промедления она вскочила с кровати. Ни к чему валяться в постели, хранящей память о кошмаре.

— Доброе утро, мама, — через двадцать минут одетая и причесанная Дебра с привычным приветствием вошла в просторную светлую кухню с васильковыми шторами на широких окнах и живыми цветами в горшках.

Делинда Рид, поглощенная чтением утренней газеты, по традиции, кивнула в ответ. Перед ней стоял почти допитый чёрный кофе, длинные пальцы крутили серебряную ложку. На плите бушевал чайник, а холодильник был приоткрыт, как свидетельство, что мысли матери сегодня дальше обычного. Дебра налила себе чай, села напротив Делинды и, не сводя с нее глаз, принялась с ожесточением мазать хлеб повидлом. После ночного кошмара хотелось выплеснуть эмоции. Очень.

— Мам, меня выбрали старостой класса. Капитан футбольной команды сделал мне предложение. Медовый месяц мы проведем на Луне.

— Очень рада, дорогая, — отозвалась Делинда меланхоличным тоном.

Дебра вспыхнула, радуясь предоставленной возможности.

— Ты же не слышала, что я сказала! Ни единого слова!

Взгляды одинаковых зеленых глаз встретились.

— Не говори ерунды! — мать откинула назад прядь темно-каштановых волос и раздраженно отшвырнула газету, будто та была виновницей плохого настроения дочери-подростка. — Ты, как отец. С утра ненавидишь всю планету! Мне пора. До лекций надо принять дюжину пациентов в клинике. Кстати, о твоём отце, — добавила Делинда в дверях. — Передай ему, что пришли счета. Было бы неплохо не задерживать с оплатой.

— Было бы неплохо, если б вы общались друг с другом без посредника, — Дебра с вызовом посмотрела на мать, но та на выпад предпочла не реагировать. Покинула дом, оставив легкий аромат дорогих духов.

Дебра сердито оттолкнула чашку, едва не пролив половину содержимого на белую кружевную скатерть. Вот так всегда! Родители не слишком жаловали друг друга с тех пор, как она себя помнила. Иногда дочь задавалась вопросом, как они умудрились пожениться? Дебра была поздним ребенком. Вероятно, мать с отцом воспользовались последним шансом создать семью, раз не встретили более достойных спутников жизни. Они никогда не распространялись на эту тему, а дочь не осмелилась бы спросить их ни вместе, ни по отдельности.

— Ла-ла-ла-ла, — в дверном проеме появился Алан Рид — лысеющий полный мужчина. — Она ушла? — поинтересовался он шепотом и, получив утвердительный кивок, потер руки. — Замечательно! Милая, принеси рюмочку коньяка в кабинет. Для аппетита. И что-нибудь на завтрак.

Дочь открыла рот и снова закрыла. Если отцу не терпится приложиться к спиртному с утра, спорить бессмысленно. Она прекрасно знала, что услышит в ответ — одна рюмка здоровью не повредит, а занятия у него начинаются после обеда. Наполнив поднос, Дебра отправилась в кабинет. Прежде он принадлежал обоим родителям. Но с тех пор как они принялись играть в молчанку, обитал там лишь отец. Мать для работы на дому занимала кухню.

На первый взгляд, кабинет выглядел обычным: на нескольких полках стояли учебники по математике и медицине — предметам, которые преподавали родители в местном университете. Остальные полки занимала художественная литература: бумажные книги и аудиодиски. Но дочери казалось, что в домашней библиотеке отсутствует жизнь. Когда она собирается годами, у каждой книги есть своя история. Эти словно купили разом, пытаясь заполнить пустоту. В кабинете Дебре нравилась лишь одна вещь — настенные часы с резными фигурками на циферблате. Деревянные люди держали в руках цифры.

— Мама просила напомнить про счета, — объявила Дебра, ставя перед отцом поднос. Она предчувствовала, что ничего хорошего в ответ не услышит.

— Счета? — приподнял брови Алан, хитро улыбнувшись, как школьник, затеявший веселую проказу. — Тут есть загвоздка. Я оплачивал их в прошлом месяце. Не сочти за труд, напомни матушке, что теперь ее очередь.

Дебра с трудом удержалась, чтобы не возвести глаза к потолку. Она предвидела свирепый взгляд Делинды, когда та вечером услышит премилое сообщение. Алан, не обращая внимания на реакцию дочери, нажал на пульт, вмонтированный в стол. Зажегся экран в полстены, показывая утренние теленовости.

— Сегодня будет поставлена точка в деле братьев Манн, — вещала белокурая телеведущая с кукольным лицом. — Напомним, громкая история взбудоражила общественность во всех 148-ми секторах Земного шара. Братья Манн осенью прошлого года пытались запустить в космос аппарат собственного изобретения, нарушив закон «О космическом запрете» и поставив под угрозу существование человечества. Прокурор требует казни, и сегодня суд вынесет вердикт.

— Так им и надо! — позлорадствовала Дебра, как и все вокруг, наслышанная о громком деле.

— Считаешь их преступниками? — спросил отец непривычно глухим голосом.

— А ты нет? — удивилась дочь. — Люди почти два десятилетия умирают от болезни, принесенной из космоса.

Алан покачал головой и сжал бокал с такой силой, что по нему пошли трещины.

— Всё гораздо сложнее! Люди не замечают, что планета все ближе подходит к неминуемой гибели. Но космос тут совершенно ни при чем! Закрывать его было ошибкой! — отец тряхнул бокалом, и остатки коньяка выплеснулись на халат.

Дебра растерялась. Тему, затронутую Аланом, стражи посчитали бы запретной. Он жил в университетском мирке с его маленькими проблемами и почти не интересовался ничем другим. Обычно отец благоразумно не поддерживал разговоры о космосе. Когда кто-то упоминал о нем, старательно переводил тему.

«Не стоит ему пить. О таких вещах даже думать нельзя, а, тем более, произносить вслух», — пронеслось в голове.

— Люди умирают почти два десятилетия, а никто на Земле не может разобраться, как болезнь Хайди лечить, — продолжил Алан сурово. — Столько лет, столько смертей, а вопросов больше, чем ответов.

Дебра молчала. Отец, наконец, заметил выражение её лица и махнул рукой.

— Иди, иначе на автобус опоздаешь. Забудь, что я сказал. Все равно не поймешь.

Дебра выбежала из кабинета, закусив губу. Обида накрыла с головой. Что хуже: мать, не замечавшая присутствия, или отец, вечно сомневающийся в умственных способностях?

Школьный автобус, не спеша, катил по тихим улицам провинциального города Брилады. Дебра хмуро смотрела в окно на аккуратные двухэтажные дома, подставляющие разноцветные крыши утреннему солнцу. Ребята галдели, соскучившись за неделю весенних каникул. Разве, глядя вокруг, скажешь, что планета на пороге гибели?

— Твои опять поругались? — спросили в ухо.

Дебра вздрогнула. Она задумалась и не заметила, как на очередной остановке рядом устроился лучший друг и извечный напарник по школьным заданиям Дилан Эймс. На него, как и на саму Дебру, большинство учителей махнули рукой, причислив к не слишком одаренным.

— Как бы им удалось поругаться, если они не общаются? — шепотом вспылила девушка.

— Ясно, — Дилан подвинулся ближе, вызвав девичьи смешки в другом ряду.

Дебра ответила одноклассникам сердитой гримасой. Достали! Противные сплетницы, вечно выдумывающие глупости. Да, они с Диланом не отходили друг от друга с первого класса, однако никакой романтики между ними и близко не намечалось. Всё равно, что тащить на свидание брата. Дилан не обратил внимания на хихиканье. Ему лучше подруги удавалось держать себя в руках и не огрызаться на каждого, кто отпустит колкость.

— Я кое-что услышал, — снова зашептал он Дебре на ухо, выждав паузу, чтобы одноклассницы переключились на более «увлекательные» дела. — Случайно. Отец с меня шкуру спустит, если узнает. Но я должен тебе рассказать. Иначе мозг взорвется.

— Опять подслушивал? — Дебра закатила глаза. — Если спустит шкуру, будет прав!

Отец друга был главным судмедэкспертом в городе, и разговоры доктора за закрытыми дверями представляли немалый интерес для шалопая-сына.

— В Бриладе за неделю трое погибших, — тревожным шепотом продолжил Дилан. — То же самое, что было с теткой Боба Ралли в прошлом месяце. Остановка сердца без причины.

— Так не бывает. Ты же говорил, отец разберется.

— Говорил. Но не нашел он ничегошеньки. Теперь новые случаи.

— Может, ты неправильно подслушал? — запротестовала Дебра.

До каникул рассказ приятеля о смерти тетки одноклассника она не восприняла всерьез.

Решила, Дилан большую часть приукрасил для устрашения.

— Правильно! И не собирался я подслушивать. Книгу искал для эксперимента одного медицинского, — Дилан залился краской, и Дебра предпочла не заметить последнюю информацию. — В общем, отец нагрязнул с мужиком незнакомым. Пришлось под стол лезть и сидеть там полчаса. Гость оказался шишкой из Каста-Беллы.

— Откуда?!

— Тише, пол-автобуса оборачивается, — Дилан схватил подругу за руку в ожидании, пока остальные школьники вернутся к разговорам, прерванным возгласом. — Гость велел отцу все скрыть. Придумать для родственников естественные причины смерти — инфаркт, аневризму. В общем, что угодно. Сказал, если придётся, они всё спишут на Хайди. Только представь!

— Дилан, скажи, что ты все придумал! — сердце Дебры заметно ускорилося.

— У меня воображения не хватит! — шикнул приятель и затараторил. — Я понял из разговора, что мы не первые с таким столкнулись. Это новая эпидемия, она по всему миру распространяется. В дополнение к Хайди. Люди умирают. Без причины. Никаких симптомов, мгновенная смерть. Врачи обследуют погибших, а они здоровы. Дебра, правительство это скрывает.

— Ты еще кому-нибудь рассказывал? Дилан? — Дебра толкнула примолкшего друга. Заглянула в остекленные карие глаза. Почудилось, веснушки на смуглых щеках потеряли беспокойную веселость.

— Конечно, нет, — очнулся Дилан и аккуратно убрал темные кудри подруги с собственного плеча. — Кому я могу рассказать? Ты — мой единственный друг.

— И дальше молчи. Делай вид, что ничего не произошло, — она сжала теплую ладонь парня и отвернулась к окну, лишь бы не смотреть в испуганные глаза.

Новость не желала укладываться в голове. К доктору Эймсу приезжали из Каста-Беллы, чтобы скрыть гибель жителей Брилады! Вот это размах! Такое Дилан не стал бы выдумывать! Каста-Белла была мировой столицей, главным городом 148 земных секторов. Там располагался исследовательский центр Хайди, карантинная зона для инфицированных. В Каста-Белле жил верховный правитель Земли Абрахам Уинфри — человек, благодаря которому планета не развалилась под тяжестью эпидемии.

— Страшно, — прошептал Дилан. — Хайди — другое дело, мы с рождения знаем, что можем с ней столкнуться. Привыкли жить с этой угрозой.

Дебра мрачно кивнула, не замечая больше ни яркого солнца за окном автобуса, ни весеннего настроения одноклассников. Дилан прав. Она боялась Хайди. С тех пор, как себя помнила. Но болезнь была далеко, настигала незнакомых людей. Житель их провинциального города заболел лишь однажды. Беда случилась даже не в Бриладе. Парень заразился во время учёбы в другом секторе.

Хайди господствовала на планете восемнадцать с лишним лет. На год больше, чем было Дебре. Неизвестную доселе человечеству болезнь на Землю привезли космонавты на корабле под названием «Прометей» — экспедиция из семи человек. Они несколько лет провели за пределами солнечной системы и, наконец, вернулись домой. Каждый школьник знал дату, с которой пошел отсчет нового, пропитанного горечью и страхами времени — 19 декабря 2073 года.

Врачи не сразу поняли, что космонавты больны. Традиционные обследования не выявили отклонений. Симптомы появились через месяц: у самих покорителей космоса, их семей и всех, кто встречал астронавтов на Земле. Спасти заразившихся было невозможно. Болезнь полностью поражала тело, органы отключались друг за другом. Правительство приказало изолировать больных и их окружение. Был принят ряд законов, запрещающих полеты в космос. Под запрет попали и живые существа, и оборудование. Но это не остановило эпидемию.

Сначала Хайди распространялась стремительно, убивая тысячами жителей столицы и ее окрестностей. Но позже умерила аппетиты. Теперь болезнь поражала людей по всему миру, но не населенными пунктами или семьями, а «выбирала» отдельных жертв. Постепенно врачи научились контролировать недуг. Доктора признавали, что лечат не Хайди, а ее симптомы, сдерживают болезнь. Пациенты, которых начали вовремя лечить, оставались в живых. В Каста-Белле госпитали, где жили «подконтрольные», занимали десятки кварталов.

Призывы о раннем выявлении Хайди звучали отовсюду — экранов телевизоров, страниц газет, рекламных плакатов. Первые признаки болезни знали даже трехлетние дети — бессонница и кровотечение из носа. Впрочем, до симптомов доходило редко. Ученые научились определять Хайди благодаря тестам. Население проходило их раз в месяц. В школы, вузы и офисы рассылались именные пластины. Требовалось лишь положить руку на панель. Компьютер распознавал тестируемого по отпечатку ладони, брал кровь из пальца и через минуту выдавал результат.

— На следующей неделе тесты, — прочитал мысли подруги Дилан. — Терпеть их не могу. Как лотерея. Но выигравшему не приз полагается.

Уроки прошли без приключений. Если не считать дополнительных домашних заданий, которые Дебра и Дилан умудрились схлопотать. Друзей больше интересовали мировые эпидемии, нежели геометрические задачи и химические формулы. Решили не откладывать штрафные задания в долгий ящик. После последнего урока устроились под вековым дубом за бледно-серым четырехэтажным зданием школы.

Обоих хватило минут на сорок. Дилан первый отбросил в сторону учебник и тетрадь.

— Надоело! — проворчал он. — Надоело быть сыном гения. Всю жизнь слышу, что не в отца пошел. Тебе легче.

— Точно! Гораздо удобнее, когда родителям все равно, как ты учишься и вообще живешь, — съязвила Дебра, кидая задачник на учебник Дилана в траве. — Если я умру от внезапного недуга, они не заметят. Недели три!

Дилан опешил и не мог решить, засмеяться в ответ или покрутить у виска.

— Хватит прохлаждаться, сейчас у озера веселье начнется, — рядом присела пухлая девушка с русым конским хвостом. Взгляд бледно-голубых глаз в обрамлении светлых ресниц впился в лицо Дилана.

— Привет, Вейда, — Дебра поздоровалась с одноклассницей сквозь зубы. — Кто-то опять на спор поплывет под водой?

Вейду Армстронг она терпеть не могла. Не выносила! Это была жадная до сплетен и мечтающая находиться в центре внимания девица. А еще злая, умеющая уколоть в самое незащищенное место. Сегодня Вейда зазывала посмотреть на глупую шутку школьников, но набивала цену себе.

К несчастью, Дилан заинтересовался предложением.

— В прошлый раз смешно получилось. Директриса сама полезла в воду, решила, Донни Паркер утонул.

— Донни опять участвует, — радостно сообщила Вейда.

— В очередном заплыве? — улыбка Дебры напоминала оскал.

— Я сказала: веселье будет у озера, а не на озере. Донни и Генри обещают показать мистическое шоу. Говорят, это случается каждую неделю. Появляется туман, а сквозь него видны люди, которых на самом деле нет. Слушай, Рид, сделай лицо попроще! — взорвалась Вейда, яростно глядя на Дебру. — Донни я бы не поверила. Но Генри не станет придумывать. В общем, Дилан, приходи. Подружку брать не обязательно.

Вейда довольная собой ретировалась, Дебра сжала кулаки, Дилан прыснул и тут же громко охнул, получив локтем в бок. После пятиминутного препирательства, где главным аргументом стало нежелание возвращаться к домашней работе, друзья отправились смотреть обещанное шоу. Вейда успела разрекламировать его по полной программе. У школьного озера в форме правильного овала собрались почти все ученики выпускного класса.

Злая на весь свет Дебра оттащила в сторону Донни Паркера — коренастого круглолицего парнишку в синей кепке.

— А чего я-то? — принялся оправдываться тот, потирая плечо. — Это всё Вейда! Пригласила кучу народа. Теперь, может, ничего не получится.

— Хватит заливать! Вы всё придумали!

— Ничегошеньки мы не придумали! — надулся Донни. — Мы это несколько недель видим. Я один приходил, а потом с Генри Готье столкнулся. Клянусь! Сначала туман сгущается над озером. Держится несколько минут. Потом рассеивается, и люди появляются. Их видно сквозь дымку серебристую!

— Что они делают? — усмехнулась Дебра, хмуро оглядывая заинтересованные лица одноклассников, заключающих пари. Дилан, к ее глубочайшему неудовольствию, тоже протянул пару монет Эйдану Хейзу — широкоплечему парню с густыми темно-рыжими вихрами.

— Всё делают! По магазинам ходят, работают. Как-то я отца видел — на гоночной машине! Он спорт бросил, когда я родился. Мама его просила не рисковать, раз семью завел. Один раз нам космонавтов «показали»! — Донни понизил голос до шепота, на

лице появилось ликующее выражение. — Они к полету готовились. Представь!

— С ума сошел?! — зашипела Дебра гусыней. — Разве можно придумывать ТАКОЕ?!

— Я не врун! Сама увидишь, а я посмотрю, что скажешь! — паренёк отошел задетый, бурча под нос что-то об умственных способностях противоположного пола. В другой раз Дебра не удержалась бы, запустила в нахала камешком — аккурат между лопаток.

Старшеклассники удобно расселись вдоль берега на рюкзаках. Одни выглядели заинтригованными, другие отнеслись к затее скептически. Но все равно замерли в ожидании, надеясь на выигрыш в пари. Зачинщики мистической феерии встали у кромки воды. Постепенно недовольных зрителей прибавилось. Прошло минут десять, но озеро оставалось озером. В спины мальчишек полетели сухие веточки от особо нетерпеливых ребят.

— Начинается, — оживился Донни, радостно потирая ладони и пружиня на месте.

— Что начинается? — не поняли одноклассники, недоуменно глядя то на водную гладь, то друг на друга. — Ты чего выдумываешь?

— Вон же туман, смотрите! — вторил приятелю Генри, растерянно оборачиваясь на остальных. — Рассеивается.

Старшеклассники старательно вглядывались вдаль, напрягая зрение, но ни тумана, ни его рассеивания не увидели. По рядам прошел недовольный шепоток. Кто-то предложил поколотить обманщиков.

— Вижу человека! — вскрикнул Донни, возбужденно подпрыгивая и показывая на что-то пальцем. — Это женщина. Кажется, я ее знаю и... и.... - он внезапно притих, спрятал руки в карманах легкой куртки.

— Это тетя Боба Ралли, которая... которая умерла, — упавшим голосом закончил мысль Генри, испуганно оборачиваясь.

— Эй! Вы думаете, это смешно?! — Боб поднялся, угрожающе сжимая мощные кулаки. — Вы у меня сейчас оба что-то увидите!

Угроза была небезосновательная. Боб занимался борьбой и, когда затевал драку, укладывал оппонента одним ударом. С ним старались не ссориться, потасовки с его участием можно было пересчитать по пальцам.

— Ай! — вскрикнул Донни и снова вскинул руку в направлении озера, позабыв предупреждение Боба. — Сейчас собьет! Машина! Она не видит машину, не смотрит на дорогу! Осторожно! — его глаза широко раскрылись и вдруг: — Ой! — Донни согнулся пополам и прижал руки к лицу. Из разбитого носа хлынула кровь, заливая ладони и куртку. Синяя кепка упала в траву.

— Думаешь, это весело?! — разъяренный Боб продолжал держать кулаки наготове.

— Ты что, не видел?! — заорал Генри, предусмотрительно отскочив на безопасное расстояние. — Твою тетю сбила машина!

— Моя тетя умерла от инфаркта! А ты! Ты!

Нанести новый прицельный удар Боб не успел. Десятки рук вцепились в разбушевавшегося парня и потащили прочь от двух неосторожных одноклассников...

— Идиоты! Клоуны! — спустя десять минут ругался на Донни и Генри Дилан, не выносивший жестоких розыгрышей. — Как вы додумались?!

— Ничего мы не додумывались! Вы же сами всё видели! — с пеной у рта защищался Генри.

Донни полулежал на берегу, запрокинув голову, чтобы остановить кровь, и вступать в перебранку не торопился. Дебра тоже молчала. Продолжала сидеть на рюкзаке в любимой позе — обхватив руками колени. Остальные зрители разошлись. Одни — в

негодовании, другие, дивясь глупости мальчишек.

— Все видели озеро! Только озеро! — Дилан попытался постучать Генри по лбу. — Ни тумана, ни машин, ни теток! Боб не на шутку разозлился. Вы двое от него еще получите.

— Тогда я ничего не понимаю, — сник паренёк. — Почему же мы с Донни это видели? Клянусь, мы не лжем!

— Значит, у вас коллективная галлюцинация, — окончательно рассвирепел Дилан. — Дебра, пошли, автобус пропустим. Дебра, ты слышишь?

— Слышу, — голос девушки походил на шелест ветерка.

— Как им это в голову пришло?! — продолжал возмущаться Дилан по дороге к остановке. — Это нехорошие, злые шутки.

Дебра молчала. Язык не поворачивался признаться. В отличие от остальных зрителей, она не видела озера. Глаза смотрели на рассеивающийся туман. На седеющую горожанку, переходящую дорогу. На красный автомобиль, летящий на огромной скорости. Дебра тоже узнала женщину в коричневом старомодном пальто с оторванной пуговицей. Та работала кассиром в супермаркете, приходилась тетей Бобу Ралли и недавно умерла от новой, никому не известной болезни без симптомов.

— Почему?! — раздался в спину пронзительный крик Генри. — Почему этого никто не видит?!

Дилан выругался, а Дебре захотелось заткнуть уши.

Глава 2. На миллион осколков

Следующий месяц прошел в тревожном ожидании катастрофы. А как иначе, если привычный мир без предупреждения трещит по швам, угрожая разлететься на осколки? Дебра с детства привыкла к ночным кошмарам и угрозе однажды заболеть неизлечимым недугом. Но на странности наяву не подписывалась! Не соглашалась наблюдать за исковерканной смертью знакомых людей в мистическом тумане! Не красная взбесившаяся машина убила тетю Боба в реальности, а сердце, отказавшееся биться. Без единой причины!

Дебра хорошо помнила ночь, подарившую первый кошмар о медальоне с голубым камнем. Случилось это десять лет назад при ярком свете полной луны. Глаза закрылись, и тело перенеслось в белую комнату. Она была наполнена дымкой, опутывающей все вокруг бесплотной ватой. В детской дрожащей ладонке появилось круглое тяжелое украшение с длинной цепочкой, со звоном струящейся вниз. Металл был неестественно теплым. Камень оставался голубым недолго, принялся переливаться, играть оттенками синего, зеленого и фиолетового.

Сначала Дебра не боялась. Ни потустороннего помещения, ни темноволосой девочки с двумя короткими хвостиками. Незнакомка зачарованно смотрела на медальон. Она выглядела смелее Дебры. Серые глаза щурились с интересом и толикой восторга, пальчики возбужденно перебирали краешек белого подола. Страх пришел вместе с мужским голосом. Злым, насмешливым и очень опасным. Усиленный в разы, он заставил пол задрожать, а камень погаснуть.

Годы шли. Две девочки встречались в снах по несколько раз в месяц, выросли, преобразались, однако повторяли попугаями одни и те же бессмысленные фразы. Губы шевелились без их участия, словно раз за разом проигрывалась старая киноплёнка. Спутница тоже не понимала значения слов. На бледном сосредоточенном лице сначала читалось недоумение, а позже и раздражение.

Дебра никому не рассказывала о повторяющемся сновидении. Даже Дилану. Несколько раз она пыталась заговорить с другом. Открывала рот, но язык немел и отказывался повиноваться. Перед глазами принимались плясать сине-голубые блики от переливов камня на медальоне. Потустороннее украшение не желало, чтобы о нем рассказывали, требовало сохранения тайны.

Но многолетние кошмары и невозможность говорить о них с лучшим другом не пугали так, как жуткая трагедия в тумане. Сны, при всей их необычности, оставались снами, а онемение языка Дебра настойчиво объясняла себе нежеланием показаться Дилану глупой трусишкой, как одноклассницы, над которыми они посмеивались. Иная же гибель тети Боба, «показанная» на озере, выглядела мистической и зловещей.

Дебра отчаянно гнала мысли о загадочных событиях. День за днём нагружала себя домашними делами, до рези в глазах читала учебники. Последнее было не лишним. Приближались выпускные экзамены, из которых они с Диланом рисковали завалить не меньше половины. Однако друг не спешил поддерживать порыв Дебры, каждую свободную минуту вспоминал озеро (недобрым словом) или странные смерти без причины. Правда, сколько ни использовал дома годами накопленный опыт подслушивания, ничего нового не узнал.

— Наверное, эпидемия закончилась, — уверял Дилан по дороге в школу, а к концу дня досадливо морщился. — Возможно, это затишье перед бурей.

Дебру бесила регулярная смена предположений. Она не собиралась признаваться, что видела туман и сбитую женщину. В классе вообще старались не вспоминать происшествие на озере. Особенно после драки на следующее утро в школьном автобусе, когда неостывший Боб кинулся с кулаками на Донни и Генри. Дело кончилось скверно. Трёх смутьянов вызвали вместе с родителями к директрисе. Парни о причинах потасовки упорно молчали, но правда открылась. Дебра подозревала, что не обошлось без вездесущей Вейды, не умеющей держать язык за зубами. Родителей оштрафовали, драчунов на неделю отправили на общественные работы, а одноклассников ждала трехчасовая лекция о недопустимости в обществе лжи и насилия. Голос приглашенного из университета лектора звучал монотонно, класс с трудом сдерживал зевоту, а Дилан и

вовсе сумел отличиться, громко захрапел.

— Ну и наглость, — зашипела зануда-отличница Ида Бригс, пока Дебра расталкивала приятеля. Эта до смешного тощая блондинка была дочкой их завуча по нравственной работе. — Мог бы послушать! Тема крайне важна. Особенно для тех, кто не хочет в будущем заинтересовать своими выходками стражей.

— Может, ты законспектируешь, а я потом почитаю, — сонно огрызнулся Дилан.

Реплику услышал монотонный лектор. Новая гора дополнительных заданий парню была обеспечена. Завершающим штрихом стали домашний арест до конца выпускных экзаменов и внушительная взбучка от доктора Эймса, которому пришлось выложить приличный штраф за очередной финт сына.

Дома у Дебры ничего не менялось. Родители игнорировали друг друга. С дочерью заговаривали в случае крайней необходимости. Кто из них оплатил счета, осталось загадкой.

— Хорошо, что они молчат, — сказала Дебра Дилану, возвращаясь из школы после особенно трудного дня. — Позанимаюсь в тишине.

И сглазила. Отец с матерью были дома, хотя в последнее время каждый старался пропадать на работе. Оба сидели в кабинете. За одним столом. Приход дочери встретили одинаковым жестом — указали на стул. Молчание нарушил отец.

— Милая, прошу отнестись к разговору серьезно.

— Я не завалю экзамены, — поспешила опередить чтение ненужных нотаций Дебра.

— Какие экзамены? — в замешательстве переспросил Алан.

— Э-э-э...выпускные. Их сдают, оканчивая школу, — Дебра, видя как отец меняется в лице, а мать делает ему большие глаза, с трудом сдержала смехок. — Проехали. К чему еще я должна отнестись серьезно?

— По городу ходят нехорошие слухи, — продолжил Алан после неловкой паузы. — О происшествии в школе. Я имею в виду инцидент на озере.

— Это не слухи, — раздраженно повела плечами Дебра и едва не добавила мстительно, что родители одноклассников давно в курсе скандальной истории.

Отец вздохнул, покосился на мать, будто — вот это новость! — ища поддержки.

— Мы с мамой хотим задать тебе важный вопрос. Я знаю, что именно мальчикам померещилось, — Алан снова замялся. Дебра напряглась. — Мне... То есть, нам... нужно знать, как реагировали другие ребята. Что они, как они...

— Дорогая, — вмешалась Делинда, бросив на мужа коронный испепеляющий взгляд. — Твой отец хочет спросить: кто-то ещё из ребят говорил о видениях? Кроме Генри и Донни?

Дебра остолбенела. Вопрос застал врасплох. Почудилось, потолок обрушился на голову.

Чувства в полной мере отразились на лице, и отец пошел в наступление.

— Мальчики не единственные, да? — он подался вперед, желая получить утвердительный ответ. Но Алан слишком плохо знал дочь, прекрасно умеющую сочинять на ходу. Особенно причины, почему не сделала домашнее задание.

— Какие видения, папа? — первый испуг прошел, и Дебра вернулась к привычному небрежно-беспечному тону. — Два идиота неудачно пошутили и поплатились за глупый розыгрыш.

— А остальные ребята? — не сдавался Алан.

— Никто Донни и Генри не подыгрывал. Все разозлилось, ведь мы вынуждены слушать дурацкие лекции! — с чувством припечатала Дебра. Осторожно попыталась прочитать

на родительских лицах реакцию, но не увидела ровным счетом ничего. — Я могу идти? — спросила она, пока мать с отцом не перешли к новым опасным вопросам.

Алан неуверенно кивнул, Делинда на дочь не взглянула. Дебра поднялась и, стараясь двигаться не слишком быстро, направилась вверх — в свою комнату.

Оказавшись вдали от родителей, она с чувством хлопнула дверью. Обвела бессмысленным взглядом спальню, не видя ни мягкие игрушки, ни школьные тетрадки на столе, ни открытую страницу глянцевого журнала с голубым платьем на тоненьких бретельках, которое мечтала сшить к выпускному балу. Перед глазами снова была женщина в старомодном коричневом пальто, на котором не хватало пуговицы, и красная машина, летящая на огромной скорости.

Что же это такое?! Дебра ударила кулаком по шкафу. Она целый месяц лезет на стену из-за проклятого видения. И вдруг расспросы родителей, которым всю жизнь было наплевать на всё на свете. Включая собственного ребенка. Зачем им это? А, главное, с чего они решили, что тетя Боба могла привидеться кому-то еще?! Следующий удар кулака пришелся по столу. Гневный выпад не остался без последствий: на пол съехала неровная бумажная гора. Дебра опустилась на колени, чтобы собрать конспекты и задачки, но рука остановилась на полпути и хлопнула по лбу.

Почему, собственно, она злится и гадает о причинах, вынудивших мать с отцом устроить совместный допрос? Можно спросить их прямо. Пусть попробуют не ответить, увидят, каким скверным бывает характер у не досаждающей им обычно дочки! Приняв очевидное решение, Дебра стрелой слетела вниз и решительно направилась к кабинету. Из-за неплотно закрытой двери раздавались родительские голоса. Разговор шел на повышенных тонах. Это удивило, но не насторожило. И, тем более, не смутило.

«Наплевать!», — сказала себе Дебра, взялась за дверную ручку, но вовремя остановилась. Подслушать показалось более разумным решением, нежели скандалить и требовать ответов.

— Не понимаю, почему в Каста-Белле интересуются мальчишками? — громко вопрошал отец. — Это ребяческий бред, не более!

Через щель Дебра видела происходящее внутри. Делинда сидела за столом, сложив руки перед собой, Алан ходил туда-сюда по кабинету. Дочь привыкла к контрасту, но со стороны родители выглядели странной парой. Матери вовсю шёл шестой десяток, но стройная брюнетка с гривой густых волос, всегда с иголки одетая, могла дать фору юным кокеткам. Отец являлся полной противоположностью, хотя они с женой были ровесниками: вечно помятый, с солидным брюшком, абсолютно не интересующийся собственным внешним видом. Вот и сейчас он рассекал по кабинету в старомодном красном халате и стоптанных туфлях, норовивших слететь с ног.

— Это не бред, — покачала головой Делинда. — Два месяца назад в больницу пришло распоряжение из главного медцентра Каста-Беллы. Нам велели сообщать о видениях детей и подростков. Письмо разослано по всему миру. Описание возможных случаев совпадает с рассказом мальчиков. И туман, и люди в нем. Видения могут быть коллективными. Возможно, на планете началась новая эпидемия.

— Эпидемия? Ха! — Алан презрительно усмехнулся. — Не слишком ли громко сказано?

— Я делаю выводы из имеющейся информации! — вспыхнула Делинда, уязвленная реакцией мужа, и ядовито бросила. — Если ты не забыл, когда-то именно это входило в мои обязанности!

Алан осекся. Остановился.

— Не забыл, — ответил он глухо, через силу. И задал вопрос, от которого дочь за дверью вздрогнула. — Думаешь, Дебра лжет?

— Однозначно.

— Зачем ей это? Кого-то выгораживает?

— Возможно. Или просто не доверяет нам.

— Необходимо что-то предпринять, — засуетился Алан и вновь принялся семенить по комнате. — Нужно защитить мальчиков.

Невинная фраза подействовала на мать, как красная тряпка на быка.

— Как ты собираешься это сделать? — в голосе Делинды зазвучал неприкрытый сарказм. — Приставишь к ним охрану от стражей? О! Тебе опять захотелось поиграть в величие?

— Причем тут величие! — раздраженно бросил отец. — Мне мальчиков жаль.

— Много им пользы от твоей жалости. Оба парня вне игры. Все, что ты можешь сделать, это убедить дочь держаться от них подальше, — Делинда устало провела ладонями по лицу. — Давно ли тебе стало кого-то жаль? Великие реформаторы никого не жалеют! Главное великая цель!

— Прекрати! — рывкнул вмиг побледневший Алан и повторил по слогам, но гораздо тише. — Пре-кра-ти.

— А все человечество тебе не жаль? — не желала униматься Делинда. — Загубленные жизни, принесенные в жертву твоим великим идеям?

— Тише! — взмолился Алан.

Прижавшаяся к дверному косяку Дебра едва дышала. Показалось, прошла целая вечность, прежде чем отцовский голос зазвучал снова.

— Почему ты говоришь такие страшные вещи? Ты знаешь, это не так. НЕ ТАК!

— Почему? — Делинда горько засмеялась. Внезапно её голос сорвался на крик. — Потому что ненавижу тебя! Если б ты знал, как я тебя ненавижу!

Отец отодвинул скрипнувший стул и сел напротив жены.

— Почему же ты до сих пор от меня не ушла? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Себя я ненавижу не меньше, — Делинда сбавила обороты, но голос все равно звенел. — Я не остановила тебя, прежде чем ты погубил планету и собственную семью.

Она поднялась и вышла, хлопнув дверью. Дебра едва успела спрятаться за штору.

Мгновение спустя из кабинета донеслось приглушенное рыдание.

— Ничего. Абсолютно ничего, — Дилан задумчиво наморщил лоб и почесал его.

Дебра обожала это бессознательное движение — забавное и родное. Хотелось протянуть руку и разгладить вертикальные линии на смуглой коже.

По официальной версии, встречаясь у Дилана по вечерам, друзья готовились к экзаменам. Но, разумеется, они находили и массу других занятий. Оба пришли к выводу, что выше головы им не прыгнуть. Какие оценки суждено получить, такими им и быть. Алан с Делиндой мало интересовались успехами дочери, а доктор Эймс свыкнулся с мыслью, что сыну не суждено стать выпускником года и пойти в медицинский вуз. Для учебы на врача требовались запредельные выпускные баллы, а заодно безупречная характеристика, чем обожающий авантюры Дилан похвастаться не мог.

В мире, перевернувшемся из-за Хайди, многое изменилось. Выпускники больше не имели права сами выбирать профессии. За них после окончания школы это делала комиссия. Люди в строгих серых костюмах приезжали из Каста-Беллы и несколько дней разбирали кипы бумаг: экзаменационные баллы, поведенческие и психологические характеристики, результаты тестов на IQ и профессиональную пригодность. Так однажды решило правительство. Сам Абрахам Уинфри и его заместители.

Население не возражало против новых правил. Считало, что к катастрофе планету привело чрезмерное желание ученых покорить вселенную. Теперь высокие посты, особенно связанные с наукой, занимали люди, способные послушно выполнять возложенные обязанности. Дебра с Диланом шутили, что им комиссия едва ли доверит

убирать улицы. Впрочем, они не возражали взять в руки метлы и лопаты, если работать придется в паре.

Сегодняшний вечер друзья коротали за компьютером в кабинете доктора Эймса, пользуясь отъездом последнего на конференцию в соседний сектор. Будучи отцом-одиначкой, главный судмедэксперт Брилады привык оставлять сына во время командировок. Раньше он просил приглядывать за Диланом соседей. Теперь ограничивался устными указаниями отпрыску о том, что следовало и не следовало делать в свое отсутствие.

Обычно сын выполнял распоряжения доктора. Но сегодня желание помочь подруге перевесило обычную осторожность. Старшеклассникам запрещалось пользоваться компьютерами в отсутствии взрослых, а, тем более, заходить во всемирную базу данных. Однако многие подростки нарушали закон. При условии, что умели замечать следы визитов в сеть. А Эймс-младший был смысленным в этом вопросе.

Дебра не посмела скрыть от друга ещё один секрет, пересказала родительский разговор. Но вновь умолчала о видении на озере. Слова Делинды о письме из Каста-Беллы напугали до смерти.

— Мы нашли сорок восемь Аланов Ридов, а эффекта ноль, — подытожил Дилан результаты многочасовых поисков.

Друзья так и не добрались до домашних заданий, с обеда просидели, прильнув носами к монитору. Рассматривали фотографии, изучали анкеты. Доступ доктора Эймса давал юным нарушителям немало возможностей.

— Ноль, — тоскливо согласилась Дебра.

Никто из пяти десятков полных тезок отца, включая его самого, не занимал серьезных постов ни в настоящем, ни в прошлом. Делинда Рид существовала на планете в единственном «экземпляре», жила в Бриладе и в чем-либо глобальном замечена не была. Обычная жизнь. Среднестатистическая.

— Наверное, я что-то неправильно поняла, — устало пробормотала Дебра, пока Дилан выключал компьютер.

— Есть другой вариант, — мрачно изрёк парень. — Если родители участвовали в чем-то серьезном, информация вряд ли хранится в доступной куче народа базе данных.

Мысль была здоровой, но пугающей. Что Дебра вообще знала об Алане и Делинде? С рождения её, как куклу, передавали одной няне за другой. Родители пропадали на работе, а дома предпочитали заниматься какими угодно делами, нежели ребенком. Дебра быстро поняла, что ее присутствие в тягость, и держалась на расстоянии. О родительском прошлом она знала мало. Слышала, в Бриладу мать с отцом переехали за несколько месяцев до ее рождения. Прежде они жили в другом секторе — в крупном мегаполисе. Отец, как и сейчас, работал преподавателем, мать — врачом.

...Дебра думала о последних странностях и по дороге домой, бредя вдоль аккуратных, похожих друг на друга двухэтажных коттеджей. Проигнорировала притормозивший пустой автобус. Лучше пройти пять кварталов пешком и привести в порядок мысли. Во время прогулок думалось легче. Однако сегодня свежие идеи не спешили посещать гудящую голову. Ох, ну почему в их семье такие сложные отношения? Будь всё иначе, не пришлось бы гадать, поговорила бы с родителями, рассказала о видении и снах, поделилась страхами. Вдруг Алан и Делинда помогли бы найти объяснение и решение клубку загадочных происшествий?

Взять Дилана с отцом. Доктор Эймс рано овдовел. Но ни смерть жены, ни, мягко говоря, особенная работа не мешали ему быть ответственным и заботливым родителем. На отсутствие внимания Дилан не жаловался. Отец брал его на рыбалку, устраивал пикники, возил на ярмарку в соседний город в два раза больше Брилады. Дебра же не могла вспомнить случая, чтобы они ходили куда-то всей семьей. Делинда даже на родительских собраниях начала появляться после гневного письма от директрисы, а Алан смутно представлял, где находится школа дочери.

Новое потрясение настигло в квартале от дома. Внезапно воздух уплотнился и перестал попадать в легкие в нужном объеме. Широко открывая рот, словно выброшенная на берег рыба, Дебра закашлялась до рези в глазах. Вцепилась в соседский штакетник, оберегающий от посягательств пышные кусты белых роз. Увы, дефицит кислорода оказался не единственной переменной. Вечерние сумерки без предупреждения превратились в непроглядную тьму. Кто-то злобный и безжалостный высосал из мира все краски, кроме черной.

Дебра едва не разрыдалась от злости и обиды на несправедливость вселенной. Впереди из дыры в пространстве полился серебристый туман. Он вытекал плавно, напоминая пену для ванны, переливался, обволакивал улицу, беря ее в беспощадный плен.

— Нет, — выдохнула Дебра плаксиво. — Не надо.

Но кого интересовали желания обездвиженной от страха девушки? Мистическая дымка рассеялась, освобождая часть пространства, чтобы показать новое искаженное событие — историю, которая никогда не происходила в реальности.

Улица была такая же, как раньше, но дорога шире, а тротуары уже. Фонари горели ярче, окна светились приветливее. Странно, но там — по другую сторону тумана — мир казался более живым и настоящим.

— Я точно завалю химию. Госпожа «формальдегид» опять на меня косится. Не может простить зимнего пожара.

— Наплевать. Ты же не собиралась становиться великим химиком.

— Нет, но если не предъявлю родителям приличный аттестат, они не дадут денег на переезд в Каста-Беллу.

— Не страшно. Мой отец поможет с финансами. Я всё продумал. На Гивирене требуются добровольцы, чтобы оценивать новые разработки. А ещё экскурсоводы для полетов в пределах солнечной системы. Там хорошо платят. Главное, чтобы были высокие баллы по истории космоса, а с этим у нас проблем нет. Мы же космические фанаты!

Парень и девушка брели по улице, держась за руки. Они никуда не торопились, наслаждались вечерней прогулкой для двоих. Даже абсолютнейший профан в любовных делах не усомнился бы, какие отношения связывают парочку. Слишком нежно они друг на друга смотрели, слишком часто касались бедрами и плечами — невзначай.

— Ты никогда не боишься трудностей, — девушка остановилась. Заглянула парню в глаза.

— Потому что ты рядом, — его дыхание стало частым, волнительным. — Не представляю жизнь без тебя...

Дебра зажала рот дрожащей ладонью. Чтобы сдержать... нет, не крик, а подступающую к горлу рвоту. У нормального человека увиденное могло вызвать лишь такой рефлекс.

Она узнала парочку. Без труда.

Дилан и Вейда.

Невозможно, но факт! Лучший друг и вредная, вечно пакостящая девчонка!

Дилан выглядел точь-в-точь как в жизни. Вплоть до последней веселой веснушки. Вейда изменилась, словно побывала в руках десятка пластических хирургов, косметологов и стилистов. Похудела раза в два, модная стрижка вместо конского хвоста предавала облику загадочность, походка стала игривой.

— Люблю тебя, — прошептала Вейда и с кошачьей ловкостью прильнула к губам парня.

Дилан крепко прижал её к себе, не слыша, как легкие подруги из реального мира разрываются отчаянным криком неверия...

...Когда мистический туман растворился, Дебра осознала, что стоит на коленях, а по

щекам катятся горячие слезы. Тяжело дыша, она огляделась. Время позднее, и вокруг, на ее счастье, не оказалось ни души. Комендантский час, введенный некогда из-за Хайди, отменили пару лет назад, но жители Брилады по привычке рано расходились по домам.

Дебра поднялась, вытирая рукавом лицо и горестно всхлипывая. Она не понимала, что напугало сильнее — само видение или друг, целующийся с похорошевшей Вейдой. Кошмар! Бред! Дилан, скорее, с лягушкой болотной поцелуется! Склизкой и пупырчатой! Или всё дело в неправильном диалоге? О космосе и какой-то Гивирене? А еще о пожаре в кабинете химии, который зимой устроила не Вейда Армстронг, а она — Дебра Рид.

Наверное, мистический туман переместился в голову. Девушка смутно помнила, как дошла до дома. Очнулась на кухне — за столом. Родители задержались на работе допоздна, что было на руку. Новые вопросы усложнили б ситуацию, а не заметить, в каком она состоянии, не сумел бы и слепой. Вяло поковырявшись в тарелке с салатом, Дебра скрылась от страхов в спальне. Спряталась под одеялом, как испуганный зверек, но не удержалась — высунула голову, чтобы посмотреть на небо.

К окну Дебра подвинула кровать года три назад, повинувшись импульсу. Прочитала, как герой книги любовался звездами. Занятие оказалось увлекательным. Нет, Дебру не интересовал космос. Она не из тех, кто неразумно нарушает серьезные запреты (школьные проказы не в счет!). В россыпи блестящих точек на небесном полотне ощущалось что-то волшебное, сказочное. Но еще сильнее вдохновляла Луна. Дебра не могла объяснить, почему та притягивает взгляд, но считала её особенной.

Сегодня планета-спутник Земли не спешила завораживать. Нервное напряжение не позволяло успокоиться и отвлечься от таинственных происшествий. Страх пронизывал каждую клеточку, давил, вынуждал ускоряться сердце. Не принес желанного покоя и сон. Дебра попала в старый кошмар. Стояла вся в белом посреди огромной комнаты, наполненной дымкой без запаха, и протягивала медальон с ярким голубым камнем другой девушке.

«Возьми, ты важнее».

Многолетняя спутница застыла напротив, как и Дебра, в белых одеждах. Каштановые волосы развивались, хотя в комнате отсутствовал и намек на ветер. Серые глаза смотрели в зеленые, не отрываясь.

Протянутая к медальону рука замерла на полпути.

«Так нельзя. Должен быть другой выход».

«Но его нет. Ничего нельзя менять, ты это еще не поняла? Это самое главное!»

«Вы обе — идиотки!» — вклинился в заученный диалог новый голос. Кто-то еще находился в комнате. Он всегда появлялся в повторяющемся сне. Но как Дебра ни старалась, никогда не могла разглядеть третьего участника. — «Вы, правда, думаете, что победите меня? Все кончено!»

Сильная мужская рука обхватила шею Дебры сзади.

«Убирайся! Ты здесь не существуешь!»

Комната заходила ходуном, и Дебра проснулась в падении, почти достигнув дна пропасти.

За окном продолжалась ночь. Лунная, но не по-весеннему мрачная. Дебра коснулась шеи.

Та ныла, будто таинственный противник сжимал ее вовсе не во сне.

На рассвете приснился еще один странный сон. Крупный черный ворон скакал по письменному столу, оставляя следы от когтей на тетрадах и журналах. Будто раны, но без крови.

«Кыш!» — приказала Дебра сердито.

Птица посмотрела укоризненно, открыла мощный клюв и прокартавила:

«Пр-р-ропащие. Жалко. Пр-р-ропадут. Сгинут-сгинут!»

На Дебру накатила тоска. И права, пропадут. Никто не защитит...

Она проснулась с ощущением необъяснимой тревоги, не связанной со вчерашними событиями. Страх, скорее, касался будущего. Треклятая птица будто в душу когтями впиалась. Дебра потянулась и застонала. Глаза слипались, тело налилось свинцовой тяжестью. Пришлось уговаривать себя выползти из-под одеяла и спуститься вниз. Пинком послужил рев двух машин, друг за другом уехавших прочь. Родители покинули дом, значит, времени на сборы почти не осталось.

— Катастрофа, — простонала Дебра, разглядывая отражение в зеркале. Веки опухли от ночных слёз, глаза категорически не желали держаться открытыми — хоть спички вставляй! Дополняла сногшибательный эффект болезненная бледность. Такая, что «клиентам» доктора Эймса не снилась. Насмешливые взгляды одноклассниц сегодня обеспечены на месяц вперед.

Оставшееся до выхода время Дебра провела на кухне, медитируя над чашкой с малиновым чаем. Она прогнала образ черного ворона, но теперь перед глазами маячило вчерашнее видение, вызывая новую волну тошноты. Какая же всё-таки мерзость — Вейда рядом с Диланом! Дело не в ревности. Вовсе нет. А в искаженности сюжета. В его несуразности. Вейда могла похудеть и подстричься, как в видении. Но её отвратительный характер не смогли бы исправить ни люди, ни обстоятельства.

Из кабинета раздался бой часов с фигурками на циферблате. Дебра спохватилась и кинулась к выходу, роняя из рюкзака учебники и тетради. На ходу нацепила солнцезащитные очки и припустилась за школьным автобусом, успевшим миновать остановку. Пришлось бежать и колотить в дверь, пока водитель не изволил сжалиться. Он ненавидел опоздания учеников. С радостью пользовался моментом, чтобы проучить «нарушителя» у всех на глазах.

Не обращая внимания на хихиканье одноклассников, Дебра плюхнулась на привычное место — в середине левого ряда у окна. Достала расписание, на которое накануне не потрудились посмотреть. С удивлением уставилась на прочерки вместо двух последних уроков и только спустя пару минут, наполненных тягостными раздумьями, сообразила, в чём причина. Как же доконали свалившиеся на голову несуразности! Дебра умудрилась забыть о событии месяца — тесте на Хайди, который сегодня предстояло пройти всей школе.

— Ты же никогда не нервничаешь перед тестом, — недоуменно заметил Дилан, присоединившийся к подруге через несколько остановок.

— Когда-то же надо начинать, — отмахнулась та, радуясь, что ее состояние и внешний вид списаны на волнение из-за Хайди.

Дилана в день тестирования подменяли на крайне несимпатичного незнакомца. Парень становился салатного цвета, отвечал невпопад, подолгу ворчал на каждого, кто упоминал болезнь. Нервничал не он один. Ида Бригс неоднократно, заходя в медкабинет, падала в обморок. У Донни за неделю до теста начиналась бессонница, Вейду хронически тошнило. Да и все остальные ученики выпускного класса не отличались здоровым цветом лица и сдержанностью — ссоры вспыхивали на ровном месте.

Уроки пролетели быстро. Стрелки часов демонстрировали сверхъестественную способность бежать быстрее времени. Несколько сумбурных смазанных мгновений, и вот они — двенадцать девушек — приглашены в медицинский блок. Мальчики, которым предстояло пройти тесты чуть позже, проводили одноклассниц похоронными взглядами, словно те отправлялись на расстрел.

Проверка всегда проходила по одному сценарию. Именные пластины доставляли рано утром на бронированной машине под охраной стражей, мрачных, поголовно одетых в

унылую форму цвета асфальта. В первой половине дня школьная комиссия, во главе с директрисой, пересчитывала тесты, затем врачи проверяли их на работоспособность. После обеда приглашали школьников — класс за классом. В кабинет запускали по одному ученику, пока остальные сходили с ума от напряжения в коридоре. Провинциальная Брилада не сталкивалась со смертельным недугом. Но кто мог дать гарантию, что ситуация не изменится. Вдруг именно сегодня у кого-то лампочка на тест-пластине замигает не спасительным зеленым, а жутким красным цветом?

Дебра сидела на стуле у стены, скрестив руки и ноги, и наблюдала, как Ида Бригс ходит туда-сюда по стерильно-белому коридору, а Вейда Армстронг один за другим уплетает леденцы. Конфетки громко хрустели на зубах, сильнее нервируя остальных девчонок.

— Сколько можно есть сладкое? — не выдержала Меридит Андерсон — высокая брюнетка с короткой стрижкой, славившаяся высокомерием и холодным презрительным взглядом. В классе её дразнили ледышкой. Меридит это не трогало. Глаза в ответ снисходительно сужались.

— Леденцы от тошноты помогают, — Вейда показательно отправила в рот ярко-красную конфетку.

— Правда? — обрадовалась Мери Франк — рыжая в веснушках девушка. — Дай одну, с утра мутит.

Вейда скривилась, но пакетик с цветными кружочками протянула.

— Меридит Андерсон! — от металлического голоса медсестры, искаженного динамиком, девчонки в коридоре дружно подпрыгнули.

— О! Сегодня по алфавиту вызывают! — брякнула Дебра. Ее раздражала манера врачей менять порядок фамилий в непонятной последовательности. Одно дело, когда знаешь о номере очереди заранее и ждешь испытания. Другое — неожиданное приглашение на экзекуцию.

Девочки посмотрели на Дебру с осуждением, а Меридит применила самый коронный убийственный взгляд из богатейшего арсенала. Дебру это ни капли не расстроило. Она и сама умела не хуже. При условии, что глаза не превращаются в щелочки от пролитых накануне слёз.

— Рид, твоей тонкой душевной организации можно позавидовать, — съязвила верная себе Вейда, разгрызая новый леденец.

— А я в восторге от твоей скромности и абсолютного равнодушия к делам других людей, — не осталась в долгу Дебра.

При одном взгляде на ненавистную одноклассницу бросило в жар. Раздражение родилось в животе и резво рвануло вверх, в мгновение ока достигнув висков. Захотелось протянуть руку и хорошенько дернуть нахалку за конский хвост.

— А я от твоего потрясающего интеллекта! — Армстронг повысила голос. Она ненавидела, когда последнее слово оставалось за другими.

— А я...

Но с перечислением других качеств, способных восхитить Дебру, не сложилось.

— Вейда Армстронг! — требовательно прорычал динамик. Это означало, что Меридит прошла тест. Школьники заходили в одну дверь, а выходили в другую. Результаты предшественников узнавали, когда весь класс завершал тестирование.

Перепалку пришлось прекратить — к неудовольствию обеих участниц. Едва за Вейдой закрылась дверь, неразлучные подружки Яра Маркес и Молли Раис дружно хихикали. Их прозвали сиамскими близнецами. Черноволосые, темноглазые, смуглые — они везде ходили парой и мысли умудрялись излагать вдвоем: одна начинала фразу, вторая заканчивала.

— Вейда права... — протянула Яра, расплываясь в лисьей улыбке.

— Насчет твоего интеллекта, — продолжила Молли, глядя с фальшивой жалостью.

Дебра сжала зубы. Две зануды не отстанут, пока не выскажутся до конца. Оставалось надеяться, что это не затянется.

— Не понимаешь? — Яра показательно возвела глаза к потолку. Вдохнула и покосилась на подругу, взвешивая: сказать самой или уступить сомнительное право Молли. — Вейда влюблена в твоего парня. А ты не можешь додуматься куриным мозгом.

— В кого?

— Рид, ты безнадежна, — театрально покачала головой Молли.

— А-а-а, вы про Дилана, — сообразила Дебра.

Приготовилась протестующе замотать головой, но передумала. Твердя одноклассникам об отсутствии романтики, они с другом сильнее подогревали к себе интерес, поэтому предпочитали игнорировать ехидные замечания. По крайней мере, Дилан. У подруги получалось через раз. И вообще...

Стоп! Вейда влюблена в Дилана?! Как это?!

Вейда, конечно, всегда крутилась рядом. Но разве причина тому — не желание поддеть неразлучных друзей? С другой стороны, к Дилану противная девчонка никогда не цеплялась, ехидные замечания отпускала исключительно в адрес Дебры.

— Дилан и Вейда, — она усмехнулась. — Это смешно. Вейда, правда, думает, что у нее есть шанс? Кто-нибудь способен представить их вместе?

Дебра осеклась. Негодная память услужливо подсказала ответ. Вчерашнее видение! Дилан и Вейда говорили очень странные... нет, крайне опасные и неправильные вещи. Но в глазах светилась неподдельная нежность. Общая картинка получилась ложной, однако чувства влюбленных не назовешь фальшивкой.

Одноклассницы, перешептываясь, наблюдали, как изумление на лице Дебры сменяет напряженная задумчивость, а затем и гнев. Она не замечала насмешливых взглядов. Мысли мельтешили с бешеной скоростью, не успевали оформиться, уступая место следующим. Вчера Дебра видела Дилана, целующимся с мерзкой девчонкой. Та выглядела иначе. Красивой и стройной. Разве не такой представляла бы себя рядом с парнем мечты Вейда? Именно такой!

А другие видения? Рассказ Донни — об отце и гонках? У них замечательная семья. Но вдруг в глубине души отец жалеет, что отказался любимого хобби? Не поставь жена условие, может, он и сейчас завоевывал бы призы и купался в обожании поклонников? Или поклонниц — молоденьких и длинноногих. Однажды мальчишки следили за астронавтами. Космос под запретом, разговоры о нем не приветствуются. Но вокруг нашлось бы немало людей, мечтающих понаблюдать за настоящими покорителями далеких звезд. Одним глазком, разумеется. Пока никто не видит.

Вдруг видения — чьи-то материализовавшиеся мысли? А они — Донни, Генри и Дебра — телепаты? Что, если существуют люди, способные, как приемники, улавливать чужие тайные желания и превращать их в зрительные образы? Но как тогда быть с видением на озере? О тете Боба Ралли? Кто-то представлял, как кассиршу сбивает машина?

Стоп! Десять раз стоп! Дебра сердито вырвала сознание из круговорота предположений и вернулась в реальность. Бред, бред, бред! Нет никаких телепатов, и никто не планировал переезжать на красной машине невинную женщину!

— Дебра Рид! — угрожающе рыкнул динамик.

Шаркая ногами, Дебра подошла к кабинету. Сегодня он напомнил чудище, одну за другой поглощающее трясущихся жертв. Пожилая школьная докторша холодно кивнула на стул, резким движением убрала с лица седую прядь. Молоденькая медсестра, уткнувшись в компьютер, не потрудилась обернуться. Зато лысеющий доктор — коллега Делинды из больницы, подбадривающе улыбнулся. «Жертв» всегда встречали три человека: две сотрудницы школы и специалист из больницы. Особой нужды в нем не

испытывали, но, раз по регламенту наблюдателю полагалось присутствовать, его обязательно присылали.

Тест-пластина поджидала на столе. Дебра знала нехитрую процедуру «от» и «до». Не дожидаясь приглашения, положила левую ладонь на панель. Едва коснулась холодной поверхности, сердце сжалось от дурного предчувствия. Будто когти ворона вонзились глубже. Странно Дебра всегда волновалась во время проверки, но настоящий ужас испытала впервые. Прежде не верила всерьез, что далекая Хайди доберется до их захолустья.

Пластина зажужжала, как майский жук. На верхней части квадратного монитора появилась надпись: «Тестируемый опознан». Ниже зажглась новая строчка: «Рид Дебра. Сектор № 29. г. Брилада. Школа № 3. Класс № 10/1». Игла кольнула указательный палец, чтобы получить каплю крови. Через полторы минуты, показавшиеся вечностью, на панели загорелась лампочка. Зеленая, что свидетельствовало об отрицательном результате теста.

Но тревога не отступила. Колотящееся сердце кричало, что вздохнуть с облегчением рано.

В классную комнату Дебра вернулась в прескверном настроении. К раздражению из-за перепалки с Вейдой и разговора с сиаемскими близнецами, прибавилось неприятное покалывание в груди — тревожное, настойчивое и злое. Хотелось взять что-нибудь (да хоть школьный стул) и швырнуть об стену. Но это не принесло бы и минутной разрядки, а вызвало новую порцию гнева. На себя. За несдержанность.

Одноклассники, прошедшие тест, покинули школу. С вещами. Формально требовалось оставаться в здании, пока проверку не пройдет последний ученик. Но в хорошую погоду старшеклассники игнорировали скучное правило. Дожидались на прилегающей к школе территории. Чаще всего, у озера. Темно-серая вода с болотным отливом от водорослей, растущих на илистом дне, положительных эмоций приносила мало. Но под крышей было еще тоскливее — из-за унылых коричневых стен. Считалось, убогая простота должна настраивать детей на серьезный лад, однако она лишь угнетала. Дебра не раз ловила себя на мысли, что классы давят, желая стереть её с лица земли.

Сборы соответствовали настроению. Тетрадки с учебниками безжалостно запикивались в рюкзак, словно их единственное предназначение — превратиться в макулатуру. Следом со стуком полетели ручки и карандаши. Пальцы коснулись застёжки, но дальше вышел казус: рюкзак завалился на бок и неуклюже приземлился у ног.

— Всё в порядке? — вежливо осведомился мелодичный девичий голос, пока Дебра на четвереньках собирала выкатившиеся письменные принадлежности.

— Разумеется, — проворчала она, встретившись с бледно-голубыми, почти прозрачными глазами одной из одноклассниц — Ингрид Торренс.

Они проучились вместе почти десять лет, но общались редко. В классе Ингрид считали странной. Виною тому был ее отсутствующий взгляд, словно она находилась где-то далеко, и стойкое нежелание поддерживать отношения с окружающими. Не помогала даже презентабельная внешность — тонкая талия, бледная кожа и грива белокурых, мягких, как пух, волос.

Ингрид была стабильным середнячком: вперед не рвалась, с заданиями справлялась на твердую четверку. На переменах садилась рисовать. Задумчиво водила карандашом по бумаге, создавая один пейзаж за другим. Девчонки хихикали, мол, Торренс способна ладить только с деревьями и цветами. Но Ингрид игнорировала ехидные замечания. Постепенно у всех, кроме Вейды, пропало желание ее дразнить.

Дебра спрятала неловкость за «светской» беседой, которой предстояло стать рекордно-короткой. Не терпелось выбраться на свежий воздух — подышать, успокоиться. Забыться...

— Целый месяц спокойной жизни, — непослушный рюкзак, наконец, удобно расположился на худом плече.

— Если не считать выпускные экзамены, — заметила Ингрид почти равнодушно.

Дебра натянуто хмыкнула и, считая долг вежливости выполненным, направилась к выходу.

— Я хочу тебя нарисовать, — раздалось в спину непривычно требовательно.

Неужели, это произнесла девушка, безразличная ко всему на свете?

— Если ты не против, — поспешила добавила она. — Можно начать прямо сейчас.

— Разве ты не пейзажи рисуешь? — вопрос не отличался тактичностью, но, растерявшись, Дебра не придумала ничего иного.

— Не только, — Ингрид не обиделась. — Пейзажи я рисую в школе. Здесь не с кого писать портреты. Все заурядные. Одно большое стадо. Злое стадо. Но это не их вина.

Дебра вернула тяжелый рюкзак на парту.

— Чем же я удостоилась чести? — она пристально посмотрела в глаза Ингрид. Сейчас взгляд одноклассницы не казался отсутствующим. — Я — добрая? — с губ сорвался натянутый смешок. Ингрид очень верно подметила то, о чем Дебра знала всегда, но намеренно не замечала.

— Ты другая. В тебе есть сила. Сила и надрыв. Странное сочетание, но важное.

Ответ вызвал новую порцию злости.

— Извини, в другой раз.

— Куда тебе торопиться? — Ингрид принялась рыться в широкой сумке из плотной темно-синей ткани в поисках альбома. — Домой нас пока не отпустят. Дилан на тесте. Вряд ли тебя радует перспектива ждать на улице в компании Вейды. Если, конечно, не планируешь продолжить ссору — на радость зрителям.

Дебра закусил губу. Аргументы в яблочко. Она слишком устала для соревнований в красноречии, а Вейда не отцепится. Через пять минут Дебра сидела за партой, распустив вьющиеся волосы. Карандаш Ингрид вдохновенно бегал по альбомному листу. Касался бумаги то нежно, поглаживая, то безжалостно давил, жаждал проткнуть насквозь.

— Ты раньше не боялась тестов, а сегодня переживала. Почему? — Ингрид переводила взгляд с позирующей одноклассницы на набросок.

— Мне не нужно сидеть молча? В смысле, не шевелиться, чтобы ты могла меня нарисовать?

— Не обязательно. Мне важнее уловить эмоции, черты лица я и так передам, — художница продолжала сосредоточенно наносить на бумагу штрих за штрихом. — Так что случилось?

— Какая разница? Лучше скажи, почему одноклассники — злое стадо?

Дебра думала, Ингрид стушется и промолчит, но её не встревожила провокация.

— Из-за мира, в котором мы живём. Люди стараются не выделяться, но ненавидят рамки, в которые их загнали, — Ингрид, нахмутив брови, растерла пальцем глубокие линии на листе. — Так устроен человек. Ему нужна свобода. Или её иллюзия. Но сейчас нет и этого.

Дебра ответила не сразу. Попыталась подобрать слова. Правильные и уместные.

— Ты говоришь очень...

— Опасные вещи? — подсказала Ингрид с задором. — Не важно. Скоро всё изменится — так или иначе. Ты сама это чувствуешь. Потому нервничаешь.

— Я не...

Память нарисовала ворона и уродливые следы от когтей на журналах.

— Не гони предчувствия, — проговорила художница сурово. — Если слушать, подскажут выход. Знаю-знаю, звучит бредово. Далия постоянно твердит, что я произвожу впечатление сумасшедшей. Она хорошая, но, как и все вокруг, ограниченная.

— Кто такая Далия?

— Моя тётя. Вдова моего дяди Арэна. Ты ее знаешь.

Дебра осеклась, поняв всеобщую ошибку. В классе считали, Ингрид живёт с матерью — полной улыбчивой женщиной возраста Делинды. На родительские собрания она всегда приходила, перевязывая черные с проседью волосы красной лентой.

— Хочешь спросить, где мои родители? — подсказала художница. — Папа умер. Давно. Я его не помню. А мама... Она живет в другом месте. Далеко. Мне нельзя с ней. Пока нельзя.

Дебра отвернулась, не зная, что сказать. Тут любые слова неуместны.

Продолжить странный разговор не пришлось. В полупустой школе завывала сирена, как раненный зверь, оповещающий округу о скором конце. Из динамиков, развешенных в здании и на пришкольной территории, раздался голос директрисы, в котором явственно зазвучала паника.

— Всем ученикам немедленно вернуться в здание! Повторяю! Всем немедленно вернуться в классные комнаты!

— Что-то случилось. Плохое, — Ингрид отложила рисунок.

Дебра не удержалась, посмотрела на него. Лицо получилось похожим, но эмоции были чужими. С листа взглянула решительная, уверенная в себе незнакомка. С блеском в глазах, больше присущим девушке из многолетних снов, нежели ей самой.

— Мне нужно найти Дилана, — прошептала Дебра плохо слушающимися губами. Но не поиски друга гнали к выходу, а желание сбежать от неоконченного портрета.

В дверях она столкнулась Идой Бригс и не сразу узнала одноклассницу — русые волосы в беспорядке свисали на заплаканное лицо, тонкие губы дрожали.

— Что случилось?

— Он-н-ни... он-н-ни... — Ида всхлипывала и заикалась.

— Что?! — Дебра схватила ее за плечи и с силой встряхнула.

— Он-н-ни н-н-нашли Хайди... Д-Д-два с-с-случая... Уууууу н-н-нас в классе...

— У кого? — с нажимом спросила вскочившая Ингрид.

Ида могла ничего не говорить. Ответ был очевиден.

— У Д-д-донни и Г-г-генри....

Дебра закрыла глаза, провела рукой по взмокшему лбу. Треклятый ворон таки предрек беду. Сейчас она не гнала предчувствия. Они говорили... Нет, кричали, что привычный мир рухнул. Разбился на миллион осколков. Упомянутые Ингрид перемены грозили уничтожить на своем пути всё и всех.

Глава 3. Кто контролирует сны?

Окраина Каста-Беллы

Комнату с массивным письменным столом и старинным камином в полстены поглотил полумрак, хотя световой день не закончился. Солнцу оставалось еще часа два гулять по ясному небу. Однако плотные темные шторы полностью закрывали окно, не давая шанса ни единому лучику.

Им здесь не место. Здесь жили сумерки. Или ночь.

Сюда не доносился ни единый звук с улицы. Дом стоял в стороне от другого жилья. Но не это оберегало его от шума. И не стены или стекла. А кое-что гораздо сильнее и надежнее. Опаснее. Единственным, что нарушало потустороннюю тишину были стук маятника и размеренное дыхание. Любой человек, случайно оказавшийся в комнате, испугался бы последнего звука насмерть.

В дыхании не было ничего зловещего. Просто неожиданный посетитель мог бы поклясться, что в темном помещении никого нет. Только мебель да книги в шкафах. И сильно бы ошибся. Тьму трудно разглядеть, если она скрывается во мраке.

Телефонный звонок пронесся по комнате, как пулеметные залпы. С кресла в дальнем — самом темном углу — поднялась тень. Подплыла (или так просто могло казаться из-за темных длинных одежд?) к столу.

— Слушаю, — произнес хриплый женский голос. Потусторонний. Или, скорее, мертвый.

— У нас подозрительный случай. Ситуация точь-в-точь, как ты предсказывала, — проговорил другой голос. Тоже женский. Но живой. Звонкий и властный. — В 28-м секторе. Город Брилада.

— Что требуется от меня?

— Начинать свою чертову работу! — вспыхнули на том конце. — За тебя ее никто не сделает. В Бриладу отправлены наши люди. Ты получишь всю информацию. Начинай проверку. По... э-э-э... своим особым «каналам». Найти этого треклятого ребенка. Или подростка. Или кто он там. Я должна добраться до него раньше, чем он до медальона. Или хочешь, чтобы вместо него я стерла с лица земли тебя?

Женщина в черном с трудом подавила гнев.

— Еду, — проговорила она сухо и положила трубку.

Сделала это абсолютно спокойно, а потом позволила эмоциям, как демонам, вырваться на свободу. Ударил кулаками по столу. В ответ на камине позади в дребезги разбились две статуэтки. Мелкие осколки разлетелись по всей комнате, словно острые иглы чужой ярости.

— Да что она о себе возомнила? Посредственная, глупая...

Женщина оборвала себя на полуслове и криво усмехнулась, поворачиваясь к боковой стене.

— Выходи. Я знаю, что ты здесь.

Новая тень отделилась от книжного шкафа. Но не такая, как первая. Иная. Она не выглядела осязаемой. Висела в воздухе, как сгусток темной энергии.

— Значит, началось? — констатировал еще один голос. Мужской.

— Похоже на то.

— Еще не поздно отступить.

— С какой стати? — лица женщины невозможно было разглядеть в темноте мрачной комнаты, но она точно усмехалась.

— Этому миру всё равно не выжить. Так пусть ОНО возьмет своё. ОНО уже настигает тех, кто.... - он запнулся. — Тех, кто всё переиграл.

Она ответила не сразу. Будто снова взвешивала все «за» и «против». Но то была иллюзия. Хозяйка дома на отшибе всё решила очень давно.

— Если ты сомневаешься, зачем вызвался в помощники? Почему возвращаешься сюда из раза в раз?

Теперь помолчал он, подбирая слова.

— Я не отказываюсь от обещания. И сделаю всё, что потребуется. Но прошли годы. Я хочу быть уверен, что тебя не гложут сомнения. Одно дело — решение, принятое на эмоциях, другое — оно же после многих лет ожиданий и раздумий.

— Для меня ничего не изменилось, — ответила женщина строго. И не покривила душой. При условии, что та у нее была. — А теперь возвращайся в тело. Ты и так слишком часто покидаешь его не по делу. А мне предстоит работа. Пора познакомиться с избранником нашей обожаемой безделушки.

— Зря ты так о медальоне, — попенял темный сгусток. — Он не любит сарказм. Как и ОНО...

— Проклятье! — выругалась хозяйка дома. — ОНО — это прожорливое животное, не щадящее ничего и никого, может не беспокоиться. Я не перехожу ему дорогу. У нас одна конечная цель. Пусть сжирает этот мир. Но на моих условиях.

Сгусток не посмел спорить, уловив в интонации... нет, не угрозу. Былую мощь. Растворился, не оставив ни следа. Женщина даже не посмотрела в ту сторону, где он висел. Взяла со стола черную маску и, прежде чем покинуть дом, спрятала лицо.

Брилада

Дебра сидела на полу, обхватив горячую голову ладонями. Виски колото тонкой иглой боли. Сначала от криков, слёз и проклятий. Теперь от звенящей тишины, насквозь пропитанной страхом. Здесь — в стерильной комнате без окон — она казалась особенно давящей. Дебра никогда не видела столько испуганных людей, как за последние сутки. На бумаге все, включая врачей и чиновников, знали, как себя вести в случае обнаружения Хайди. Но на деле все либо суетились, либо впадали в ступор. В память врезалось лицо директрисы без единой кровинки. Ученикам явился призрак из фильма ужасов. С ошалевшими глазами на мертвом лице-маске.

Ситуацию взяли под контроль стражи. Не местные — простые офицеры, призванные обеспечивать порядок в общественных местах, а обученные профессионалы, стянутые из соседних крупных городов. Район оцепили, выставили вооруженные кордоны, словно началась война. Школу закрыли на карантин, выпускной класс перевезли в ближайшую больницу, где ребят заперли в палате на подземном этаже, превратив ее во временный изолятор. Не хватало Донни с Генри, о судьбе которых одноклассники ничего не знали. С пациентами никто не общался, опасаясь распространения недуга. Еду в палату завозила радиоуправляемая машина.

Первый день прошел бурно. Слезы и ругань сменяли уверения, что через несколько часов заточение закончится. Осознание масштабов катастрофы пришло после бессонной ночи, показавшейся вечностью. Полчаса назад школьники окончательно впали в уныние. На стене ожило радио и объявило, что завтра приедут врачи из столичного Центра Хайди. Им предстояло решить судьбу пациентов. Как же жутко это звучало! Будто они преступники, ждущие приговора от беспощадных, равнодушных судей.

Нарушить гнетущие молчание решился Боб Ралли. Но не сказал ничего нового.

— Нас скоро выпустят. Мы же прошли тест.

— Это не значит, что мы не заразились! — Ида Бригс швырнула в парня скомканный бумажный платок. — Подумаешь, лампочка зеленая! Откуда тебе знать, что она через неделю не станет красной?!

— Нас могут продержать здесь месяц, — принялся объяснять Дилан, стараясь предать голосу оптимизм. Все взгляды приковались к нему. Ребята вспомнили, что он — сын врача. Да, доктор Эймс имел дело с мертвыми «пациентами», однако был главным экспертом в своей области, а, значит, в медицине точно разбирался. — У всех лампочка была зеленая. Но мы общались с Донни и Генри, а значит, риск заражения есть. Доктора подождут тридцать дней, чтобы сделать повторный тест. На ранней стадии определить Хайди невозможно.

— Если кто-то болен, за месяц заразятся остальные, — мрачно подметил рыжий Эйдан Хейз. Из-за грубоватого баса создавалось впечатление, что он всегда ворчит.

— Почему же нас вместе закрыли? — оглушительно взвизгнула Вейда и ринулась к запертой двери. — Выпустите! Вы слышите?! Я хочу отсюда выйти!

— Лучше вместе, чем поодиночке, — прошептала Мери Франк, кутаясь в клетчатый плед. — Я бы одна с ума сошла.

— Я тоже, — Яра Маркес подвинулась ближе к «сиамскому близнецу» Молли.

— Прекрати! — прикрикнул Боб на Вейду, но та не услышала, продолжила молотить мощными кулаками по металлической двери. В такт сердцам одноклассников.

Дебра обвела палату усталым взглядом. Все напуганы. За себя и родных. Однако менее злыми страх их не сделал. Сколько яда успели выплеснуть на двух заболевших мальчишек! Будто они нарочно подхватили смертельный недуг! Дебра не раз возвращалась в мыслях к Донни и Генри. Где они сейчас? Что с ними делают? И, главное, как мальчишки заразились Хайди в городе, в котором никто никогда не болел? Здесь было над чем подумать, и Дебра с радостью обсудила бы ситуацию с Диланом, но в присутствии еще пятнадцати человек это было невозможно.

По дороге в больницу они с другом едва успели обменяться парой фраз.

— Не понимаю, — шепнул тогда Дилан. — Сначала видения, теперь Хайди. Может дурацкий туман — новый симптом болезни? Не зря же парнями в Каста-Белле интересовались.

Вспоминала Дебра и мать с отцом. Интересно, думают ли они о ней? Волнуются ли хоть немного? Их троих нельзя было назвать нормальной семьей, но сейчас Дебра с радостью оказалась бы рядом с родителями. Пускай ворчат, лишь бы все остались живы и здоровы.

На следующий день «сбылось» желание Вейды: пациентов выпустили из изолятора. Но лишь для того, чтобы запереть в одиночные палаты. Так решили столичные доктора. В новой «темнице» Дебру встретили узкая кровать и тумбочка. Ни телевизора, ни книг, ни журналов. Не было и окна, способного подарить клочок живого неба. В общем изоляторе развлечений тоже не предлагалось, но пленники хотя бы общались.

До позднего вечера Дебра пролежала в постели — лицом к стене, запрещая себе поддаваться панике. Вспоминала всё, что знала о Хайди из еженедельной программы на ТВ, призванной успокоить население. Врачи приходили в студию и делились последними успехами в борьбе с недугом. Напоминали, что за последние пять лет от Хайди не умер ни один житель планеты. Докторам удавалось вовремя выявлять болезнь и сохранять пациентам жизни.

Дебра представила самую частую гостью программы — Присциллу Грей, советницу верховного правителя Абрахама Уинфри по вопросам здравоохранения. Один вид холерной блондинки в строгих костюмах внушал оптимизм. Красивое лицо не покидала улыбка. Глубоко посаженные голубые глаза заглядывали в душу каждому зрителю — успокаивали, убеждали, что всё под контролем.

Однако сегодня Дебра не спешила верить советнице. Вспоминала репортажи из больниц, где лечились, а, по сути, жили подконтрольные — люди, не погибшие от Хайди, но навсегда оставшиеся пораженными тяжелым недугом. На камеру они заверяли, что счастливы, ведь им подарили второй шанс. Но разве они выглядели довольными? Нет. Это Дебра поняла очень ясно. Подконтрольные произносили заученные фразы, в которые не верили. Это была не жизнь, а пародия. Больница превратилась в тюрьму. Ни

семьи рядом. Ни глотка свежего воздуха. Лишь стены, замки и враньё...

...В сон Дебра провалилась, едва в палате погас свет. В странный, но яркий и впервые за долгое время управляемый. Обошлось без белой комнаты, закручивающейся в спирали тягучей дымки и тяжелого медальона с голубым камнем. Объявилась лишь привычная сероглазая спутница. Сидела на берегу школьного озера, где Донни и Генри угораздило собрать одноклассников на мистическое «шоу».

Водная гладь выглядела на удивление спокойной, чего в реальном мире за ней не водилось из-за множества ледяных ключей. Походила на зеркало, отражая клочья серых облаков. Небольшую рябь создавали жёлтые листья, плывущие в никуда. Пахло дождем, но озноба Дебра не чувствовала, сырая погода и мрачное небо были антуражем. Она смело шагнула к таинственной девушке из многолетних кошмаров и устроилась рядом.

— Почему ты мне снишься?

— Забавно. Тот же вопрос я хотела задать тебе, — девушка задумчиво наклонила голову. Длинная челка закрывала лоб и падала на глаза. — Кто ты?

— Человек, — пробормотала Дебра, растерявшись. Слишком требовательным тоном задали вопрос. Как приказ большого начальника.

— О! — губы спутницы скривила снисходительная усмешка, в голосе зазвучал неприкрытый сарказм. — Это многое объясняет! А живешь ты, наверняка, на Земле?

— В Бриладе.

— Это деревня такая?

— Город. Небольшой. В 29-м секторе, — Дебра почти не обиделась. Брилада ничем не славилась и не упоминалась в школьных учебниках или туристических брошюрах. — А ты где живёшь?

— В Каста-Белле.

— В мировой столице?! — в голосе невольно прозвучало восхищение.

— Это самый обычный город, — повела плечами собеседница с деланным равнодушием, но реакция ей польстила.

— Говорят, у вас там всё грандиозно. Хотя вы гораздо ближе к Хайди.

— Хайди? Это человек?

— Ты не знаешь, — Дебра нахмурилась. — Значит, ненастоящая.

— Еще чего! — возмутилась та. Брови сошлись в одну линию, как у строгой учительницы. — Это ты — плод моего воображения. Сон, который я вижу с детства.

— Нет, это ты — сон! А я на самом деле!

— Бред, бред, — девушка запустила пальцы в каштановые волосы. — Кстати, куда сегодня делся твой медальон?

— Не знаю, — проворчала Дебра, чувствуя себя неуютно. Собеседница оказалась нахалкой, выдающей превосходство.

— А кто тот тип, что нас пытается убить?

По спине промчалась стайка мурашек. Дебра предпочитала думать, что противник на них нападает, а вовсе не стремится лишить жизни.

— Ой!

На «сцене» без предупреждения сменились декорации. Озеро с облаками в нём и над ним качнулось, замерцало, потеряв чёткость, и провалилось под землю. Уступило место бесконечной белой комнате. Будто сложился и разложился веер с новой картинкой.

Только две девушки остались сидеть на месте. Дебра не могла объяснить, почему решила, что это место — комната. Здесь не доводилось видеть ни стен, ни потолка. Знание впечатали в мозг.

— Зараза! — выругалась она, обнаружив в ладони медальон. Треклятое украшение радостно играло оттенками синего и фиолетового.

— Это ты сделала? — рассердилась спутница.

— Нет. Я думала — ты.

— Вы обе — глупые девчонки! — ударил по ушам знакомый зловеющий голос, искусственно усиленный в разы.

— Попробуй его рассмотреть!

— Не могу! — Дебру захлестнуло отчаянье. — Я это не контролирую!

— НЕ КОНТРОЛИРЮЮ! — крикнула она наяву, садясь на кровати. В отдельном изоляторе.

Дебре понадобилось минут пятнадцать, чтобы унять обезумевшие сердце. Сидела в темноте, прижавшись спиной к стене и притянув к подбородку колени. Потом снова легла, сунув ладони под подушку. Одеяло сбросила на пол. Тело пылало огнём, будто температура подскочила за сорок градусов.

Зато голова оставалась ясной.

Сон получился, как никогда, реальным. Физические ощущения притупились, но картинка была чёткой. Дебра контролировала всё, что делала и говорила. Не считая последних мгновений. Вторая девушка тоже. Они впервые общались от своего лица, а не исполняли, как марионетки, прихоть медальона, но говорили не о том. Следовало о многом расспросить, а удалось лишь выяснить, что подруга по несчастью живет в мировой столице и ничего не слышала о Хайди. Дебра почти поверила, что та существует. Но почему-то притворяется неосведомленной о болезни, разрушавшей мир.

Уснуть больше не удалось. Когда в изоляторе зажегся свет, голова раскалывалась от боли. Чудилось, вены взорвутся, и кровь брызнет фонтаном, унося в небытие страхи и вопросы без ответов. Не увенчались успехом попытки поспать днем. Сон не шёл, и Дебра ходила туда-сюда по комнатке, чтобы устать. Пять шагов в длину, два с половиной в ширину. Не бог весть что, но сойдет. Неровная трещинка на резиновом полу, словно шрам на коже. Еще одна, напоминающая кривую усмешку. Наверняка, так выглядит рот злодея из сна. А вот изогнутая линия, будто удивленно приподнятая бровь столичной нахалки.

Часов в изоляторе не было, и пленница не знала, сколько времени продлилась «пешая прогулка». Индикатором усталости послужила боль в ногах. Заныли икры, затем и лодыжки, отзываясь навязчивым покалываем при каждом шаге. Но Дебра терпела, пока не свело левую ногу — от щиколотки до бедра. Присела на край кровати и растерла конечность. Раздражение вновь накрыло горячей волной. Очень некстати. Злость — точно не помощник для сна.

Но спать не пришлось. На стене ожил динамик, напугав до дрожи. Металлический голос зазвучал равнодушно, но жестко:

— Дебра Рид, вас ждет для беседы профессор Картер из Центра Хайди. Когда откроется дверь, идите направо до конца коридора — в кабинет номер восемь. Советуем не делать глупостей, если не хотите неприятностей для себя и близких.

Дебра гневно сжала зубы. Она и без указаний не собиралась делать глупости. Отлично понимала серьезность ситуации. Не ребенок, который с воплем «мама!» бросится бежать, не разбирая дороги. Перспектива общения с неизвестным профессором не вдохновляла. Наверняка, задаст кучу медицинских вопросов, ответы на которые есть в карте. Станет важничать, как докторша из школы.

Отведенную для беседы комнату разделили прозрачной стеной от пола до потолка,

чтобы избежать заражения. Вплотную к перегородке поставили столы. По ту сторону ждал упомянутый профессор Картер. Он потряс Дебру. В ее представлении доктор не имел права оставаться безучастным к беде пациентов. Сидящий напротив лысеющий врач не походил на живое существо. Лицо каменное, равнодушное. Он приехал в Бриладу не помогать, а констатировать факт недуга. Или смерти.

Дебра осторожно присела на жесткий стул, опасаясь сделать лишнее движение. Но профессор не торопился заговаривать. Что-то аккуратно вписывал в толстый блокнот. Губы сильнее сжимались. Если доктор хотел напугать пациентку, то легко справился с задачей. Дебра почувствовала себя призраком. Словно заболела Хайди, умерла и теперь бродила по больнице, отчаянно привлекая к себе внимания. Но ее никто не видел. Она превратилась в тень.

Врач нарушил молчание, когда Дебра почти поверила в безумную фантазию.

— Отвечайте на вопросы честно и не перебивайте, — приказал Картер низким стальным голосом, не отрывая взгляда от записей. — За любую ложь вас накажут. Речь не о школьных штрафах или общественных работах. Надеюсь, вы понимаете плачевность своего положения лучше, чем некоторые одноклассники.

Доктор, наконец, посмотрел на Дебру. Она едва удержалась, чтобы не юркнуть под стол.

— Вы поняли меня, юная леди?

— Да, — ответила она хрипло.

Ох, лучше бы и дальше сидела в отдельном изоляторе.

— Расскажите, что произошло на озере.

— На озере? Разве мы в изоляторе не из-за Хайди? — слова вырвались прежде, чем Дебра вспомнила наставления.

— Здесь я задаю вопросы.

— Да-да, конечно, — она испуганно закивала и постаралась забыть об интересе профессора к мистическому туману.

Дело продвигалось медленно. Дебра нарочно не торопилась, взвешивая в уме каждую фразу, а профессор постоянно перебивал.

— Почему Вейда Армстронг вас пригласила? У нее были видения?

— У Вейды? Ой! Простите! Вряд ли. Она просто... просто....

Как объяснить Картеру, кто такая Вейда? Разве бесчувственный робот поймет, что девочка с массой комплексов из кожи вон лезет, чтобы заинтересовать окружающих, а особенно Дилана.

Профессор не дослушав заикания, обрушил новый шквал вопросов:

— Почему вы пошли на озеро? Кто на этом настоял: вы или Дилан Эймс? Какие у вас двоих отношения?

Дебра продолжила путанный рассказ, смущаясь и краснея.

— Никто не настаивал. Все пошли, и мы пошли. Мы с Диланом друзья. Но многие считают иначе. Они придумывают то, чего нет. Я хочу сказать, мы дружим. То есть, не в том смысле, в каком вы подумали... в каком все подумали...

Дебра замолчала, сбившись окончательно.

— Перед инцидентом вы отводили Донни Паркера в сторону. Почему разговор шел на повышенных тонах?

— Откуда вы... — Дебра осеклась, но махнула рукой и выпалила в сердцах. — Я злилась! Надеюсь, Донни признается, что они с Генри всё выдумали. Но он из кожи вон лез,

доказывая, что видит людей в тумане!

Ужасно говорить такое о Донни. Но выбора нет. Видения мальчишек не секрет. Ее слова хуже не сделают. Зато позволяют защититься. Сейчас важно говорить побольше правды, чтобы солгать о главном.

— У кого еще в классе были видения? — задал, наконец, Картер вопрос, которого Дебра ждала и боялась.

— Не знаю, — она сделала невероятное усилие, чтобы голос не дрогнул.

— Не смейте лгать! Я предупредил о последствиях!

— Я не лгу, — твердо объявила Дебра (откуда только силы взялись?). — Больше никто не говорил о видениях. Все злились на мальчишек за враньё.

Профессор помолчал, не отрывая от бледного лица пациентки колючего взгляда.

— Возвращайтесь в изолятор, — проговорил минуту спустя. — Советую до следующей беседы хорошенько подумать над ответами. От них зависит ваше возвращение домой.

Профессор мог не давать подобного совета. Дебра только и делала, что думала. Тревожные мысли терзали голову, пока в горячих висках не появлялась пульсирующая боль. Раз за разом прокручивала в уме разговор с доктором, чтобы морально подготовиться к следующей встрече. Репетировала ответы. Но дни шли, а радио на стене упорно молчало.

Постепенно чувство реальности начало подводить. Дебра вновь и вновь попадала в ловушку памяти, уносящей сознание туда, где нет места одиночеству и страху, а жизнь простая и обыденная. Как же тяжело было возвращаться назад! Кто-то невидимый щелкал переключателем, и вместо лица лучшего друга, сидящего с учебником под любимым деревом за школой, или родной спальни в тихом доме, появлялись мрачные стены изолятора.

Не приносили покоя и сны. Старые кошмары не возвращались, но их место заняли новые. Ночь за ночью Дебре являлись мать с отцом, уходящие прочь, или Донни с Генри, замотанные в смиренные рубашки. Посещал сны и напуганный Дилан вместе с другими одноклассниками — бледными, как смерть. Несколько раз Дебра прикладывала дрожащую ладонь к тест-пластине, и на панели вместо привычной зеленой лампочки загоралась красная. Лишь таинственной жительнице Каста-Беллы не находилось места в беспокойных сновидениях.

Она явилась на седьмую ночь, когда надежда на встречу угасла. За прошедшие дни Дебра распланировала диалог со столичной гостьей, чтобы спрашивать о важном. Но едва взглянула на место, отведенное для беседы, позабыла обо всем на свете. Подобного ей видеть не доводилось. Гора, опутанная коридорами. По-другому представшее взору чудо природы и техники не назовешь. Гора самая настоящая, но над спиралями «поработали» мастера из запрещенных фантастических фильмов. На асфальте и прозрачных стенах высвечивались незнакомые значки. Внутри располагались мерцающие препятствия: слякбаумы, ямы, люди. Кажется, в другой жизни — до Хайди — подобное называли голограммами.

— Где мы, интересно?

Вопрос был задан риторический. Ответа Дебра не ждала.

— Краина Каста-Беллы. Трасса для подростковых гонок на машинах.

Девушки стояли напротив горы у еще одной прозрачной стены. Позади ввысь уносились десятки зрительных рядов. Дебра удивленно посмотрела на спутницу и обнаружила, что её лицо светится от восторга.

— Это новый вид спорта. Он на стадии испытаний, но мы надеемся, зануды-бюрократы дадут официальное разрешение. Я выиграла несколько гонок. Мой мобиль называется «Красная лиса». Представляешь, у меня есть фан-клуб! Я единственная девушка, неизменно пробивающаяся в финал. Но если узнают родители, устроят грандиозный

скандал.

— Почему? — Дебра отметила, что разговор снова идёт не в том направлении, но развенчать новый обман столичной выскочки показалось важнее.

— Папа решит, что трачу время на пустяки, мешающие главной цели. Мама испугается, что сверну шею. Иногда она чересчур меня опекает. Ты понимаешь, как это бывает.

— Угу, — проворчала Дебра под нос.

Не ее случай. Однозначно. В детстве, играя с Диланом в исследователей, она облазила все местные овраги и неизменно носила «украшения» в виде ссадин и синяков. Но ни мать, ни отец, ничего не замечали. Однако беспокойство родителей участников гонок Дебра с легкостью бы разделила.

— Ничего опасного в гонках нет, — возмутилась столичная обманщица, прочитав мысли по лицу Дебры. Голос зазвенел от раздражения, не в первый раз приходилось отстаивать любимое увлечение. — Мобили оснащены по последнему слову техники. Как и шлемы. В них встроены программы, которые Ёжик разработал — мой одноклассник. Он гений! Хотя иногда, — гонщица закатила глаза, — его становится слишком много в моей жизни, и хочется дать пинка. В общем, авто Ежа безгрешны. Травмы исключены. Там потрясающая тормозная система. Суть спорта не в том, кто быстрее, а кто умнее. Нужно хитрить, обводить противника. Убирать препятствия и ставить их на пути остальных.

Жительница столицы села на любимого конька, а Дебра слушала и сильнее сжимала губы. Нахальная девчонка издевается? Школьники к компьютерам обязаны подходить в присутствии взрослых, а тут запредельные технологии для подросткового спорта! Хотя надо отдать ей должное — воображение отменное. Вещает со знанием дела, будто верит вранью!

— Знаю, я помешана на гонках, — девушка, наконец, сообразила, что ее слушают без вдохновения. — Но это увлекает. Я подготовку к выпускным экзаменам забросила. Впрочем, не страшно. Я их с закрытыми глазами сдам.

— А я с открытыми завалю, — кисло пообещала Дебра. — Но это не главная проблема. Я вторую неделю торчу в изоляторе. У нас в классе нашли Хайди. Это такая болезнь! Смертельная! Хайди астронавты привезли из экспедиции восемнадцать с половиной лет назад. Из-за этого космос закрыли, а полеты запретили.

— Ты не умеешь красиво сочинять, — проворчала столичная выскочка. Тонкие пальцы легли на прозрачную стену, нажали на невидимые кнопки, и на псевдостекле, как на мониторе, появилась движущаяся картинка. — Смотри, это солнечная система. В ее пределах на экскурсию может слетать каждый житель Земли. Я в космосе десятки раз была. На некоторых планетах примитивно. Мало смотровых площадок. На Нептуне она одна. Там особо не развернешься из-за штормов с ветрами, достигающих сверхзвуковых скоростей. Прогуляться можно только по Луне. В скафандре, разумеется. На самом деле, это не слишком весело. После пяти минут ощущение, что пробежал пол-марафона. Зато там есть целая колония землян — единственная в космосе. У Ежа в ней родственники живут.

Дебра смотрела, как вращается голубой Нептун на прозрачной поверхности и злилась, созрев для громкой ссоры. Но любительница гонок ничего не замечала, сияла, как начищенный медный чайник.

— Через полгода я отправлюсь в экспедицию. Полетит команда из пяти человек. Все несовершеннолетние. Построен особый звездолет. Им и ребёнок способен управлять. Это нам и предстоит доказать в полете. Здорово, да? Экипаж не утвержден. Претендентов полсотни, однако мне они не конкуренты. Всё это пока секрет. Но рассказывая его плоду воображения, я не выдаю тайну.

Девушка весело подмигнула, а Дебра вспыхнула:

— Я не плод! Я реальна!

— Тогда не придумывай дурацкие болезни!

— А ты не ври про гонки и космос! За такое можно в тюрьму угодить!

— В тюрьму? Глупости! У нас свободная планета. Слушай, может, в твоей Бриладе кто-то захватил власть и пичкает жителей небылицами?

Дебра покачала головой, испытывая жгучее желание дать нахалке подзатыльник.

— Ой!

За перебранкой они не заметили, как декорации начали меняться. Гоночная трасса таяла.

Невидимая рука медленно стирала её ластиком, обнажая новый слой.

Но не белую комнату.

Землю накрыла ночь. Лунная и спокойная. На многие километры — до горизонта и дальше

— тянулось бетонное поле. Не разглядеть ни начала, ни конца. Рядом, всего в паре десятков метров, материализовался космический корабль. Статный. Величественный. Огромный. На его фоне девичьи фигурки казались муравьями. Дебра смотрела на поблескивающую в лунном свете металлическую обшивку, как зачарованная. Звездолеты она видела на картинках. А тут, хоть корабль и не взаправдашний, зато в реальном размере!

— Это «Соломея», — в голосе космонавтки прозвучала гордость, она словно лучшего друга представляла. — На ней мы полетим в экспедицию.

— Такая большая, — Дебра не отрывала взгляда от конусообразной конструкции.

— «Соломея» среднего размера. Ты и теперь не веришь, что корабль реален?

— Нет. Ты его выдумала. Трассу тоже.

— Они настоящие, балда! — по-лисьему лукавое выражение космонавтки сменилось озабоченностью. — Скажи, озеро из прошлого сна важно для тебя? Вряд ли выбор декораций случаен.

Дебра нахмурилась. Правильная мысль. На озере случилось первое видение. Там Донни и Генри устроили мистическое «шоу». Это место — точка отсчета бед.

Тень, прошедшая по лицу, дала спутнице больше информации, чем любые слова.

— Где оно находится?

— В Бриладе. На территории школы.

— Ясно, — будущая покорительница космоса странно усмехнулась — Когда ты вторгнешься в мои сновидения в следующий раз?

— Понятия не имею.

— Брось! Это ты управляешь снами. От меня ничего не зависит. Кроме некоторых картинок.

— Как и от меня! — возмутилась Дебра и охнула.

Звездолет и бетонное поле таяли, как недавно трасса.

— Подожди, я не успела...

Поздно. Дебра проснулась злая на себя за бесполезно потраченное время.

Обдумать новый сон не удалось. Безразличный доктор Картер из центра Хайди созрел для повторной беседы. Дебра сомневалась в ее конструктивности, но пришлось покорно тащиться по коридору к памяtnому кабинету номер восемь.

— Напоминаю, не стоит делать глупости, — равнодушно вещали динамики, а руки чесались сбить со стены парочку.

Перешагнув порог комнаты, разделенной прозрачной перегородкой, Дебра застыла статуей. За столом поджидал не профессор Картер. Новому собеседнику, как и предшественнику, на вид было лет сорок пять. Светлые волосы и короткую бороду посеребрила седина. В голубых — очень светлых — глазах застыл лёд. От взгляда мужчины пробрало насквозь, кровь в венах почти замерзла.

— Профессор Геллен, — представился мужчина и криво усмехнулся. — Не хотите присесть? Или в дверях удобнее?

Дебра пулей кинулась к столу. Устроившись на краешке жесткого стула, она выжидающе уставилась на профессора. Он в упор смотрел на неё. Будто в гляделки играли. Прошла минута, другая. Молчание затягивалось. Глаза Дебры с непривычки заслезились. Зато профессор оставался непоколебим. Привык проверять собеседников на прочность.

Не в силах продлевать пытку, Дебра спросила:

— Хотите послушать про озеро?

— Вам интересна именно эта тема?

Геллен говорил спокойно. Но в голосе ощущалось пугающее превосходство.

— Не ос-с-собо. П-п-профессор Картер сам з-з-задавал в-в-вопросы.

— Понимаю, — бледно-голубые глаза прищурились, словно разбирали пациентку на молекулы. — Меня интересует единственный аспект в веренице глупостей, которые вы и ваши одноклассники способны поведать, — Геллен выдержал эффектную паузу. — У кого, кроме Паркера и Готье, были видения?

Дебра готовилась к этому вопросу сутки напролёт.

— Я г-г-говорила п-п-профессору Картеру: не з-з-знаю.

— Лжете! — голос Геллена хлестнул плетью.

Дебра подскочила на стуле.

— Нет! Если б я знала...

— Вы знаете!

Подумалось, что профессор способен читать мысли и знает правду. Правду о ней.

«Спокойно» — сказала Дебра себе. — «Спокойно».

Если отбросить невероятное предположение о телепатии, Геллену не известно ничегошеньки. Она никому не давала повода себя подозревать.

Собрав волю в кулак, Дебра отчеканила:

— Если вы ждете, что я перепугаюсь и кого-нибудь оговорю, забудьте.

— Вы заблуждаетесь, юная леди. Меня интересует правда, а не детское вранье, — Геллен глянул на наручные часы. — Жаль, что вы не хотите сотрудничать. Те, с кем вам предстоит общаться в дальнейшем, куда менее приятные собеседники, нежели я или профессор Картер. Половину класса переводят в медицинский центр Каста-Беллы. Вы и ваш друг Дилан Эймс в списке. Отправка через час.

— Нет! — на глаза навернулись горячие слезы. — Не надо!

С таким же успехом можно обращаться к айсбергу. Геллена не тронули бы ни плачь, ни мольбы. Вот только сил сдерживать эмоции не осталось. Каста-Белла?! Нет, ни за что! Однако прежде чем Дебра произнесла еще хоть слово, произошла новая неожиданность.

По-настоящему шокирующая. Дверь по ту сторону прозрачного занавеса распахнулась, и порог перешагнул Картер. Бледный, с пылающими от волнения щеками.

— Роджер!

— Я закончил, Том, — ответил Геллен, не оборачиваясь.

— Тут... тут... Ты не поверишь!

Дебра сидела лицом к двери и видела, что взволновало профессора. За спиной Картера стояла... ее мать. Делинда Рид смотрела на Геллена и улыбалась.

— В чем дело? — раздраженно бросил доктор.

Он повернулся вместе со стулом и громко ахнул, вскакивая. Ручка и блокнот, в котором профессор не сделал ни единой записи, полетели на пол.

— Глазам не верю! Это... это...

— Она! — радостно кивая, подтвердил Картер.

Каменное прежде лицо сияло, как у мальчишки.

— Здравствуй, Роджер, — Делинда слегка наклонила голову. В обычно мрачных зеленых глазах зажглись кокетливые огоньки.

— Ты потрясающе выглядишь! — и Геллен сделал то, что окончательно выбило из колеи шокированную Дебру: обнял её мать. — Ни капли не изменилась! Будто вчера виделись!

Профессор отстранился, восхищенно разглядывая Делинду.

— Ты мне льстишь, восемнадцать лет прошло с последней встречи, — она ловко сжала запястья Геллена, предотвратив новое эмоциональное объятие.

— А Алан? Он в порядке? — вопрос прозвучал без вдохновения. Профессор не слишком был огорчился дурным новостям.

— В порядке, но комплимента вряд ли бы удостоился, — заметила Делинда небрежно и снова улыбнулась во все тридцать два зуба.

Дебра смотрела на происходящее с сомнением. Может, она лишилась чувств и бредит?

— Что... что ты тут делаешь? — Геллен не успел прийти в себя. Встреча с Делиндой стала для него не меньшим потрясением, чем для Дебры факт знакомства матери со столичными монстрами.

— То же, что и остальные. Мы с Аланом на карантине, — женщина развела руками, демонстрируя досаду.

— Мне жаль. Я знал, что вы в глубинку уехали. Но понятия не имел, что живете в Бриладе.

— Мы этого не афишируем.

Геллен понимающе закивал, и внезапно вспомнил о Дебре. Посмотрел волком, устыдившись эмоций. Еще бы! Пять минут назад правдоподобно изображал бесчувственную глыбу льда.

— Почему ты ещё здесь? Немедленно возвращайся в изолятор!

— Нет! — Делинда схватила профессора за локоть. — Роджер, я всё объяснила Тому, — она заговорила медленно, взвешивая каждое слово. — Я здесь из-за Дебры. Она... она...

На выручку пришел профессор Картер.

— Роджер, Дебра Рид — дочь Делинды и Алана.

Дебра никогда не видела человека, пораженного ударом молнии, но могла поклясться,

что именно так выглядел Геллен после слов коллеги. Покачнулся. Лицо лишилось красок, руки затряслись.

— Так не бывает, — с раздражением пробормотал он, виновато глядя на Делинду. — Я бы никогда! Особенно после... Ты же знаешь!

— Знаю.

— Что я могу... Проклятье! Девочка в списке, присланном из Центра! У меня нет полномочий убрать её имя.

— Том это объяснил.

— Чего же ты хочешь?

— Поговорить с дочерью наедине.

Геллен хотел возразить, но Делинда не дала ему возможности — прикрыла неулыбчивые губы тонкой ладонью.

— Это серьезное нарушение. Но, кроме нас четверых, никто не узнает. Роджер, я больше не могу тебе приказывать. Я прошу об одолжении. Такое право у меня есть.

Профессор будто ждал этого аргумента. Немного помолчал и покорно кивнул.

— У тебя пятнадцать минут. Девочку не должны хватиться.

Геллен посмотрел на Делинду так, словно жаждал наглядеться на всю жизнь — со странной обреченностью и пронзительной тоской. Затем мужчины друг за другом пошли к выходу.

— Пообещайте, что вернете Дебру домой, — потребовала Делинда вслед. — Она не должна пострадать.

— Обещаю, — ответил после короткой паузы Картер.

— Девочка вернется, — подтвердил Геллен. Бледно-голубые глаза блеснули.

Дебра не шевелилась. Потрясение было велико. Делинда сидела напротив и разглядывала бледное лицо дочери сквозь прозрачную перегородку.

— Как ты? — спросила она хрипло.

Дебра горько усмехнулась и пожала плечами. Любой ответ на простой вопрос не отразил бы истинного положения дел.

— Откуда ты знаешь Картера и Геллена?

— Это неважно, — отмахнулась Делинда. — Сейчас...

Но дочь с жаром перебила.

— Нет, важно! Они из центра Хайди! Ведут себя, как звери. Мы все для них — ничто. Но появляешься ты, и они расшаркиваются, как перед королевой!

— Картер и Геллен — мои старые друзья, — тихий голос Делинды странно контрастировал с криками Дебры.

— Друзья?! Шишки из Каста-Беллы — твои друзья?!

— Не кричи! — зашипела мать, двигаясь ближе. — У нас мало времени, а ты тратишь его на не относящиеся к делу вещи. Очнись, наконец! От того, как ты себя поведешь, зависит не только твое возвращение домой, но и... — она осеклась.

— Моя жизнь?! — выпалила Дебра. — Знаю! Не надо считать меня идиоткой!

Мать и дочь в упор смотрели друг на друга. Одинаковые зеленые глаза блестели от гнева. Дебре вспомнились все обиды. Язык чесался спросить, как смеет эта женщина

приходить сюда после стольких лет пренебрежения?

— Хорошо, — сдалась Делинда, разглядев укор на дочкином лице. — Роджер и Том — мои бывшие подчиненные. Я взяла их на работу, когда оба были никем, помогла сделать карьеру. Это всё, что тебе следует знать. Сейчас важнее другое. Скажи, у кого ещё в классе были видения?

— Ни у кого, — Дебра солгала, не моргнув глазом. После допросов Картера и Геллена обманывать Делинду нетрудно.

Впрочем, мать, как и оба профессора, не спешила верить.

— Дебра, — с нажимом произнесла она. — Я хочу помочь.

— Тогда объясни, как Донни и Генри заразились в городе, где нет ни одного больного Хайди? Почему сейчас, когда начали видеть людей в тумане?

— Ты решила, здесь есть связь? — Делинда постаралась за сарказмом скрыть волнение.

— Не издевайся, — скривилась Дебра. — Ты не веришь в совпадения. Ты же врач, и сама говорила папе, что для мальчиков всё кончено. Нет, я не подслушивала. Вы кричали на весь дом. И вообще, как я это узнала — «не относящаяся к делу вещь». Лучше ответь, что означают видения?

Делинда не отреагировала на откровенное вранье.

— У меня нет ответов, — призналась она с грустью. — Я много лет не имею доступа к подобной информации. Знаю лишь, что видения учащаются по всей Земле. Встречаются у детей и подростков.

Дебра потеряла ноющие виски.

— Дилан решил: видения — новый признак Хайди. Но я не согласна. Потому что... — она запнулась, но наплевала на осторожность и затараторила: — Тест-пластины индивидуальны. В столице знают, кому какая достанется. Мама, результат теста можно запрограммировать?

— Дебра! — Делинда покосилась на закрытую дверь.

— Знаю, о таких вещах даже думать нельзя. Но если в Каста-Белле обеспокоены видениями, но не хотят их афишировать, разве не проще списать всё на Хайди? Изолировать тех, кому мерещится туман, и обследовать?

Делинда смотрела на дочь очень внимательно. Как никогда в жизни.

— Способ идеальный. Но как тебе это в голову пришло?

Дебра помолчала несколько секунд.

— Из-за доктора Эймса, — призналась нехотя, и пересказала подслушанный Диланом разговор о смертях без симптомов. — Тип из столицы сказал: если придется, будут списывать всё на Хайди. Я подумала, с тест-пластинами может работать тот же принцип.

Делинда встревожилась.

— Это тайна за семью печатями, а вас двоих угораздило в неё влезть. Будто видений мало!

— Почему к ним все привязались? Каждого, кто видит туман, ждут обвинения в Хайди?

Делинда мрачно прищурилась.

— Кого ты защищаешь?

— Никого.

— Перестань лгать. Подумай, что случится, когда он признается? Расскажет, что ты всё

знала? В Каста-Белле за вас примутся гораздо круче.

— Он? — искренне удивилась Дебра.

— Дилан! — Делинда ударила ладонью по столу. — Кого ты еще с таким рвением можешь покрывать! Ты испугалась, когда мы с отцом спросили о видениях. Милая, сейчас не время скрытничать. Роджер вернется в любой момент. Ответь, видения были?

Сердце жаждало выпрыгнуть из груди. Дочь отчаянно хотела признаться, спросить совета. Отправка в столицу ассоциировалась с пропастью, в которую ни в чем неповинных подростков сбрасывали без суда и следствия.

Не в силах больше сдерживаться, Дебра кивнула.

— У Дилана? — мать ждала еще одного утвердительного ответа.

— Нет. У меня.

— Проклятье! — Делинда посмотрела на Дебру с укором, словно та нарочно усложнила семье жизнь. — Давно?

— В первый раз на озере. Вместе с Донни и Генри. Но они не знают. Я не сказала даже Дилану! Все считали, парни лгут. У меня духа не хватило признаться, что видела тетку Боба и красную машину! Во второй раз я была одна.

— О, Дебра! Следовало сказать нам!

Дочь горько усмехнулась. Когда это в их семье было принято откровенничать?

— Что мне делать? — спросила тихо.

— То же, что и раньше: стоять на своем, — быстро заговорила Делинда. — Раз приходится лгать, лги уверенно. Словно сама в это веришь. В Каста-Белле тебя постараются запугать или, наоборот, втереться в доверие. Не поддавайся. Пока не признаешься сама, они ничего не докажут.

Дебра отвернулась, с трудом сдерживая слёзы. Она привыкла не показывать родителям эмоции, ведь им никогда не было дела до дочкиных горестей.

— Знаю, ни я, ни твой отец не заслуживаем доверия. Но мы делаем всё, чтобы ты вернулась домой целая и невредимая, — Делинда выдержала паузу, о чём-то мучительно раздумывая. Губы тронула тень улыбки, но глаза погрустнели. — Мне жаль, что я возводила стену между нами. Это моя вина. Я столько лет наказывала твоего отца, забывая, что рядом незаслуженно страдаешь ты.

— Что он сделал? В библиотеке ты сказала, папа погубил планету.

Дебра воспользовалась подвернувшейся возможностью. Не ради семейных секретов. Слова матери резали по живому. Другая бы на её месте призналась, как ей не хватало родительской ласки. Но не она. Это всё равно, что обнажать кровоточащие раны.

Делинда тяжело вздохнула.

— Я погорячилась. Хотела сделать ему больно. Алан совершил ошибку. В молодости он был самонадеян. Пренебрегал безопасностью. Своей и чужой. Он не мог предвидеть всех последствий. Никто не мог. Но дело в цене той ошибки. Расплата оказалась слишком жестокой.

— Но...

— Дебра, прекрати! Подробностей не будет. У тебя достаточно поводов ненавидеть отца. Следует сосредоточиться на настоящем.

Настоящее...

Дебра вцепилась одной рукой в край жесткого стула, второй принялась что-то чертить на столешнице. Страхи захлестнули с новой силой.

— Вдруг я не справлюсь?

— Боишься видений? — улыбнулась мать подбадривающе. — Страх — результат отношения твоего поколения к непознанному. У всего на свете есть объяснения. Видения необязательно несут разрушение и смерть. Они могут открыть новые возможности человеческого мозга.

— Тогда мой мозг — настоящая сокровищница, — проворчала Дебра сердито. — То туман, то сны мистические.

— Сны? — Делинда вопросительно приподняла брови. В голосе появилась настороженность, которую взволнованная дочь не заметила.

— Мне с детства снится один и тот же кошмар, — объяснила она, глядя в сторону. — Я стою в огромной белой комнате с незнакомкой. Потом появляется мужчина. Его лица не разглядеть. Он нападает на нас. Или... убивает....

Не услышав ответа, Дебра посмотрела на мать и задрожала. Её лицо посерело, как асфальт. Морщинки углубились, словно несколько лет прошло, а не секунд. Губы тряслись. И пальцы, вцепившиеся в ворот блузки.

— Мам? Что не так? Не молчи! Ты меня пугаешь!

— Сон всегда одинаковый? — от интонации Делинды повеяло могильным холодом. — Незнакомка говорит, что ты важнее, и отдает медальон с голубым камнем?

— Нет, — Дебра замотала головой. — Дурацкое украшение у меня. Я не знаю, почему его отдаю! Я это не контролирую!

— Невозможно... — мать прижала ладони ко рту, будто вот-вот стошнит.

— Сон изменился, — затараторила Дебра. — В последний раз мы встретились на гоночной трассе. Потом переместились к звездолету. Он назывался «Соломея»!

— Раньше было озеро? — Делинда с каждой секундой всё больше напоминала призрака.

— Да! Возле моей школы...

Если Роджер Геллен хотел прервать разговор в самый неподходящий момент, он был провидцем. Влетел в комнату взъерошенный, поправляя галстук.

— Девочка, беги в изолятор, подготовка к отправке начинается раньше, — приказал он Дебре, не обращая внимания на протесты бывшей начальницы. — Делинда, если её хватятся, нам всем конец!

Та быстро заморгала в попытке прогнать выступившие слёзы.

— Дебра, уходи, — велела она, всхлипывая. — Сейчас же!

— Но, мама! Я должна знать!

Делинда в отчаянье взглянула на профессора и наклонилась к стеклу.

— Необычных снов должно быть три, — шепнула она многозначительно.

— Быстрее, — взмолился Геллен.

Дебре пришлось подчиниться.

Глава 4. Профессор Тревис

— Дебра, очнись. Ты слышишь?

Взволнованный голос Дилана с трудом проникал в сознание, продираясь сквозь липкую паутину забытия. Зато внутри головы стучало громко и настойчиво, словно там поселился маленький, но трудолюбивый дятел. Бил и бил в одну точку, пытаясь расколоть череп.

Стиснув зубы, девушка разжала веки и охнула: глаза резанул яркий искусственный свет.

— Она приходит в себя, — объявил знакомый бас, кому именно принадлежащий Дебра не разобрала. Попыталась сфокусироваться на лице Дилана, но оно упорно расплывалось.

— Сколько пальцев? — парень поднес руку к прищуренным глазам подруги.

— Четыре? — с сомнением предположила она.

— Вообще-то два, но и твой ответ сойдет, — выдохнул Дилан облегченно. — Напугала же ты нас! Все давно очнулись!

— Дайте ей попить, — распорядился девичий голос в изголовье.

Дебру приподняли, к губам поднесли пластиковый стаканчик. Она торопливо глотнула и поморщилась. Вода была с металлическим привкусом. Но неприятные ощущения помогли: чёрные мушки перед глазами пропали, всё вокруг обрело чёткость. Первым делом Дебра пересчитала одноклассников, вспомнив обещание Геллена перевезти в Каста-Беллу половину выпускников.

Вместе с ней в изоляторе находилось десять человек. На краешке постели сидел довольный Дилан, жаждавший на радостях обнять подругу, но не решающийся сделать это при всех. За его спиной стоял обладатель неопознанного ранее баса Эйдан Хейз, а в изголовье — Ингрид Торренс. Поодаль расположились зачинщик памятной драки Боб Ралли, Яра Маркес (без сиамского близнеца Молли), рыжая и миниатюрная Мери Франк, зануда-отличница Ида Бригс, высокомерная ледышка Меридит Андерсон и, к величайшему сожалению Дебры, Вейда Армстронг. Никто не отличался здоровым румянцем, а Мери, не переставая, всхлипывала и вытирала усыпанное яркими веснушками лицо.

Они находились в просторной, но унылой комнате без окон, где всё, включая постельное бельё, было депрессивного серого цвета. Вдоль одной из длинных стен выстроились громоздкие железные кровати с прикрученными к полу ножками. За другой спрятались душ и туалеты, о чем свидетельствовали таблички на раздвижных дверях. У третьей стены огромный холодильник соседствовал с круглыми часами — с точками вместо цифр. Лишь четвертая стена не могла ничем похвастаться, включая выходом наружу.

— Мы в Каста-Белле? — спросила Дебра, касаясь левого плеча. Оно онемело и ныло.

— Хороший вопрос, — ядовито заметила Меридит, не изменившая себе и в заточении. — Второй день ждем, что кто-нибудь нас просветит.

Дилан бросил на ледышку негодующий взгляд и ответил подруге.

— Думаем, нас перевезли. Что ты помнишь?

— Изолятор. Я вернулась туда из комнаты номер восемь. А потом... потом кто-то пришел...

Дебра замолчала, прогоняя калейдоскоп воспоминаний. Жестокий допрос Геллена, новость о переводе в столицу, приход Делинды. И разговор! Очень важный! Его следовало проанализировать. В деталях. Но не сейчас.

— Нас чем-то накачали, — продолжил Дилан, не замечая в зеленых глазах Дебры безумной пляски картин недавнего прошлого. — Не хотели, чтобы сопротивлялись в дороге. Лететь-то долго. Брилада на другом конце планеты.

— Первая очнулась Мери, — деловито сообщил Эйдан, хмуря густые темно-рыжие брови. — Перепугалась. Пробовала нас растолкать, но никто не реагировал. Потом Дилан пришёл в себя. А Мери, — парень понизил голос до шепота, — до сих пор в шоке. Решила, что её с мертвецами заперли.

— Я тоже пробовал привести народ в чувство, но куда там, — махнул рукой Дилан. — Так и лежали, как куклы, пока сами просыпаться не начали. Предпоследней очнулась Ида. Почти сутки назад. Одна ты не просыпалась. Мы волновались, в стены колотили, раз двери нет. На помощь звали, но никто не откликнулся.

— Зачем? — Боб Ралли пнул ножку кровати. — Холодильник забит: еды на неделю хватит. Ждут, пока мы сговорчивее станем или с ума сходить начнем.

— Разве для этого много надо? — с тяжким вздохом заметила Яра. — Столько времени держали по одному, допрашивали, угрожали.

Мери снова громко всхлипнула. Следом кто-то ещё. Но Дебра не обращала внимания, смотрела на улыбающегося Дилана.

— Ты меня чуть до инфаркта не довела, — признался парень. — В жизни так не волновался. С возвращением! — и он в качестве компромисса потряс руку подруги.

Через пару часов Дебра почувствовала себя почти здоровой и с аппетитом уплела консервированную кукурузу и сухарики. После длительного сна она с большим удовольствием поела бы куриного супа, однако ненатуральная холодная еда тоже пошла на «ура» и помогла восстановить потерянные силы. Беспокоящее плечо Дебра осмотрела в туалете, чтобы лишний раз не тревожить Дилана. Закатала рукав футболки и ахнула. Под плотной тканью красовался внушительный синяк стойкого ядовито-фиолетового цвета. Неужели, это врачи «постарались», когда грузили бесчувственное тело в самолет? Вот растяпы!

Остаток дня школьники провели, гадая, почему в столицу привезли половину класса, и по какой причине они вдесятером попали в число «избранных».

— Опять дурацкие тесты использовали, — предположил Эйдан Хейз. Он удобно устроился на кровати, сплетя пальцы на животе. — Вечно всё пытаются рассчитать.

— Невозможно, — замотал головой Дилан. — Нельзя заранее предсказать, кто больше подвержен Хайди. У проклятой болезни нет системы. Люди заражаются хаотично, то тут, то там.

Дебра улыбнулась. Друг твердил, что пошел не в отца, но медициной интересовался.

Пусть высокими баллами по химии и биологии похвастаться не мог.

— Может, тогда объяснишь, гений ты наш доморощенный, почему здесь именно мы? — бросил на Дилана свирепый взгляд Боб Ралли. Спортивному вспыльчивому мальчишке приходилось особенно тяжело в неволе.

— Врачи ткнули пальцем в небо, — ответила вместо Дилана Меридит. — Им нужно изображать бурную деятельность, а тащить в столицу весь класс накладно. Теперь мы тут на карантине, а остальные сидят взаперти в Бриладе.

Дебра слушала предположения ребят, обследуя темницу: простукивала стены, осматривала каждый угол. Она была категорически не согласна с Меридит, зато Эйдан сказал очень важную вещь. Голову отдала бы на отсечение, что класс делили после тщательного анализа. Но решающим стало не здоровье пациентов, а их ответы на допросах. Вовсе ни Хайди интересовала Картера и Геллена, а треклятые видения. Какое счастье, что она не поделилась тайной с Донни и Генри! Перепугавшись, мальчишки выдали бы её с потрохами!

— Интересно, почему мерзкие доктора к туману на озере прицепились? — будто прочитала мысли Дебры Яра. — Без конца спрашивали о видениях.

— Всё в одну кучу, — усмехнулся Эйдан. — Они выясняли, не совершил ли кто преступление. Кроме Генри с Донни. Наши два клоуна ввали про мистический туман и

темы избрали запретные. То об убийстве болтали, то о космосе! Стражи хотят узнать через врачей, были ли соучастники. Но мы все виноваты, раз пошли смотреть треклятый туман.

— Не все! — оскорбилась Ида Бригс, вскакивая с кровати. — Меня там не было!

— Точно! Ты у нас вся такая чистенькая, — брезгливо заметил Боб. — Можешь гордиться.

Дебра нахмурилась. В одиночном изоляторе сидеть тоскливо, но и всем вместе не лучше.

Обстановка становилась взрывоопасной. До драк бы не дошло.

— Думаешь, выход здесь?

Дебра подпрыгнула от неожиданности. Увлечшись обследованием пустой стены, она не заметила подошедшего Дилана.

— Либо здесь, либо на потолке. Выбирай, что больше нравится, — она раздраженно ткнула друга в плечо и едва удержалась, чтобы не схватиться за собственное, отозвавшееся болью из-за резкого движения.

Когда в изоляторе погас свет, Дебра вздохнула с облегчением. Наконец-то можно спокойно подумать, не опасаясь, что мысли отразятся на лице. Но ничего нового в голову не пришло. Мама сказала: в Каста-Белле за них примутся всерьез. Значит, столичные монстры выжидают, чтобы взять жертв тепленькими. Но бояться рано. Никто, кроме самой Дебры, ее не выдаст. Нужно набраться терпения. Рано или поздно кошмар закончится. С этой мыслью Дебра заснула. Если её и посещали сны, на утро она не помнила ни единого.

Перемены начались без предупреждения. Едва пациенты проснулись и преступили к консервированному завтраку, подтвердилось вчерашнее предположение Дебры: выход оказался не на потолке. Раздался неприятный скрежет, и четвертая стена под дружный испуганный возглас отъехала сторону, обнажив прозрачную перегородку.

По ту сторону стоял мужчина лет шестидесяти и наблюдал за ребятами, поглаживая гладко выбритый подбородок. Картина его глазам предстала еще та. Не ожидавшие вторжения подростки замерли в нелепых позах. Боб, пивший минералку из бутылки, не замечал, как ручейки бегут по рубашке и джинсам. Вейда, соорудившая на затылке неизменный конский хвост, сидела с синей резинкой во рту. Дилан стоял на четвереньках, срочно прервав поиски кроссовок под кроватью.

Внешность мужчины не отличалась презентабельностью. К каждой черте идеально подходило слово «чересчур». Лоб чересчур широкий, глаза чересчур близко посажены и на выкате, а подбородок чересчур квадратный. Не украшал визитера и голос: властный, но до смешного высокий. Неприятное впечатление усугубляли динамики.

— Меня зовут Морган Крафт. Я директор Центра, — мужчина сделал эффектную паузу, во время которой никто не шевельнулся и едва смел дышать. — Предупреждаю сразу: пока вы здесь, придется беспрекословно выполнять указания врачей и стражей. Нарушителей накажут и поместят в одиночные палаты. Каждый проступок отдалит ваше возвращение домой. Остальное объяснят стражи — пристав Грант и пристав Донелли.

Директор указал рукой в сторону, и школьники заметили двух парней, стоявших поодаль: зализанного рыжего коротышку и высокого брюнета с отсутствующим выражением лица. На вид они были старше пациентов лет на семь-восемь.

Едва Крафт замолчал, заговорил первый страж.

— Моя фамилия Грант. Обращаться ко мне следует «пристав» или «господин». А лучше вообще не обращаться. Особенно без повода. Вопросы в Центре не приветствуются. Советую запомнить это и не открывать рта.

Пристав наслаждался речью, а особенно небрежной и высокомерной интонацией хозяина положения. Водянистые глазки светились, взирали на напряженные лица подростков с превосходством. словно те не пациенты, а его личные пленники.

— Посмотрите внимательно, — продолжил Грант, смакуя каждое слово, и указал на длинную зауженную на конце металлическую палку. — Это лучник — опасное и смертельное оружие. У него три режима работы. Первый — желтый луч. Его задача нейтрализовать противника. Причиняет сильную боль, от которой нет спасения. Она проходит через несколько часов. Второй режим — красный луч. Он парализует врага. Эффект бывает как временным, так и необратимым. Если постараться, противник до конца жизни останется овощем. Третий режим — фиолетовый луч. У него одна задача — убивать. Смерть наступает через десять секунд после удара. Вы спросите, зачем я это рассказываю? У нас с приставом Донелли есть лучники, и мы имеем право использовать все три режима. Если вдруг кому-то захочется обладать таким оружием, я вас огорчу, оно индивидуально. Каждый лучник настроен на владельца и в чужих руках не работает.

В палате стояла тишина. Школьники таращились на смертоносную палку в руках Гранта.

— Теперь о ближайших планах, — удовлетворённо улыбнулся рыжий пристав. — С завтрашнего дня с вами начнут работать врачи. Настраивайтесь на исполнение любых указаний, — Грант громко хохотнул и вдавил палец в кнопку на прозрачной перегородке, вернув стену на место.

...Следующие несколько дней не подарили ни хороших новостей, ни положительных эмоций. Зато внесли массу разнообразия в жизнь пациентов. С раннего утра приставы уводили их по двое-трое на всевозможные медицинские экзекуции. Оба стража неизменно облачались в защитные костюмы, призванные защитить от вируса. В таком же обмундировании ребят встречали и доктора.

Пристав Грант с каждым днем казался всё отвратительнее. Он сыпал угрозы, отпускал нелепые шутки и сам хохотал над ними. Звал школьников подопытными кроликами. Провоцировал, мечтая получить повод воспользоваться обожаемым лучником. Но старания оставались тщетными. Девочек насмерть напугало красочное описание функций оружия. Они не смели сделать лишний шаг в присутствии приставов и врачей. Мальчики скрежетали зубами, но подчинялись приказам. Хотя Дебра все чаще замечала, как сжимаются кулаки Боба и Эйдана, как нехорошо сужаются глаза Дилана.

— Отнять бы у пристава эту гадость, — проворчал однажды Боб.

— Грант сказал, в чужих руках лучник не работает, — напомнила Меридит, хмуро разглядывая порезы от локтя до запястья после медицинских тестов.

— Я не собираюсь им пользоваться. Но посмотрел бы, как мерзавец запоет, оставшись без оружия. Спорю, я его парой ударов уложу.

— Следом тебя уложат каким-нибудь лучом, — усмехнулась Яра, устраиваясь с ногами на кровати. Её смуглая кожа на фоне серых стен казалась ещё темнее. — Хорошо, что второй пристав к нам не цепляется. Хотя, по-моему, он просто слишком туп.

В отличие от Гранта, его напарник Донелли вел себя сдержанно. Заговаривал исключительно по делу. Ни разу не позволил себе ни едкого замечания, ни грубости. Но синие миндалевидные глаза оставались пустыми, лицо напоминало маску.

Время, не занятое тестами, Дебра проводила в постели, глядя в потолок и стараясь не взвыть с тоски. Плечо больше не беспокоило, синяк прошел. Теперь ныли руки, в которые регулярно втыкали иголки для анализов крови. Иногда появлялось ощущение, что заточение в тошнотворной серой комнате длится вечность. Брилада казалась далекой и нереальной. Неужели недавно они с Диланом беспокоились из-за штрафных заданий, которые не успевали выполнять в срок?

Одноклассники все чаще ссорились. Из-за пустяков. Всех превзошла Вейда, набросившаяся с кулаками на Меридит за то, что та наступила ей на ногу. Беспокоила Дебру и другая проблема. Ей перестали сниться сны. После маминых слов о третьем необычном сновидении она каждую ночь, засовывая ладони под подушку, ожидала встречи с космонавткой, но та не возвращалась.

— Перед тобой девять карточек, возьми пять. Не переворачивай сразу.

Дебра сидела напротив полного мужчины в роговых очках. Его кабинет всегда казался

светлым, несмотря на серые стены, отсутствие окон и ряды неопрятных стеллажей, сверху донизу заставленных книгами и дисками с медицинскими записями.

— Смелее.

Профессор Рассел Тревис ворвался в жизнь школьников в середине второй недели заточения и вызвал бурю эмоций в их рядах. Было в его внешности нечто притягательное, но в то же время несовместимое. Из-за полноты профессор выглядел неповоротливым, однако двигался стремительно. Опущенные уголки губ и ранние морщины придавали облику бесконечную грусть, зато умные серые глаза смотрели с толикой мальчишеского озорства. Тревису легко давали далеко за сорок, однако месяц назад ему исполнилось тридцать пять лет. Дебра случайно увидела дату рождения на оставленном однажды на столе удостоверении.

Профессор появился в изоляторе внезапно. Но, в отличие от всех, кого школьники видели за последние дни, не потрудился облачиться в защитный костюм. Это поразило не только пациентов, но и Гранта, вбежавшего в палату следом за Тревисом. Сам страж, разумеется, был в полном обмундировании, призванном обезопасить от смертельного недуга.

— Профессор, что вы делаете?! — вопил он, размахивая руками. — Вы заразитесь!

— Я столько лет имею дело с Хайди, что давно бы заболел, если б мог, — отмахнулся от суеющего стража Тревис.

Грант опешил и впервые не нашел, что сказать.

— Вы свободны, пристав, — спокойно продолжил новый «гость». — Сомневаюсь, что молодые люди устроят бунт.

Гранту отповедь по вкусу не пришлась, однако спорить он не рискнул. Удалился, но отнюдь не тихо: ударил лучником по прозрачной перегородке. Впрочем, ни стене, ни оружию действия стража вреда не причинили.

— Власть нередко открывает в людях низменные качества, особенно если достоинств было мало, — развел руками профессор. — А теперь, к делу.

Он сообщил, что их совместное времяпрепровождение не будет иметь ничего общего с медицинскими процедурами, к которым они привыкли. Его задача — психологическая часть обследования. Теперь Тревис каждый день забирал по одному или несколько человек. Он не втыкал в подопечных иглолки и не проводил никаких других манипуляций.

С ним пациенты занимались тренингами и тестами. Правда, какое отношение те имели к Хайди, пациенты не понимали. Разве что причиной встреч стали злосчастные видения. Однако о них психолог почти не спрашивал.

Мнения о профессоре разделились. Одни считали его неплохим парнем для тюремщика и эскулапа. Другие относились с явным подозрением.

— Он играет с нами! — сердился Дилан, возвращаясь от психолога. — Притворяется добрым доктором. Но я его насквозь вижу!

Дебре Тревис нравился, хотя она не могла назвать ни единой причины для доверия. Подозревала, друг прав. Общение с психологом напоминало игру в шахматы: неосторожный шаг в сторону, и тебя поймут или съедят. Но Тревис был спокоен, внимателен, умел расположить к себе, а Дебре не хватало человеческого участия. Или его подбоя.

— Что дальше? — она вопросительно посмотрела на притихшего профессора. Отобранные пять карточек лежали перед ней ровным рядом.

— Переверни одну. Любую.

Средний листочек подцепился за краешек с третьей попытки. Но Дебра нарочно не торопилась, сражалась с неподатливой бумагой, готовилась к любой неожиданности. Справившись с задачей, криво усмехнулась. Подвох был очевиден. Надпись на обороте

гласила: «Боб Ралли».

— Это простое задание, — Тревис заговорщицки подмигнул. — Опиши Боба.

— С остальными вы этот тест проведете?

— Уже провёл. Остались ты и твой друг Дилан.

— Но никто не говорил. Обычно мы... — Дебра осеклась, мысленно обругав себя. Конечно, психолог в курсе, что пациенты обсуждают тесты. По-другому и быть не могло. Но терять над собой контроль — верх неосторожности.

— Я попросил каждого держать задание в секрете. Если заранее знать суть, весь смысл пропадает. Вижу, мою просьбу выполнили.

— Что обо мне наговорили?

— Тебе есть чего стыдиться?

Дебра едва сдержала желание запустить чем-нибудь в психолога. Хоть его же статуэткой

— фарфоровым земным шаром. С Тревисом всегда так: увлекательно и опасно. Зубы заговаривает, словно лис бестолковому кролику.

— Вернемся к тесту, — примирительно предложил психолог. — Итак, Боб.

— Боб... — повторила Дебра эхом. Уперла локти в стол и потерла пальцами лоб.

Профессор не прав, задание не простое. Даже если отбросить желание не наговорить лишнего. Что они знают друг о друге? По-настоящему? Не по верхам? Боб Ралли силен физически. Он занимается борьбой. Как учиться? Как все.

— Боб способен проявлять участие, — добавила Дебра, подумав. — Вспыльчивый, но не злой.

— Ты о драках на озере и автобусе?

Началось! В зеленых глазах засверкали сердитые огоньки, делая девушку похожей на разъяренную кошку.

— Вам бы тоже не понравилось, пошутить кто-то об умершем родственнике, — в запале высказала она. Но, заметив, как плотно сжались губы профессора, уткнулась взглядом в стол и промямлила корявое извинение.

— Бери другую карточку, — предложил Тревис.

Описание следующих двух личностей (выпали Меридит и Мери) снова оказалось хождением по бурелому. Не скажешь же, что одна зазнайка и ледышка, а вторая в лучшем случае — плакса, в худшем — неврастеничка. Пришлось бубнить ерунду вроде «добрая», «отзывчивая» и «симпатичная». Дальше задача еще усложнилась. На обороте четвертого листка значилось: «Вейда Армстронг».

— У-уффф, — выдохнула Дебра, мысленно отправляя Тревиса бродить лесом.

— Проблемы? — профессор приподнял брови.

— Никаких, — девушка с фальшивой улыбкой замотала головой. — Просто... просто...

— Вы не любите друг друга, — закончил психолог.

— Человек не может любить всех, — Дебра не замечала, что царапает ногтем листок с выведенным черными чернилами именем Вейды. — Отвечать обязательно? Я, правда, не могу припомнить ни одной ее положительной черты, а гадости говорить не хочется.

— Откровенно, — похвалил Тревис. — Оставим Вейду в покое, однако следующего одноклассника придется описать подробно. Кто там у нас?

— Ингрид Торренс, — простонала Дебра. — Это тоже не просто. Я ее не знаю. Она держится особняком. Зато я точно не припоминаю ни единой подлости с её стороны. Сойдет?

Профессор хитро прищурился, но кивок подарил.

— На сегодня всё? — спросила Дебра с надеждой.

— Если у тебя нет вопросов. Я не пристав Грант. Считаю, вы имеете право на некоторые ответы.

— Это вы тоже остальным говорили? — девушка мечтала прожечь на морщинистом лбу дыру. Желательно, огромную.

— Тем, кто созрел для диалога. Ты готова. Почти. Я ускоряю процесс.

Дебра сделала глубокий вдох.

— Где Донни и Генри? Они в порядке?

Однако психолог не торопился с ответом.

— Почему тебя волнует судьба мальчиков? — спросил он, постукивая пальцами по столу.

— Беспокойство за других — норма для людей, — парировала Дебра, злясь всерьез. Сегодня психолог перегибал палку с дурацкими играми.

— Остальные ребята не тревожатся.

— Правда? Не замечала. Вы ответите на вопрос?

— Конечно, — в улыбке Тревиса проскользнула усталость. — Мальчики в другом блоке. Вряд ли вы встретитесь снова. Едва состояние Донни и Генри стабилизируется, им присвоят статус «подконтрольных» и отправят в госпитальную зону.

— Почему не встретимся? Я и мои одноклассники, вероятно, больны Хайди.

— О! — взгляд психолога стал пристальным, словно не в глаза смотрел, а видел каждую извилину мозга. — Я предпочитаю думать, что вы здоровы. И тебе советую оптимистичнее смотреть в будущее. Еще вопросы?

Дебра промолчала. Желания спрашивать не осталось. Профессор схитрил. Никакого диалога не предлагалось, лишь очередной тест. Что же Тревис пытается узнать при помощи бесконечных проверок? Неужели вычисляет того, кто лжет о видениях?

По телу Дебры прошла дрожь. Нет, она не позволит докопаться до правды! Ни Тревису, ни кому-то другому!

Три дня прошли необычно. Пациентов предоставили самим себе. Ни медицинских тестов, ни психологических. Радио, ежедневно объявлявшее о приходе стражей, упорно не подавало признаков жизни. Или тюремщики ставили новый эксперимент, или наступил конец света, и десять запертых старшеклассников остались единственными выжившими на планете.

— Чего они ждут? — вопрошал Боб Ралли в конце третьего унылого дня, пиная по изолятору ботинок Дилана. — Хотят проверить, не перебьем ли мы друг друга?

— Положи на место, — посоветовал Дилан, приподнимаясь на кровати. Он постарался, чтобы просьба прозвучала жестко, но не агрессивно. Всем было ясно: Бобу хватит одного неосторожного слова, чтобы вспыхнуть пропитанным бензином факелом.

— Попробуешь отнять? — Ралли нарочно нарывался на ссору.

— Подожду, пока ты переключишься на более интеллектуальное занятие, — Дилан напрягся, готовясь ответить на возможный бросок покрасневшего одноклассника, но Дебра предвосхитила переход от слов к действию.

— Дилан, как думаешь, — она плюхнулась к другу на кровать, вынуждая его потесниться, — Хайди передается через поцелуи?

— А? — Дилан чуть не съехал на пол, но вовремя прочел в глазах Дебры план, отвлекающий от взрывоопасных разборок.

— А что? — небрежно ответила девушка на ошалевший взгляд Яры Маркес. — Так написали в одном женском журнале и...

— Полный бред! — вынес вердикт Эйдан Хейз, свешивая нескладные ноги с кровати и готовясь к длительной дискуссии. — Донни с Генри точно не целовались!

— Гениальная мысль, — состроила презрительную гримасу Меридит, демонстративно не замечая, как рассмешила предыдущая реплика Мери и Яру.

План Дебры удался. Одноклассники проболтали до ночи, пока в изоляторе не отключился свет. Спорили о способах передачи недуга до хрипоты. О тех, которые обсуждали врачи в медицинских программах на ТВ, и тех, что придумали сами. Даже Боб присоединился к остальным, предварительно отправив несчастный ботинок под кровать Иды Бригс. Дебра с Диланом в споре участвовали вяло, подкидывали новые идеи, когда одноклассники начинали перегорать. Одна Вейда за вечер не произнесла ни слова. Сидела в углу и ревниво взирала на объект воздыханий, не замечавший её существования.

— Ты умница, — шепнул Дилан Дебре, когда ребята разбредались по кроватям в темноте. — Но долго Боба сдерживать не получится.

— Знаю.

Подтверждением стал тихий стон, раздавшийся несколько минут спустя с постели Ралли, и звук ударов кулака по подушке.

...Утро четвертого дня выдалось на редкость мрачным. Дебру всю ночь мучили кошмары, больше похожие на явь, чем на сны. По темному изолятору бродила фигура в черном балахоне с капюшоном. Она подходила к каждой кровати, останавливалась и прислушивалась к дыханию спящих. Когда пришла очередь Дебры, ее сердце почти прекратило биться. Но жуткая гостья прошла мимо, заинтересовавшись Идой Бригс. Рука в перчатке потянулась к голове пленницы, коснулась светлых волос и долго перебирала прядь за прядью...

Не в духе проснулись и остальные. Вчерашний ажиотаж и жажда докопаться до загадки вселенского масштаба у одних сменились апатией, у других новым приступом агрессии. Мери тихо плакала в углу и не обращала внимания на попытки Яры её успокоить. Эйдан, издавая грозное сопение, барабанил пальцами по коленке. Боб ходил туда-сюда по изолятору, ища к чему (или к кому) приложить руку.

Дебра его понимала. Сама бы с удовольствием взяла биты и громила всё вокруг, пока от нечеловеческих усилий не заболело бы тело. Досталось бы и прикрученным к полу кроватям, и стене, за которой пряталась дверь. Но чужой гнев постепенно усыплял собственный, заставлял думать об общей безопасности. Вряд ли директор Крафт шутил, угрожая карами за «плохое» поведение.

Удивительно, но неизбежный скандал разгорелся не по вине Боба. Катализатором стала безобидная плакса Мери Франк. По комнате, насквозь пропитанной угрюмостью, пронеслось громкое рыдание, переходящее в крик.

— Не могу я больше! Пусть это прекратится! Пожалуйста!

Вейда отреагировала молниеносно.

— Замолчи! — приказала она, вскакивая с кровати. Пошатнулась и нелепо взмахнула руками, отчего разозлилась сильнее. — Иначе появится новый повод для слёз.

— Не цепляйся к ней, — потребовала Дебра, увидев страх в огромных глазах Мери. Вмиг вспомнилась тысяча причин для ненависти к «сопернице», включая памятное видение с Диланом. — Сама давно в дверь барабанила?

— Не лезь, Рид, пока не пострадала, — Вейда скривилась в презрительной усмешке, радуясь возможности проехаться по однокласснице.

Она забыла, что за Дебру есть кому заступиться.

— Готова повторить угрозу? — холодно поинтересовался Дилан, поднимаясь с кровати. — Или умеешь нападать только на тех, кто слабее?

Вейда впервые в жизни потеряла дар речи. Краски на лице втянулись внутрь, оставив неестественную оболочку, похожую на блекло-серую маску. Губы задрожали от обиды. Не такого внимания она ждала от любимого. Дилан смотрел на неё с отвращением. Кулаки сжались, глаза превратились в щелочки.

— Я... я... — Вейда не представляла, что предпринять для исправления ситуации.

Её заикания сильнее взбесили заведенного Дилана. Гигантскими шагами он пересек комнату. Остановился рядом с дрожащей одноклассницей и прошипел:

— Не слышу ответа.

Вейда охнула, захлопала короткими светлыми ресницами, и плюхнулась на кровать.

Дебра хотела остановить Дилана, приказать вернуться. Но не смогла. Лучший друг наклонился над Вейдой, их лица оказались слишком близко. Как в видении! Хотя и отражали иные эмоции.

— Не смей задираться к Мери! — отчеканил Дилан с суровостью, на которую прежде не был способен. — И к другим тоже! Поняла?!

В комнате стояла гробовая тишина. Все смотрели на Вейду.

— Да, — прошептала она, всхлипывая протяжно и громко. — Я поняла, Дилан.

Парень поморщился и отошёл. Его колотило от гнева. Вейда громко заревела и уткнулась лицом в подушку. Никто не сделал попытки подойти к ней и успокоить. В её сторону теперь не смотрели. Как и друг на друга. Обстановку разрядил пристав Грант. Появился в изоляторе неожиданно и тихо. Обвел пленников злорадным взглядом, расплылся в противной улыбке и любовно похлопал по лучнику.

— Ну что, подопытные кролики, готовы к подвигам? — поинтересовался страж, давась от глупого хихиканья.

Ответом стало молчание. Подростки замерли и покосились на оружие.

— Вот и славно. Хейз, Ралли, Эймс, на выход. Дамы, постарайтесь не перебить друг друга. Оставьте кусочки для анализов.

Одноклассницы проводили парней мрачными взглядами. Выбор тюремщиков показался странным. Пациентов и раньше забирали группками, однако прежде не делили по половому признаку. Дебра тяжело вздохнула и устроилась на кровати, чтобы подремать, пока не вернется Дилан. Но на подходе была новая ссора.

— Вы слышали, что сказал страж? — Ида Бригс выбежала на середину комнаты. — Поняли?!

Дебра поёжилась, вспомнив сон. Как наяву увидела волосы Иды в руках ночной гостьи.

— О чём ты? — насторожилась Яра.

Иду в классе не любили. Из-за вечного занудства и мамы замдиректорши. Но знали: она нередко замечала и запоминала детали, на которые другие не обращали внимания.

— Пристав Грант сказал: «Постарайтесь не перебить друг друга»! — повторила Ида с выражением. — Они знают, что здесь происходит. В комнате камеры. Скрытые!

— Почему тебя это удивляет? — спросила Ингрид Торренс, пока остальные молчали, перебарывая новость, а заодно вспоминая, какие гадости говорили о тюремщиках. —

Яснее ясного, что без присмотра нас не оставят.

— О! Ты, значит, самая умная? — Ида заговорила фальшивым ласковым тоном, в развалку направляясь к однокласснице. Ей не понравилось, что кто-то другой понял очевидную истину раньше.

Взгляды приковались к Ингрид. Даже Вейда оторвала припухшее лицо от подушки, ожидая развязки. Если не кровавой, то хотя бы оставляющей синяки и ссадины.

— Ида, вернулась бы ты на место, — вмешалась Дебра.

Ей не было дела до странной художницы, но девичья потасовка — вещь в сто раз хуже мальчишеской драки и неуместная в изоляторе.

— Иначе что, Рид? — ядовито поинтересовалась Вейда. В отсутствие Дилана у вредной девчонки опять развязался язык.

— Ничего, — Дебра с показным равнодушием повела плечами. — Зато те, кто за нами наблюдают, могут сотворить, что угодно. Верх идиотизма их провоцировать.

Ида остановилась в двух шагах от Ингрид, не пытавшейся ничего предпринять для защиты.

— Ты в заместители Тревису записалась, Рид? — насмешливо подметила с соседней кровати Меридит, с презрением наблюдая за капитуляцией Иды.

Дебра перевернулась на другой бок и закрыла глаза, чтобы не видеть девчонок. Как же допекли бессмысленные ссоры! Того гляди, приведут к катастрофе.

...Парни вернулись через полтора часа. Розовощекие и разгоряченные. Эйдан и Боб бросали друг другу в лицо обвинения. Перебранка началась в другом месте и набирала обороты.

— Опять, — Мери заткнула ладонями уши.

Разъяренные спорщики не обратили внимания на несчастный протест.

— Значит, я бессердечный недоумок?! — сердито вопрошал Эйдан, трясая кулаками. — Ты готов это повторить?

— А чего ты ждал?! — кричал в ответ Боб, срывая голос. — Ты слышал, что она сказала?! Каждый сам за себя! Почему я должен уступать кому-то теплое место? Жертвовать собой ради тебя или Эймса? Кто вы мне?!

— Перестаньте, — устало простонал Дилан.

— Рид, может тебе вмешаться? — сделала большие глаза Меридит.

Дебра с тревогой наблюдала за парнями. На этот раз никто и ничто не поможет Бобу сдержаться. Будет удачей, если Эйдан отделается разбитой скулой. Дилану сейчас лучше не вмешиваться. Пусть сами разбираются.

— Разумеется, ты же у нас святой! — орал Эйдан.

— Получше тебя!

— Неужели?!

— Да! — Боб принял боевую стойку. — А ты, Хейз, готов повторить свои слова?

Двое парней стояли рядом и скрежетали зубами от ярости. Дилан внимательно следил за каждым их движением, в любой момент готовый вмешаться. Девушки, почувствовав неизбежное, вскочили с кроватей.

— Готов! — крикнул Эйдан. — Ты бессердечный....

Он не договорил. Кулак Боба проехал по его лицу. Из разбитого носа хлынула кровь и,

громко охнув, Эйдан начал падать. Дилан схватил Боба поперек туловища. В тот же миг комнату разрезал яркий красный луч и ударил в парней. Под оглушительные девичьи крики все трое рухнули на пол.

— Ты с ума сошёл?! — кричал спустя пару минут Донелли на Гранта, позабыв о неизменной непробиваемости. — На какой уровень ты поставил лучник?!

— Ладно тебе, всё обойдется, — отмахнулся от напарника рыжий мерзавец. Судя по высокомерной ухмылке его ни капли не волновало произошедшее.

— Нет, Винсент, не обойдется. Не стой как пень, зови врачей. Иди же! — Донелли толкнул Гранта в бок.

— Расслабься. Я же стрелял, а не ты, — бросил страж, выходя из комнаты нарочито медленно. Донелли проводил напарника гневным взглядом, будто сам желал воспользоваться хваленым оружием и выстрелить вдогонку.

Пристав опустился на колени перед Бобом, лежащим без движения на полу. Эйдана не задело. Паренек сидел рядом и, тяжело дыша, глядел на неестественно посеревшее лицо Боба. Дилана зацепило. Он морщился от боли, прислонившись к спинке кровати. Сбоку его обнимала плачущая Дебра.

— Часа через три будешь, как новенький, — заверил Донелли Дилана. — Тебя по касательной задело, поэтому паралич частичный и тело болит. Придется терпеть. Обезболивающие средства не распространяются на травмы от лучников.

— Плевать, — отмахнулся Дилан. — Что с Бобом? Он жив?

— Формально, да.

— Он придет в себя? — в голосе Дилана прозвучало отчаянье.

— Не знаю.

— Но....

— Я не врач, Эймс.

Эйдан схватился за голову.

— Я не хотел, — застонал он, всхлипывая. — Слышите?! Не хотел!

— Это не твоя вина, — тихо отозвался пристав.

— А чья? — сквозь рыдания спросила Дебра, мечтая, чтобы страж тоже лежал без движения на полу. А лучше мёртвый. Да, не он выпустил луч, но это не отменяло его вины.

Донелли не ответил. Плотно сжал губы и отвернулся.

Глава 5. Женщина в черном

Где-то между Бриладой и Каста-Беллой

На холме возле двухэтажного здания с причудливыми башенками стояли двое в белых одеждах: сидящий мужчина в балахоне и женщина в старомодном длинном платье. Они смотрели вниз — на поселок с домиками, похожими на грибы: светло-серыми с коричневыми крышами-шляпками. Отсюда и не скажешь, что треть из них стоит с заколоченными окнами. Пустые, мёртвые. Хозяева давно покинули жилища, и никогда не вернутся.

— Нужно вмешаться, — проговорила женщина с горечью. Ее светлые волосы развивались от ветра. На лбу залегла глубокая вертикальная морщинка.

— Нет, — отрезал мужчина. Черные, чуть навывкате глаза сверкнули. — Пусть всё идет своим чередом.

— Но, Квитон! Они подключили её! Это слишком опасно!

Тот криво усмехнулся.

— У нашей старой знакомой маловато сил. К тому же, я верю в предсказание. Всё разрешится, когда придет время.

Женщина всхлипнула.

— Тебе легко говорить. Это мой ребёнок подвергается риску.

— Легко? — переспросил мужчина сурово. — Я отвечаю за всех, кто здесь живет. И не только за них. Ты не забыла о нашей главной задаче, Арвида? Дело, прежде всего. Всё остальное второстепенно.

Она молчала. Смотрела на посёлок, скрытый от людских глаз, и злилась. На мужчину, стоящего рядом. На его давно почившего предшественника, запустившего когда-то цепочку событий. А особенно на женщину, которая сейчас за много километров отсюда пыталась вычислить девочку, предназначенную медальону. Ее и еще кое-кого. Того, кто сильнее магически, но серьезно проигрывал в опыте.

Как же Арвида ее ненавидела! Женщину, носящую черную одежду и маску! Ненавидела и боялась.

— Ты прав, всё второстепенно, — заговорила она через силу. — И я помню о долге. Слишком хорошо. Но она... она способна спутать все карты. У нее вообще не должно было остаться сил. После случившегося. Но откуда-то же она их берет. Ты сам едва выжил после схватки.

— Помню, — Квитон тяжело вздохнул. — И всё же мы не будем вмешиваться. Это решение принято много лет назад. Я не намерен его менять.

Арвида не ответила. Но в светло-зеленых глазах поселилась ночь.

Каста-Белла. Изолятор.

Ночью Дебра почти не спала. То проваливалась в мрачное полузабытьё, то лежала с открытыми глазами, проклиная Центр. На остальных кроватях тоже бодрствовали: всхлипывали и ворочались. Боба забрали врачи, и дверь больше не открывалась. Ничего нового о состоянии раненного одноклассника пленники не знали. Эйдан выглядел так, будто в жизни не произнесет ни слова. Дилану, как и предсказывал Донелли, через несколько часов полегчало. Физически. Но не морально.

— Гады-экспериментаторы! — ругался парень, когда его парализованного вечером девочки с трудом уложили на кровать. — Нарочно это сделали! Я говорил: профессор прикидывается союзником! Он такой же, как все здесь!

— Прекрати кричать! — не выдержала Дебра, чувствуя: ещё чуть-чуть, и сама взорвётся. — Объясни толком, что случилось.

Дилан нервно засмеялся.

— Эксперимент! Случился очередной эксперимент! Под руководством нашего доброго доктора. И одной дамочки. У-у-у-у ведьма!

Прошло немало времени, прежде чем удалось добиться от друга внятного ответа. Сначала он излил негодование, ругая скверными словами Тревиса и неизвестную даму.

— Говорю же, ведьма она! — сердился Дилан на Дебру из-за настойчивых просьб не выражаться. — Вырядилась в черное одеяние. На голове капюшон, на лице черная маска. И голос потусторонний. А взгляд! Взгляд сквозь прорези маски, как у удава! Гипнотизирует! Клянусь, она не человек! Скажи им, Эйдан!

Но тот молчал. Сидел на кровати и медленно раскачивался из стороны в сторону, как в трансе. Эта удручающая картина помогла Дилану уgomониться и начать подробный рассказ.

Грант отвел парней в кабинет Тревиса. Профессор поджидал их не один. В углу на диване вальяжно устроилась дама в черном длинном платье. Незнакомка, как и психолог, не считала нужным пользоваться защитной амуницией.

— Нас троих посадили за стол. Тревис молчал, а она смотрела, прощупывала. Чудилось, что до лица тонкие пальцы дотрагиваются. Было мерзко, — Дилан провел ладонями по щекам, будто пытался стереть невидимые следы. — Потом она сказала, что можно начинать. Я на стуле подскочил. У неё кошмарный голос! Хриплый, ледяной!

Профессор объяснил пациентам, что это необычный тест. От встречи будут зависеть условия их проживания в Центре. Директор Крафт решил оставить в общей комнате одного парня. Двух других переведут в одиночные изоляторы. Кто будет жить с девушками, Бобу, Дилану и Эйдану и предстояло определить.

— Мы не поняли, чего от нас хотят. Сидели и пялились друг на друга, как бараны, пока она не вмешалась. Сказала: «Признайтесь, что вы друг о друге думаете, ведь каждый считает себя лучше остальных». Мы опять молчали. Она засмеялась и выдала такое... — Дилан смутился. — Заявила, что я считаю Боба глупой грудой мускул, а Эйдана самодовольным кретином. Боб думает, будто я ни на что не способный сын гения. А Эйдан... В общем, про каждого гадостей наговорила. Парни завелись, обзывать начали. Они восприняли дурацкий тест всерьез. Ясно же: Тревис с ведьмой нас провоцировали и на реакцию смотрели. Потом она велела замолчать. Сказала, решение они примут завтра. Остальное вы сами видели....

Мозг Дебры взрывался от обилия тревожных мыслей. Виски пылали огнем, из-за ноющей боли за глазами хотелось расплакаться, излить горе серой подушке. В голове не желало укладываться, что мерзавец Грант воспользовался лучником. Дебра десятки раз слышала угрозы, но не верила, что пристав посмеет выпустить луч в живую плоть. Вдруг Боб не очнется? Останется парализован?

С другой стороны, лучше он, чем Дилан.

Дебра больно стукнула себя по ноющему лбу. Вот до чего доводит заточение! Она начала терять человеческий облик вслед за одноклассниками. Разве можно радоваться несчастью Боба? Подобной участи заслуживает разве что Грант. Или Тревис. Дебра разочаровалась в психологе. Интересно, хватит ли выдержки, чтобы не расцарапать профессору лицо при следующей встрече?

Сон пришел под утро. Привиделся дикий пляж, где не было места горестям и бедам, а сине-зеленое море сливалось с нежным, как бирюза, небом. Дебра брела по белому рассыпающемуся песку, ощущая босыми ногами ласковое тепло. Волны шумно накатывались на берег, приглашая пробежаться по кромке воды. Ветер обдавал лицо брызгами, играючи проникал под легкое платье, надувая подол колокольчиком. Дебра не знала, куда направляется. Но это не тревожило. Здесь было хорошо и спокойно. Она не чувствовала себя счастливой по-настоящему. Но знала: врагам сюда не добраться.

Просыпаясь, Дебра всё еще слышала плеск волн и шелест ветра. Она не торопилась открывать глаза. Нежилась под одеялом, продливая волшебство. Ещё чуть-чуть. Хотя бы

мгновение...

Изолятор огласил истошный вопль. Мир накренился и выпрямился, как пружинка, мобилизуя резервы сил. Дебра огляделась за секунды, подмечая детали: расширяющиеся глаза Мери, взъерошенные со сна короткие волосы Меридит, ноги Вейды, свешанные с матраца и готовые к побегу — к двери. Кричала Яра. Сидела на кровати и указывала на соседнюю постель, принадлежащую Иде Бригс. Иду закрывала Мери. Дебра не успела сориентироваться, а изолятор наполнился девичьим визгом. Она вскочила и плюхнулась обратно от неожиданности. У Иды из носа текла кровь. Футболка на груди покрывалась пугающими красными пятнами.

— Она заразилась! — первой дар речи обрела Вейда. — Кровь из носа — симптом Хайди! Она больна! Мы все больны! Выпустите меня! — и, как несколько недель назад в изоляторе в Бриладе, Вейда бросилась к выходу, чтобы отчаянно замолотить в стену.

Громогласные усилия быстро возымели успех: дверь резво отъехала в сторону. Первым в палату ворвался Тревис в пиджаке нараспашку. Перехватил ошалевшую от страха девушку, ловко усадил на ближайшую кровать — ту, где до прошлой ночи спал Боб — и вколол что-то в предплечье. Вейда обмякла и распласталась на матраце тряпичной куклой.

Картина получилась жуткой, но о Вейде сразу забыли. Смотрели на профессора, смело шагнувшего к Иде. Мери, чья постель располагалась ближе всех к окровавленной однокласснице, съехала на пол вместе с одеялом. Не отрывали от Тревиса напряженных взглядов и оба стража. Внимательно следили, как доктор берет Иду за подбородок и запрокидывает ей голову. Причиной тревоги стало привычное отсутствие у психолога защитного костюма.

— Профессор, вы сильно рискуете, — не выдержал Донелли. В отличие от напарника, он высказал предостережение спокойным тоном. — Девочка может вас заразить.

— Чем? — отозвался Тревис беспечно. — Носовым кровотечением, вызванным нервным срывом? Успокойтесь, пристав, это не Хайди. Чем зря волновать детей, лучше проводите Иду в процедурную. Нужно остановить кровь. Молодые люди, — психолог обвел приветливым взглядом притихших подростков. — Вашу подругу придется поместить на карантин. Этого требует протокол. Но я уверен: она здорова. Прошу всех держать себя в руках. Вашим жизням ничего не угрожает.

— Готовы повторить это Бобу Ралли, профессор? — не сдержалась Дебра.

Ух, двуличный позер! Смеет строить из себя спасителя!

— Нет, Дебра, не готов. То, что случилось вчера — ужасно. Уверю, мы делаем всё возможное, чтобы ваш друг поправился.

Тревис и стражи ушли, оставив пациентов в смятении. Заговорили не сразу. Зато потом не замолкали часа два, уговаривали друг друга поверить профессору. Мысль о Хайди рвала души диким зверем. Не принимали участие в бурном обсуждении лишь Вейда, выведенная из строя успокоительным препаратом, и Эйдан, не пришедший в чувство после ранения Боба.

— Всё-таки почему «добрый» доктор не носит защитный костюм? — задал Дилан вслух волнующий всех вопрос. — Может, он болен?

— Не смей! — взмолилась Яра. — И так страшно!

Дебра не спешила выдвигать теории. Она не верила в Хайди. Считала, Донни с Генри нарочно обвинили в смертельном недуге, чтобы изолировать и изучать, как подопытных зверушек. А Ида... Либо прав Тревис, и у неё нервный срыв, до которого и остальным недалеко. Либо недомогание — часть эксперимента, проводимого профессором и таинственной дамочкой в черном. Интересно, чем она напугала Дилана? Друг отсутствием смелости никогда не страдал.

И еще один вопрос: как относиться к недавнему кошмару? Зловещая черная фигура, перебирающая волосы Иды Бригс — совпадение?

Прошло четыре похожих друг на друга дня, а новостей о больных одноклассниках не поступало. Снова начались тесты, помогающие коротать резиновое время. Истерики в общей палате прекратились. Ежедневные уколы успокоительных и слона могли ввести в эйфорию. Однако поводов для расстройства хватало. После нападения на Боба, пленники надеялись не увидеть Гранта. Но он заходил в изолятор, как к себе домой. В обнимку с лучником. Судя по довольной физиономии пристава, никаких карательных мер руководство не применило.

Разговоры звучали всё реже. Пленники помнили о камерах и не хотели привлекать чужое внимание. Один Дилан махнул рукой на слезку. В свободное от тестов время подсаживался к Дебре на кровать и болтал о пустяках. Или рассказывал забавные (в своем понимании) случаи из практики отца — те, которые умело подслушивал. Порой ему удавалось на целое мгновение заставить подругу забыть и улыбнуться. Почти безопасно

— как раньше.

Лишь однажды ей стало не по себе.

— Помнишь, как к нам госпожа «формальдегид» цеплялась? И пожар, который мы устроили? — спросил парень.

Дебра лежала на боку, а Дилан, присев на край постели, осторожно перебирал её длинные вьющиеся пряди. «Парикмахерские» замашки её в восторг не приводили, но друга это успокаивало, и она не сопротивлялась.

— Помню, — Дебра повернулась, и прядь в руках Дилана натянулась. — Почему ты спросил?

По телу — от поясницы до затылка — прошла дрожь. Учительницу химии несуществующий Дилан упоминал в видении, бредя по улице с фальшивой Вейдой.

— Из-за отца. Он накричал на меня после того финта. Раньше он мечтал, чтобы я переехал в Каста-Беллу и жил по-настоящему, а не занимался до конца дней ерундой в такой дыре, как Брилада. Но меня туда никогда не пустят, посчитают на распределении малолетним преступником. Вот мы и в столице. Но лучше б оставались дома.

— Ну, ты и сравнил, — на кровати напротив из-под простыни высунулась голова Яры. — Я всё равно хочу жить в Каста-Белле. Всегда хотела. Попросилась бы сюда на распределении. Согласилась бы работать кем угодно. Хоть уборщицей или фасовщицей. А что? — бросила Яра скривившейся Меридит. — Это ты единственная дочка богатых родителей. У меня мать с отцом простые работяги. И три младших сестры в придачу. Пусть начну с низов, зато в главном городе Земли!

Девочки с увлечением заспорили о том, влияет ли происхождение на будущие успехи в современном мире, но Дебра не слушала. Думала о словах Дилана. Угораздило же друга вспомнить зимний поджог кабинета химии! Иногда казалось, что мистические события ходят по кругу. Точнее, по спирали. Чуть отдаляются и снова возвращаются назад по новому витку.

Чуть легче стало по ночам. Космонавтка и белая комната не возвращались. Как и черна зловещая фигура. Сознание поглощали другие сновидения, по атмосфере похожие на сон о пустынном пляже. В одну из ночей Дебра бродила по лесу. Солнечные лучи пробивались сквозь частокол деревьев, под ногами хрустели сухие веточки, вдали беззаботно переговаривались птицы. В другой раз она оказалась на вершине горы. Любовалась на простирающиеся поля и уносящиеся вдаль реки. А однажды Дебра превратилась в русалку, способную дышать под водой. Ощущение получилось бесподобным. Волшебным! Она ни о чём не волновалась, плыла, касаясь хвостом морского дна, и разглядывала проносящихся мимо рыб самых немыслимых расцветок. Новые сны служили глотком свежего воздуха. Они успокаивали, давали силы пережить очередной день в заточении.

...На пятое, ничем не примечательное утро, Дебру вызвали к профессору Тревису. Забрать пленницу явился непробиваемый Донелли. Пристав не изменял себе. Молчал всю дорогу до лифта, не проронил ни слова и в кабине, пока ехали вверх. Сколько

именно они преодолели этажей, Дебра не знала. На экране никогда ничего не отображалось. Не было в лифте и кнопок этажей, стражи вводили код, прикрывая панель ладонями.

По дороге к кабинету психолога в сером длинном коридоре терпение Дебры лопнуло. Показательное безразличие пристава раздражало до скрежета на зубах. Хотелось убедиться, что позади кошачьей пружинистой походкой вышагивает человек, а не робот. Однажды отец, перебрав больше обычного, пытался поведать, что до Хайди в столице планировали создать искусственных стражей. Точнее, капралов, как раньше называли блюстителей порядка. Но подробностей дочь не услышала. Здравомыслящая Делинда быстро заткнула говорливому супругу рот.

— Как чувствуют себя Боб и Ида? — поинтересовалась Дебра, не оборачиваясь. Она нарочно вложила в интонацию побольше яда.

Донелли не счел нужным ответить.

— Вам удобно притворяться глухим? Или у вас проблемы не только с мозгами, но и со слухом? — съязвила Дебра всерьез. А про себя подумала: «Кретин!».

— Вам лучше не разговаривать, — отозвался страж.

— Почему? — Дебра сжала кулаки.

— Таковы правила.

— О! Вы всегда им следуете? Как ваш друг Грант?

— Он мне не друг, а напарник, — неожиданно сурово отчеканил Донелли, останавливаясь у профессорской двери, и провел по электронному замку картой-ключом. — Прошу.

Тревис поджидал пациентку, углубившись в кипу бумаг с непонятными графиками.

— А, Дебра! Присаживайся, — поприветствовал он пациентку, застывшую в дверях.

С памятного приступа Иды они не виделись, и Дебре не терпелось продемонстрировать негодование любым доступным способом. Она плюхнулась в кресло с ногами, хотя прежде аккуратно присаживалась на край. Задала профессору тот же вопрос, что и Донелли — об Иде и Бобе. Тонем далеким от уважительного.

Психолог оторвался от документов и задумчиво посмотрел Дебре в глаза.

— Вы ответите? — спросила она сердито. — Или будете пялиться?

— Зачем же так грубо? Я отвечу, но ничего нового не скажу. Не потому, что не хочу, — предвосхитил профессор новое язвительное замечание. — Сообщать нечего.

Пациентка усмехнулась. Доктор сделал вид, что не заметил.

— Быстро такие проблемы не решаются. Нужно убедиться, что Ида здорова. Моя уверенность в отсутствии Хайди — не доказательство для остальных. Что касается Боба... — профессор замялся.

— Он очнется? — голос Дебры дрогнул.

— Определенности нет, но это неплохо. Было бы хуже, если бы мы точно знали, что паралич необратим. Пока шансы пятьдесят на пятьдесят.

Дебра хмуро уставилась в стену. В голове вертелось столько вопросов, но стоило ли задавать их хитрецу-психологу? Она даже губы кусать начала, борясь с искушением.

— Почему Гранта не уволили? — на один вопрос Дебра решилась и попала в яблочко.

Тревис вздрогнул и пока соображал, что ответить, угодил под новый «обстрел».

— Разве пристава не должны устранить? Или доведение Боба до паралича не считается

проступком? Стражам разрешено делать все, что угодно, с подопытными кроликами?

— Разумеется, нет! — запротестовал доктор.

— Тогда почему мерзавец здесь? — Дебра ударила кулаками по профессорскому столу.

Психолог бессильно развел руками.

— Я полностью разделяю ваше негодование. Если бы это зависело от меня, пристава Гранта вы больше бы не увидели. Но не я руковожу стражами, и не в моей власти назначать им наказания или отстранять от работы.

Ответ Тревиса звучал правдоподобно, но Дебра не спешила верить. Она не забыла, что Грант сказал Донелли после нападения на Боба: «Расслабься. Я же стрелял, а не ты». Страж понимал, что ему всё сойдет с рук. Профессор явно знал тому причину, но делиться не собирался.

— Раз с вопросами покончили, преступим к делу, — Тревис улыбнулся. Тон из озабоченного вновь превратился в приветливо-добродушный. — Взгляни.

Перед пациенткой легли пять новых карточек — обратной стороной вверх, однако объяснить суть задания доктор не успел. На столе завибрировала рация. Психолог нажал кнопку приема.

— Слушаю, Элла.

— Профессор! — пронзительно заговорил молодой женский голос. — Вас срочно хочет видеть директор Крафт. Ругается и требует. Прямо сейчас, — добавила девушка грустно. Мол, она понимает, что начальство встало не с той ноги, но поделать ничего не может.

— Скоро буду, — проворчал психолог. Отключил связь и повернулся к Дебре. — Я ненадолго. Внимательно изучи картинки. Когда вернусь, расскажешь, какие эмоции они вызвали. В подробностях.

Профессор зашагал к двери. Открыл ее ключом-карточкой, но поспешно засеменил обратно.

— Проклятье! — простонал он, перетряхивая бумажные горы на столе. — Ты видишь блокнот? Большой и зеленый?

Дебра хмыкнула.

— Тот, который у вас подмышкой? — невинно поинтересовалась она.

Тревис звонко хлопнул себя по лбу и выронил блокнот. Поднимал его с пола, умудрился удариться локтем об угол стола.

— Знаю, глупо получилось, — извинился он за странную сцену, потирая ушибленную конечность. Улыбка вышла вымученной. — Иногда со мной случаются казусы. Сейчас не часто, но в юности о моей рассеянности ходили легенды.

Когда за Тревисом закрылась дверь, Дебра с полминуты улыбалась, вспоминая поиски потерянного имущества. Надо же, какой профессор растяпа! Затем, как было велено, переключилась на картинки. Перевернула одну и залюбовалась. Взору предстал великолепный водопад. Потоки воды обрушивались с высоченной скалы и разбивались о черные камни. Сквозь туманную дымку ввысь поднимались маленькие радуги, стремясь дотянуться до солнца.

Дебра перевернула следующую карточку, и кабинет огласил испуганный возглас. На обратной стороне красовался знакомый пейзаж: простирающаяся вдаль зеленая равнина с изогнутыми лентами рек. Под отчаянный стук сердца пациентка переворачивала одну картинку за другой. Пустынный пляж с белым песком, лучи солнца сквозь лесной частокол, морское дно с русалкой и разноцветными рыбами.

Дебра схватилась за голову.

Всё это она видела раньше. Друг за другом картинки Тревиса являлись во сне!

Дебра не усидела в кресле и бегала туда-сюда вдоль стеллажей. Ум заходил за разум. Как?! Как ради всего святого она умудрилась увидеть во сне картинки, которые покажет профессор? Мало несуществующей космонавтки и видений в тумане? Почему вместо ответов, как из рога изобилия, обрушиваются новые загадки?! Сейчас Дебра была категорически не согласна с Делиндой. Новые возможности мозга? Нет уж! Это форменное издевательство!

— Тебя лечить пора! — сердито высказала Дебра взъерошенному отражению в зеркале и покрутила пальцем у виска.

Одно хорошо. Тревиса вызвали к мерзкому начальству вовремя. Иначе как бы она объяснила бурную реакцию? Представить страшно, что предпринял бы психолог, взвой пациентка белугой при виде невинных картинок.

Вспомнив профессора, Дебра бросила взгляд на выход и остановилась, как вкопанная. Что-то было не так. Она подкралась на цыпочках к двери и легонько ее толкнула. Та послушно распахнулась. Вот так номер! Чтобы войти в кабинет или выйти в коридор, психолог использовал электронную карту. Закрывалась дверь без ключа, требовалось легкое нажатие. Но сегодня из-за спешки и смущения Тревис не надавил как следует, и у Дебры появился шанс покинуть кабинет профессора.

От смелой мысли перехватило дыхание, сердце в предвкушении подпрыгнуло, а внутренний голос без труда нашёл причину для «выхода в свет». Разведка на местности! Ознакомиться с географией Центра точно не лишнее. Кроме изолятора и нескольких врачебных кабинетов ребята в здании ничего не видели. Может, удастся узнать что-то полезное. Дебра смело взялась за ручку, но в мозгу сработал тревожный звоночек. А если это очередной тест? Вдруг профессор специально оставил дверь приоткрытой и наблюдает за реакцией пациентки? А смущение и разговоры про рассеянность — отлично сыгранный спектакль? Нет. Дебра упрямо тряхнула головой. Подобный трюк — перебор даже для Тревиса.

Часть разума сопротивлялась и требовала осторожности, но на память пришли наставления Ингрид Торренс в последний школьный день: «Не гони предчувствия. Они важны.» Дебра не особо доверяла суждениям странной одноклассницы, но сейчас они казались уместными. Интуиция не просто шептала, а срывалась на крик, требуя срочного, незамедлительного выхода наружу. Не раздумывая более ни секунды, Дебра подчинилась.

Вышла в пустой коридор и аккуратно прикрыла дверь так, чтобы не захлопнулась.

Куда теперь? Коридор убежал в обоих направлениях. Налево, метров через пятьдесят, лифтовая площадка. В кабину не попасть. Она, как и все комнаты, открывалась электронной картой. Как заставить лифт ехать, Дебра тоже не представляла. «Тогда в другую сторону», — подсказал все тот же внутренний провокатор. Девушка повиновалась. Пошла на право. Останавливалась у каждого кабинета и прикладывала ухо к двери, но в ответ не раздавалось ни звука.

Добравшись до конца коридора, беглянка наткнулась на развилку и снова свернула направо, потом налево, а эффект от «разведывательной операции» оставался нулевым. Этаж вымер. Тишина была столь глубокой, что Дебра отчетливо слышала стук сердца. Не дали дополнительной информации и таблички на серых унылых дверях. Везде значились исключительно номера комнат. Ни имен, ни должностей. В лабиринте безликих коридоров не наблюдалось ни единого намека, в какой стороне лестница. Как сотрудники сами тут не теряются? Экзамен сдают по ориентации на местности, когда на работу устраиваются?

Разочарованная Дебра созрела для возвращения, когда за очередным поворотом — в глубине нового коридора — хлопнула дверь.

— Мне неинтересны ваши сложности, я ценю результат, — холодно заметил хриплый женский голос. В тишине пустого этажа он прозвучал громовым раскатом. — Как уладить проблему с напарником, решайте сами.

Секунду спустя Дебра едва не лишилась чувств. Второй голос принадлежал Гранту.

— Но, госпожа Гордон, я не смогу ничего предпринять, он с меня глаз не спускает!

— Найдите способ, чтобы спустил. И довольно об этом!

Грант не посмел возражать и, к великому облегчению Дебры, зашагал шаркающей походкой в противоположном направлении. Нарочито медленно, в развалку, как всегда делал, желая показать значимость. Однако обрадовалась беглянка рано. Недовольная незнакомка отправилась ей навстречу. Дебра пошатнулась, но устояла. Развернулась на «автопилоте» и, стараясь двигаться бесшумно, ринулась к кабинету Тревиса. Какое счастье, что на ногах кеды на мягкой подошве, а на «преследовательнице» цокающая обувь на каблуках, отлично заглушающая другие звуки!

«Пусть сразу фиолетовым лучом бьют» — пронеслось в потяжелевшей голове. — Чтоб наверняка. Не хочу, как Боб, остаться овощем».

Поворот. Ещё один. Дробные удары металлических набоек о плиты позади.

Большую часть пути Дебра умудрилась преодолеть, оставшись незамеченной. Но, когда до спасительного профессорского кабинета осталась одна развилка, впереди образовалось новое препятствие. С той стороны, куда отчаянно рвалась душа, тоже кто-то шел, противно шаркая ногами. Плохо понимая, что творит, Дебра торкалась во все кабинеты подряд. Рассчитывать на удачу было глупо, однако чудо случилось: кто-то из сотрудников Центра оказался растяпой не хуже Тревиса. В полубоморочном состоянии Дебра проскользнула в незапертый кабинет, молясь, чтобы дверь не скрипнула.

Это оказался зал для совещаний с большим овальным столом посередине и экраном на стене. Убедившись, что внутри пусто, Дебра рухнула на колени и уткнулась мокрым лбом в дверной косяк. «Ждать, ждать, ждать», — стучало в пульсирующих висках, перед глазами плыли чёрно-красные всполохи.

— Главное, чтобы Тревис не вернулся, а они... они сейчас пройдут, — шепнула Дебра себе, дрожа от пяток до макушки.

Но она жестоко ошиблась с расстановкой приоритетов. «Спасительная» дверь начала открываться. Времени прятаться не осталось. Дебра осталась сидеть у порога, в проеме мелькнул подол. Чёрный подол!

«Конец», — обреченно выдохнул кто-то в голове.

— Простите, госпожа Гордон! — заискивающе заквакал в коридоре высокий мужской голос, принадлежащий шаркающему «препятствию». — Я... я хотел сказать, что...э-э-э....оставил для вас отчет у Эллы.

Женщина не сочла нужным отвечать робкому сотруднику. Но Дебре хватило заминки, чтобы мышкой юркнуть под стол. Левая нога неудачно изогнулась. Чтобы удержать равновесие, пришлось упереться ладонями в пол, навалившись на них всем весом, и застыть в неудобной позе. В сложившейся ситуации это — сущий пустяк.

Незнакомка устроилась за столом, закинув ногу на ногу, и Дебре пришлось пялиться на модные черные сапоги на высоких каблуках. В зале заиграла ненавязчивая мелодия видеофона. Такие агрегаты в Бриладе Дебра видела в двух местах: в университете, куда заезжала к матери, и на почте, но чаще выключенными. Использовать видеофоны для переговоров с жителями других секторов было накладно. Обитатели провинциального городка предпочитали обычные телефоны, установленные в пунктах связи. Из дома же можно было позвонить лишь в пределах Брилады. Отца это жутко раздражало. Иногородные знакомые у Алана Рида отсутствовали. Его злил сам факт ограничения. Он не раз вспоминал, что до Хайди мир был проще с технической точки зрения.

Мелодию сменил молодой мужской голос, желающий угодить.

— Добрый день, госпожа Гордон.

Дама в чёрном обошла без приветствий.

— Присцилла просила связаться сегодня. Она свободна?

— Госпожа Грей предупредила о вашем звонке, — поспешил отчитаться собеседник. — Попробую соединить.

Дебра задумчиво закусила губу. Присцилла Грей? Совпадение? Именно так звали советницу верховного правителя Абрахама Уинфри в сфере здравоохранения. Ту самую, которая делилась с телеэкрана успехами в борьбе с главным недугом планеты. Успокаивала, рассказывая сказки о жизни подконтрольных.

Сомнения развеялись через полминуты.

— Приветствую, Кассандра, — зазвучал бархатистый глубокий голос.

«Она!» — в памяти Дебры всплыло вытянутое худое лицо с зализанными назад пепельного цвета волосами. Как наяву в душу заглянули голубые, глубоко посаженные глаза — умные, пронизывающие.

— Здравствуй, Присцилла. Хотела меня видеть?

— Да. Я рассчитываю на хорошие новости, — интонация советницы отличалась от той, которую Дебра привыкла слышать по ТВ. Из обычно располагающего к себе голос превратился во властный, жесткий и насмешливый.

— Я заставила Тревиса провести эксперимент с мальчишками, — монотонно сообщила черная дама. — Как ты и хотела.

— И? — поторопила Грей, желая поскорее узнать результат.

— Не сработало. Я ничего не почувствовала.

— Как так?! — вскричала советница и стукнула по столу. — Ты уверяла, что предназначенный медальону один из них!

Дебра вздрогнула, вспомнив украшение из снов с голубым камнем, и нервно мотнула головой. Нет. Речь точно не о нём. Тот медальон не существует. Как и космонавтка из столицы.

— Мальчишек расселили по разным палатам? — продолжила Грей суровый допрос.

— Тревис воспротивился, — ответила Кассандра неторопливо, она не боялась гнева влиятельной чиновницы. — У нас случился инцидент. Пациенты чересчур вжились в роль во время эксперимента, и дело кончилось дракой. Грант ударил в них красным лучом, но перестарался. Ралли парализовало. Вероятно, навсегда.

— Подумаешь, — отмахнулась советница. — Мы хотели, чтобы пристав вывел кого-нибудь из строя. Чем меньше детей, тем легче вычислить избранного.

— Нам не нужны необратимые последствия, пока не будем уверены, что уничтожаем кого следует. Мне вообще не нравится сотрудничество с этим стражем. Его невозможно контролировать. И давить нельзя, донесет родственнику, а нам ни к чему чужая осведомленность.

— Я предлагала использовать второго пристава, — попеняла Грей.

— Исключено, — отрезала Кассандра. — Донелли с принципами. Не надо улыбаться. У меня давно нет действующей силы, но в людях я всё ещё разбираюсь.

— Ладно, — проворчала советница. — Я верю в твои таланты. Но что насчет предназначенного главному ключу?

Женщина в черном тяжело вздохнула.

— Это не Ралли. И не Бригс. Грант хоть в чем-то не подвел, — объяснила она с нотками раздражения в голосе. — Подменил ампулу с витаминами на другое лекарство. У девчонки из носа пошла кровь, и Тревис её изолировал. Ралли с Бригс в другом конце здания, но я продолжаю чувствовать зов медальона здесь. Вот только... — Кассандра громко выругалась. — Вибрации каждый раз указывают на разных подростков. Этому есть лишь одно объяснение. Среди детей не только избранный, но и его персональный

хранитель. Он мастерски водит меня по кругу.

— Нелепость! — возмутилась Присцилла. — Наши пленники — дети!

— Именно. Он не настоящий хранитель, а ведун. У них способности с рождения. У одних слабые, у других столь мощные, что способны доставить неприятности верховным. К предназначенному главному ключу не приставили бы середнячка. Всё логично. У хранителей нет права серьезно вмешиваться в судьбу избранного. Ребенку позволено больше. Его проще внедрить. В школу. Он не на виду, но всегда рядом.

Тело Дебры болело сильнее с каждой секундой, но она боялась шевельнуться, жадно ловя каждое слово, и не понимала, явь это или бред.

— Значит, если среди детей ведун, он сильнее тебя? — резюмировала Грей.

— Увы. Но у меня есть план, как разрушить связь сладкой парочки. Во-первых, мне необходимо разрешение на несколько особенных экспериментов. Во-вторых, детей нужно разделить на две группы. Требуется твое влияние. Крафт терпеть меня не может и поддерживает Тревиса, а тот против моих инициатив. Наш дорогой профессор понял, что дети в Центре не из-за видений. Догадывается, что за мной стоишь ты. А к тебе он никогда нежных чувств не испытывал.

— Добрый доктор, — протянула Присцилла насмешливо, и Дебра представила довольную кошку, вволю наигравшуюся с мышью. — Он борется за мир во всем мире. Как глупо. Ведь знает, что война давно проиграна, — советница показательно вздохнула и продолжила жестко: — Я надавлю на него. Дам пару бесплатных, но ценных советов. Главное, ты не подведи. Если юный паршивец доберется до медальона, я тебя в порошок сотру. Я бы отдала приказ уничтожить всю группу. Но вдруг ты ошибаешься, и среди пациентов нет избранного. Кстати, — советница снова развеселилась. — Мне передали, их судьбой интересовался Роджер Геллен.

— Почему? — голос черной дамы дрогнул.

— Попробуй выяснить.

— Не пойди бы тебе к дьяволу?! — вспыхнула Кассандра.

— Я не предлагаю общаться с Гелленом. Может, сумеешь уловить вибрации. Да шучу я, шучу. Сама разберусь. Всё, до связи. В следующий раз мне нужны реальные результаты, а не оправдания.

— Будут, — мрачно пообещала Кассандра.

Кассандра Гордон покинула зал совещаний, едва распрощалась с советницей, и беглянка погрузилась в новый кошмар. В отличие от рассеянного Тревиса, таинственная женщина в черном нажала на дверь основательно.

— Да чтоб вас всех!

Запертая Дебра в жизни не чувствовала себя столь беспомощной. На глаза наворачивались слезы, с языка сыпались проклятья. В том числе и в собственный адрес. Почему? Почему ее дернуло отправиться на разведку? Неужели, было непонятно, что затея обречена на провал? Дебра с ненавистью смотрела на дверь и яростно сжимала кулаки, не замечая, как ногти вонзаются в ладони. Вернется Тревис, начнутся поиски. Пойманную пациентку передадут прямиком в руки зловещей Кассандры, и та догадается о её связи с пресловутым украшением.

Ни к чему обманываться. Не бывает столь безумных совпадений! Черная ведьма (кем бы она ни была) чувствовала зов медальона, и он звал. Целых десять лет звал! Сейчас Дебру мало волновало, почему его называли ключом, и какую дверь он открывает. Загнанная в капкан беглянка с радостью обменяла бы все секреты вселенной на свободу и безопасность. Мозг рисовал картины последних мгновений жизни. Надменное лицо Присциллы Грей, ледяной взгляд Кассандры Гордон сквозь прорези маски, мерзкий смех пристава Гранта. Пространство рассек фиолетовый луч, погружая в кошмарную всепоглощающую тьму.

Никто и ничто на свете не могло помочь. Никто и ничто. Кроме...

В коридоре слышались скрип и неторопливые тяжелые шаги. Дебра вновь нырнула под стол, приложившись в спешке головой. Да так, что в ушах загудело. Кто-то остановился у зала совещаний. С механическим скрежетом отворилась дверь. Беглянка разглядела колеса тележки и выглядывающие из-под темно-синего подола униформы полные ноги в тряпичных старомодных тапочках.

«Уборщица!» — догадалась Дебра и взмолилась, мысленно гипнотизируя женщину. — «Пожалуйста, пройди вглубь комнаты, я смогу проползти в коридор».

Шанс на успех был мизерным. Почти невозможным. Однако беглянка не исчерпала лимит чудес. Уборщица вняла мольбам, оставила тележку с чистящими средствами у открытой настежь двери, обошла стол и принялась вытирать пыль в шкафу в дальнем углу кабинета. Дебра поползла к выходу, чувствуя, что сердце вот-вот разорвется. Торопливо глянула по сторонам, вскочила и припустилась прочь.

«Только бы Тревис не вернулся, только бы не успел!» — молилась она на бегу.

Спустя несколько наполненных ужасом мгновений желанная дверь была достигнута. Беглянка влетела в кабинет психолога. Пустой и безопасный. Упала в кресло, приказывая себе не плакать, а дышать — медленно и глубоко, чтобы успокоиться и не дать предательским слезам вырваться наружу. Потом — в изоляторе (а ещё лучше — в душе) можно реветь, сколько угодно. Но не здесь. И не сейчас.

...Тревис вернулся минут через десять. Усталый и хмурый.

— Извини, думал, управимся быстрее.

— Ничего. Я не успела соскучиться.

Психолог улыбнулся.

«Знал бы правду, не до улыбок было бы!» — подумала Дебра сердито. — «Не хотели вы эксперимент с мальчиками проводить, как же! Боретесь за мир во всем мире? Не верю!»

У неё не осталось сил на разговоры. Ни физических, ни моральных. Но чтобы вернуться к одноклассникам, необходимо разобраться с проклятыми карточками.

— Ты готова? — спросил Тревис без воодушевления. Последние полтора часа и у него отбили желание работать.

— Картинки великолепны. Я залюбовалась ими. Но потом загрустила.

— Почему? — удивился Тревис.

— Эти места такие красивые, а мы сидим взаперти.

— Понимаю, — вымученно улыбнулся профессор. Взгляд устремился в никуда.

— Когда нас выпустят?

— Хотел бы я знать, — ответил психолог задумчиво, но быстро спохватился. — Нужно закончить тесты и убедиться, что вы здоровы...

Отвести Дебру назад профессор велел Донелли. Она заподозрила, что Тревис нарочно не пользуется «услугами» Гранта. До изолятора пристав с пациенткой добрались в тишине. Но удивительное дело: страж, который раньше не удостаивал пленницу и толикой внимания, теперь не отрывал от нее взгляда. Дебра не понимала причины резкой перемены и старалась не показывать волнения. Вспомнился обрывок разговора Гранта с Кассандрой в коридоре. Страж что-то хотел сделать, но не мог из-за слежки напарника. Ведьма злилась, что Грант не в состоянии разобраться с Донелли.

С легким любопытством Дебра покосилась на пристава, открывающего дверь лифта.

«Стоп!» — разъяренно заявил внутренний голос, наученный горьким опытом. «Это не твои проблемы. Пусть сами разбираются, во что бы они не ввязались».

Дебра с чистой совестью выкинула из головы Донелли вместе с негодяем-напарником. Заходя в общую палату, мечтала об одном — упасть в постель и не вставать до следующего утра, но почувствовала ещё один пристальный взгляд. На неё с тревогой смотрела Ингрид Торренс. Странная художница будто пыталась прочесть мысли, но сообразив, что внимание замечено, отвернулась. Взвинченной Дебре хватило секунды, чтобы разглядеть в светлых глазах облегчение.

«Неужели?!»

Из всех одноклассников одна единственная Ингрид — столь непохожая на остальных — подходила на роль таинственного хранителя, о котором говорила черная ведьма Кассандра.

Глава 6. Третий сон

Ингрид проснулась, будто от толчка. Прислушалась, не смея шевельнуться. Пусть незваная гостья думает, что все пленники спят. А она понаблюдает. И вмешается, если потребуется.

Девушка лежала с закрытыми глазами, но всё равно отлично «видела», что происходило в темном изоляторе. «Видела» черный сгусток энергии, медленно перемещающийся от кровати к кровати. Он зависал над спящими одноклассниками, покачиваясь в воздухе. Вреда не причинял. Пока. Сейчас его задача — поиск, а не убийство. Но всему свое время. Ингрид понимала, какая опасность им грозит. Им обоим: ей самой и подопечной. Слишком хорошо понимала.

Она точно не знала, кто такая женщина в черном, чье воплощение появлялось здесь из ночи в ночь. Но ощущала ее силу. Точнее, отголоски силы. Странно. Дар незнакомки не был цельным, а будто состоял из кусочков, как лоскутное одеяло. И всё же представлял смертельную опасность. Ведь юная защитница не могла сказать, сколько еще сумеет продержаться, водя упорную противницу по кругу. Насколько хватит силенок.

Черный сгусток завис над кроватью Дебры. Ингрид сосредоточилась, собирая всю имеющуюся энергию, и закрыла большую часть воспоминаний подопечной. Оставила на поверхности несколько эпизодов: женский журнал, раскрытый на странице с голубым платьем, улыбающегося Дилана, Делинду Рид, пьющую кофе на кухне, Вейду, молотящую в дверь, и красный луч, рассекающий изолятор. Яркие мгновения: мечты и страхи. Самое то для запертой школьницы.

Треклятый сгусток поплыл дальше — к кровати Мери, а Ингрид занялась чисткой собственной памяти, пряча детские воспоминания о посёлке с домиками, похожими на грибы: белыми с коричневыми крышами. Она не была там десять лет, но могла представить жилища в мельчайших деталях, словно наяву. Женщине в черном нельзя этого показывать, как и лицо дяди Арэна. Неважно, что его больше нет. Если неприятельница знает об особом народе, есть риск, что их с дядей пути пересекались. Пусть видит тетю Далию, возящуюся в крохотном саду возле дома. Она — человек. Воспоминания о ней неопасны.

Прошло еще не менее получаса, прежде чем черный сгусток растворился. Покинул изолятор ни с чем. Ингрид вздохнула с облегчением. Очередной раунд остался за ней. Противница не вычислила ни ее, ни Дебру.

Но вот вопрос: сколько еще впереди этих раундов?

Дебра пролежала в постели часа два, прежде чем провалилась в тяжелый сон. Всё думала и думала. От обилия информации голова гудела, как большой улей. Обычные предметы искажались в темноте и пугали. Напоминали фигуру в черных длинных одеждах или странные угрюмые тени, обладающие мистическими способностями. Таинственные личности, названные Кассандрой Гордон хранителями, в представлении Дебры, были не добрыми и не злыми, а безразличными, как стрелки часов, отсчитывающие чужое время.

Как же всё запуталось за считанные минуты! Дебре и раньше казалось, что её поместили в лабиринт загадок. Теперь ситуация окончательно перестала поддаваться логике. Получалось, ничем не примечательная школьница из провинциального городка представляла угрозу для советницы верховного правителя планеты! Звучало дико, но она слышала это собственными ушами. Как и то, что её собираются убить.

Дебра ударила кулаком по подушке. Выхода нет! Их не выпустят из Центра, пока Грей и Гордон не вычислят ученика, предназначенного ключу. Живой не выбраться. Она никогда не вернется в Бриладу. Обещания Геллена и Картера, данные Делинде, потеряли смысл. Поговорить бы с Ингрид! Расспросить о медальоне и остальном. Но из-за камер это равносильно самоубийству.

Вставая утром вместе с выспавшимися одноклассниками, Дебра чувствовала себя одинокой и обреченной. Несправедливо умирать, даже не зная, почему.

— Ты в порядке? — заботливо спросил Дилан, пока подруга, сидя с ногами на постели, с

трудом запихивала в себя консервированный салат из банки.

— Да, — Дебра с ненавистью посмотрела на полную ложку. — Просто плохо сплю и хочу человеческого питания. А ещё есть за столом.

Не говорить же, что над ними восьмерыми вот-вот начнут ставить новые жуткие эксперименты. Присцилла Грэй, наверняка, успела поговорить с директором Крафтом.

— Ох, тоска зеленая! — из душевой вынырнул Эйдан в шортах и перекинутым через плечо мокрым полотенцем. Он пришёл в себя, но вёл себя так, словно драки с Бобом и ранения не было.

Мери забила в угол и терла покрасневшие глаза. Меридит разглядывала неровные ногти и ворчала из-за отсутствия пилочки. У холодильника Вейда переругивалась с Ярой, забравшей последнюю банку с горошком. Содержимого с избытком хватило бы на четверых, но Яра из принципа не желала делиться с вредной одноклассницей. Дебра её не винила. Сама бы для Вейды прошлогоднего снега пожалела.

Вскоре пожаловали гости — Тревис и оба стража. Профессор выглядел мрачным и усталым. Морщинки углубились, яркие серые глаза поблекли. Лицо Донелли сквозь защитную амуницию традиционно не выражало эмоций, зато Грант светился, как гирлянда на ёлке.

— У меня неприятные новости, — Тревис обвёл внимательным взглядом встревоженные лица ребят. — Принято решение разделить вас на две группы.

По изолятору пронёсся шквал удивленных возгласов.

— Почему? — громко спросил Дилан, инстинктивно почувствовав подвох.

— Тихо, Эймс! — прикрикнул Грант, поглаживая лучник.

— Я спрашиваю профессора Тревиса, — парень и бровью не повел. На губах мелькнула тень презрения.

У Дебры сжалось сердце. Рука Гранта начала подниматься для удара.

— Все в порядке, пристав, — Тревис выставил вперед ладонь.

На лице рыжего стража отразилось недовольство, смешанное с отвращением, однако он повиновался и опустил оружие.

Профессор вновь обратился к пациентам.

— Первая группа: Дилан Эймс, Ингрид Торренс, Яра Маркес и Дебра Рид. Перечисленные следуйте за приставом Донелли. Остальных в новый изолятор проводит пристав Грант. Вещи доставят позже.

Дебра вздохнула с облегчением. Расклад получился идеальным. Ни вечно язвящей Меридит, ни мерзкой Вейды. А, главное, рядом Дилан и Ингрид. Кто-то взял её за руку и потянул к выходу. Конечно же, лучший друг. Грант стоял в дверях и не преминул воспользоваться моментом.

— Дай мне повод, Эймс, — шепнул он, когда Дилан с Деброй проходили мимо.

Новая темница находилась на том же этаже, что и старая, но была вдвое меньше. В этом заключалось её единственное отличие. Все остальное было знакомо до боли: те же привинченные к полу железные кровати, серые унылые стены и отъезжающая в сторону дверь. Дебра не сомневалась, что и камеры тут присутствуют.

В следующие три дня пациентов предоставили самим себе. Ни тестов, ни гостей, ни объявлений по радио. Дебра с Ярой большую часть дня проводили в постелях. Ингрид тоже не проявляла инициативы. Выбрала кровать у стены и водила по ней пальцем, будто рисовала. На «подопечную» не смотрела. Дилан, по-прежнему, не сдавался. Поднимался, едва включался свет, и делал долгую зарядку. Пытался расшевелить одноклассниц, правда, тщетно.

— Что нового показывают на потолке? — поинтересовался он на третий день, ложась на кровать рядом с подругой.

— Небо, — тихо отозвалась Дебра, сплетая руки на животе.

— Звездное? — Дилан, шурясь, посмотрел вверх, будто рассматривал далекие планеты.

— Нет. С облаками.

По телу прошёл легкий холодок. Разговор с намёком на космос опасен в этих стенах. Но друг не думал ни о чём запретном.

— Интересно, когда нас выпустят, разрешат прогуляться по столице? Будет обидно, если сразу домой отправят. Неизвестно, удастся ли снова побывать в Каста-Белле.

Дебра подозрительно покосилась на Дилана. Вспомнилось видение, где друг обсуждал с Вейдой переезд в мировую столицу.

— Ты раньше сюда не рвался.

— Недавно дома книжка попалась об истории Каста-Беллы, — объяснил парень. — О том, как тут всё менялось после Хайди. Интересно глянуть. Город разделили на участки. Про кварталы для инфицированных ты сама знаешь — они на окраине. В жилых зонах почти нет магазинов. Только продуктовые. За другими покупками надо ехать в торговые кварталы. Офисы расположены отдельно. Ни в одной зоне не осталось парков и скверов. Их сравняли с землей и построили новые здания.

— Деревья-то за что уничтожили? — изумилась Дебра, заинтересовавшись рассказом.

— Решили, хватит отдельной зеленой зоны. В неё превратили Гивирену.

Сердце подпрыгнуло, ударилось о ребра.

— Гиви... что?

— Космопорт Каста-Беллы. Теперь там сеть переходящих друг в друга парков. Они стали городской чертой. Раньше Гивирена находилась за пределами столицы — в пустыне.

Дилан продолжал говорить. Рассказывал о развлекательных центрах, созданных в торговых кварталах, но Дебра не слушала. Закусив губу, думала о втором видении, в котором впервые услышала странное слово. Тогда она решила, что это ничего не значащий набор букв, но поди ж ты... Космопорт! Напрашивалось два объяснения. Либо это название упоминали дома, а сознание его зафиксировало и воспроизвело в самый неподходящий момент. Либо в проклятых видениях больше смысла, чем Дебра полагала.

— Хватит! Замолчи!

Дебра с Диланом одновременно сели на кровати и чуть не упали — каждый со своего края.

На них яростно смотрела Яра Маркес. В черных глазах пылало пламя.

— Прекрати рассказывать об этом дурацком городе! — напустилась она на Дилана.

— Э-э-э.... - замялся парень. — Ты же сама хотела здесь жить.

— Хотела, — ступсевалась Яра. — Раньше я мечтала уехать из нашей дыры навсегда. Теперь хочу вернуться в Бриладу и никогда не уезжать. Хватит с меня столицы!

Она всплеснула руками и завалилась на постель. Принялась бить ногами по одеялу, словно вытряхивала пыль, но запал быстро прошел. Раздался едва слышный всхлип. Дебре не хватило мужества подойти и успокоить одноклассницу, но сердце заныло. Ей самой в заточении легче. Рядом лучший друг, а «сиамского близнеца» Яры врачи не включили в столичную группу.

— Мне кажется, я никогда не вернусь домой, — пожаловалась та сдавленно.

Дебра сжала зубы. Это всё из-за неё! Гордон с Грэй держат здесь половину класса.

Издаются, пугают до смерти. Если с Ярой и остальными что-то случится...

Жестокий внутренний голос напомнил, что Боб и Ида уже пострадали.

«Зачем все это?» — спросила Дебра себя. — «Разве я одна стою того, чтобы приносить в жертву ещё девять человек? Может, пойти к Кассандре и признаться? Да, я умру. Зато Яра, Дилан и другие получают свободу».

На душе полегчало. Умирать стало не так страшно.

— Яра, ты обязательно вернешься в Бриладу, — строго заверила Ингрид, поднимаясь с кровати. — Перестань наводить тоску. Ничего хорошего это не принесет.

Последнюю фразу художница произнесла, глядя на Дебру. Та вздрогнула от внезапной догадки и в благоговейном ужасе спросила мысленно:

«Ты знаешь, о чем я думаю?»

Почти прозрачные глаза Ингрид остались беспристрастными, но уголки губ тронула улыбка. Иного ответа не требовалось. Остаток дня Дебра не проронила ни слова и изо всех сил старалась ни о чем не думать. А ночью одноклассников разбудил ее вопль. Приснился радужный водопад с последнего рисунка профессора Тревиса.

На четвертый день о пленниках «вспомнили», прислали в изолятор Донелли. Страж снова задержал взгляд на Дебре. Она отвернулась, начиная всерьез опасаться пристального внимания.

— Эймс и Маркес, следуйте за мной, — скомандовал пристав, перестав просвечивать пленницу взглядом. — Вас ждут врачи.

Дилан, делающий до прихода Донелли зарядку, поднялся с пола. Щегольски отряхнул брюки и зашагал к двери. Яра последовала за ним, еле волоча ноги. Дебра мрачно посмотрела на Ингрид и повалилась на постель. Как обидно! Они впервые одни, а поговорить нельзя. Каждое слово услышат тюремщики или черная ведьма Гордон. Однако Ингрид считала иначе. Усмехнулась, торопливо пересекла изолятор, приложила ладони к противоположной от выхода стене и что-то зашептала. Дебра открыла от изумления рот. Зрелище получилось потусторонним.

— Готово. Теперь нас не услышат.

— А? — на большее язык Дебры оказался не способен.

— Камеры, — пояснила Ингрид сердито. — Наблюдатели считают, что мы лежим и молчим. Знаешь, иногда твоя тупость раздражает. Если б я не чувствовала, как медальон тебя зовет, не поверила бы, что ты — избранная. Шарахаешься от каждой тени. Где любопытство и жажда познания? Не за красивые же глаза ключ тебя выбрал.

Лицо Дебры пошло красными пятнами, но желание получить ответы оказалось сильнее обиды.

— Это правда? — спросила она, борясь с желанием сказать гадость. — Ты — ведун?

Художница театрально вздохнула.

— Ведунья. Я же девушка, — она поправила легкие, как пух, белокурые волосы.

— Тебя прислали следить за мной?

— Присматривать, — Ингрид бесцеремонно взобралась с ногами на постель Дебры. Устроилась напротив, навалившись на спинку кровати, завешенную одеждой.

— И мысли мои читать?

— Нет, на такое мы не способны. Мы может только кровных родственников на расстоянии чувствовать. А ещё людей, на которых настроил владыка. Меня он настроил

на тебя. Но я не читаю твои мысли. Я улавливаю эмоции. Вижу образы, рожденные в твоей голове, и делаю выводы.

— Вчера ты знала, о чем я думаю! — не согласилась Дебра.

Ведунья развеселилась.

— Я поняла, что ты считаешь себя виноватой. Тут и способности не нужны. Выражение лица тебя выдало. Но хватит болтать о пустяках. Расскажи, что выяснила о дамочке в чёрном, пока прогуливалась по Центру. Откуда я знаю? Оттуда! Серые коридоры и черные сапоги под столом вторую ночь снятся!

Представив сны Ингрид, Дебра хихикнула. Сапоги у ведьмы шикарные и дорогущие.

Странная женщина могла сколько угодно прятать лицо, но за модой точно следила.

— Её зовут Кассандра Гордон. Говорила она с Присциллой Грэй. Да-да, той самой!

Пока Дебра сбивчиво пересказывала детали пугающей беседы, Ингрид ни разу не перебила. Почти прозрачные глаза потемнели.

— Значит, владыка Квитон прав, заговор зреет в высших кругах, — протянула она задумчиво, когда Дебра умолкла. — Не смотри так. Я не знаю подробностей. Это не весовая категория ведуньи. У меня одна задача — тебя стеречь. Остальное — удел великих.

— В их «великие» планы не входит вытащить нас отсюда? — поинтересовалась Дебра раздраженно, притягивая к себе ноги, чтобы невзначай не задеть Ингрид.

— Этот вопрос и меня волнует, — призналась ведунья с нотками печали. — Возможно, время не пришло.

— А ты устроить побег можешь?

— Нет. Без посторонней помощи не обойтись.

— Разве нельзя сделать как сейчас? — Дебра указала пальцем на стену. — Пусть думают, что мы тут. Правда, придется тыкаться наугад. Не представляю, в какой стороне лестница.

— Лестниц нет. Только лифт. А выход — наверху. Мы глубоко под землей.

— Откуда ты...

— Знаю и всё. Без электронного ключа не выбраться. Я могу отвести глаза одному человеку, иногда двоим. Как охранникам за стенкой. Но наверху стражей гораздо больше.

Дебра задумалась. Ещё один тупик. А она, глупенькая, надеялась, что ведунья решит накопившиеся проблемы по мановению волшебной палочки.

— Зато ты на ведьму влияешь. Кассандра сказала, водишь её по кругу.

— Влияю, — согласилась Ингрид хмуро. — Но она старается разрушить чары. У неё почти нет силы, но есть знания. Я сначала думала: дамочка — одна из нас. Потом, что она наполовину хранитель. Нам нельзя заводить детей с людьми. Жениться и выходить замуж разрешается, но браки должны быть бездетными, как у моего дяди Арэна с тетей Далией, у которых я жила в Бриладе. Но иногда хранители нарушают правила. Мы тоже люди, пусть и не совсем обычные. Может, Кассандра — последствие нарушенного правила.

— Кто же вы такие? — спросила Дебра.

— Я не вправе это обсуждать, — отрезала ведунья. — Однажды Квитон сам всё расскажет. Он много лет ждёт встречи с тобой.

— Но что нам делать сейчас?

— Ждать, — Ингрид развела руками. — План дурацкий. Но попытаемся действовать, выдадим себя.

— Кассандра не успокоится. Грэй дала ей карт-бланш!

— Не паникуй. Ведьма не сможет вычислить тебя. Её слабые способности не помогут, гипноз тоже. Единственный шанс — добить нас эмоционально. Когда мы нервничаем, уязвимы для неё. Но черная дамочка — моя забота, а тебе надо сосредоточиться, — Ингрид загадочно улыбнулась. — Я отправлю тебя в третий сон.

Дебра вскрикнула и зажала рот обеими руками.

— Да, да, да! — затараторила ведунья, закатывая глаза — Я в курсе, что многолетний кошмар трансформировался в новые сновидения.

— Это ты управляешь снами?!

— Не совсем. Создание снов — одна из моих способностей. Но самых обычных снов, без глубокого смысла. Могу отправить тебя по пляжу прогуляться или в русалку превратить, чтобы отдохнула от дурацких мыслей. Кстати, что стряслось сегодня? Тебе не понравился водопад?

У Дебры едва пар из ушей не повалил.

— Ты-ы-ы! Так это ты! Это же места с картинок Тревиса, тупица! Я думала — это его проделки! Или ведьмы!

— Ой! — ведунья отвела взгляд, но судя по улыбающимся губам, виноватой себя не чувствовала. — Неувязочка вышла.

— Наверняка, считаешь себя особенным существом? — припечатала Дебра.

— Ну-у-у... — протянула ведунья. — Я среди людей выросла. Набралась ваших недостатков. Не злись на меня. Лучше послушай. Ты видишь сны о медальоне, потому что ключ зовёт тебя. Изменение снов — тоже его влияние. Я лишь создаю благоприятную атмосферу внутри сновидения, чтобы оно длилось дольше. Остальное ты делаешь сама. Ты и, возможно, другая девушка. В третий сон я тебя нарочно не пускала, чувствовала: ты не готова. Время пришло. Сон подскажет ответы.

— Ингрид, ты знаешь кто она? Та — другая?

— Нет, — ведунья покачала головой. — Я видела её через тебя. Она связана с медальоном, хотя избранных не может быть двое.

— Она настоящая?

— Неизвестно. Это загадка даже для владыки.

— Значит, сегодня ночью?

Светлые глаза задорно сверкнули.

— Сейчас. Лучший способ придать сил во сне — прямой контакт. Если держать тебя за руку, сон не прервется. Ложись. Я обо всём позабочусь. Главное, не трать время впустую. Тесты не будут длиться вечно. Нужно найти ответы.

Дебра с сомнением отнеслась к затее ведуньи. Уснуть сейчас? Она в жизни не хотела спать меньше! Но противиться не посмела. Взяла подушку и вытянулась на постели.

Ингрид пересела на край кровати и уверенно сжала ладонь Дебры.

— Закрой глаза и представь, что идешь по пляжу — с картинки Тревиса. Ветер треплет волосы, хочет поиграть. Песок греет ступни и рассыпается. Впереди бесконечная синева — волшебная, полная загадок, которые вот-вот станут понятны...

Слова ведуньи успокаивали, Дебра без труда вернула сознание на памятный берег. Она едва сфокусировалась на воспоминании, как веки налились свинцовой тяжестью, а голос

Ингрид зазвучал приглушенно, издалека.

Все тише и тише...

Дебра стояла в незнакомом мрачном здании. На перекрестке, иначе не назовешь. В стороны убегали четыре коридора без окон и дверей. Ни на темных потолках, ни на шершавых каменных стенах не было светильников. Однако Дебра видела и себя, и «дороги», и толстый нетронутый слой пыли на полу. Свет был тусклым и неприятным, заставлял щуриться.

— Что это за место?

Звонкий голос за спиной отозвался сердитым эхом. Дебра подскочила не хуже прыткого зайца. Появившаяся из ниоткуда космонавтка стояла, скрестив руки на груди. Выглядела эффектно — в потёртых джинсах и черной футболке с красной лисой. Дополняли картину кожаные сапоги на высокой рельефной подошве.

— Где пропадала? — поинтересовалась жительница столицы, не дождавшись ответа. — Я решила, больше не появишься.

— В изоляторе. В Каста-Белле, — сердце не отошло от испуга и колотилось о ребра. — Нас перевезли.

— Из-за несуществующей болезни? — глаза космонавтки сделались хитрющими.

— Прекрати издевки, — посоветовала Дебра раздраженно. — А лучше замолчи. Во мнении мы всё равно не сойдемся. Будем спорить, что реально, а что — нет. Важнее понять, почему мы попадаем сюда.

— Дело стоящее, — изобразила рвение столичная язва. — Но как мы это сделаем, играя в молчанку? Ты всё равно нереальна. Seriously. Не закатывай глаза. Я нашла через базу данных Бриладу. Разыскала твою школу и...

— Я не говорила, где учусь, — насторожилась Дебра.

— Школа № 3, - в голосе будущей покорительницы космоса зазвучали хвастливые нотки. — Всё просто, балда! Город у вас маленький. Ты сама сказала: озеро, на котором мы побывали в первом сне, на территории школы. В Бриладе одна школа с озером. Я снимки посмотрела. Оно самое! Проглядела личные дела учеников, выпускающихся в этом году. К каждому документу прилагается фото. Тебя там нет.

— Ерунда, — Дебра провела рукой по взмокшему лбу. Даже во сне от ненастоящей нахалки неприятно слышать, что ты не существуешь.

— Seriously, нет, — продолжила настаивать та. — Я посмотрела фотки обоих выпускных классов.

Дебра с облегчением рассмеялась.

— Вот и доказательство. Ты либо врёшь, либо ошибаешься. У нас один выпускной класс.

— Точно? — девушка подозрительно прищурилась. — Что ж, — протянула она задумчиво, ни капли не расстроившись, и засунула руки в узкие карманы джинсов. — Это говорит в пользу моей догадки. Я много думала о снах. Мы обе уверены, что реальны. Но всё, что ты говоришь, далеко от действительности. Ты слышала про теорию о параллельных мирах?

— Фантастика, — пожала плечами Дебра. — Миф.

— Когда-то люди были уверены, что Земля плоская, как блин. Подумай, вдруг мы живём в параллельных вселенных. Они похожи друг на друга, но пошли по разным путям развития. В моей балом правят технологии, и люди летают в космос. В твоей — человечество умирает от эпидемии. А сны — промежуточное звено между мирами

— Притянута за уши.

Только параллельных вселенных не хватало в комплект к снам и видениям! И так словно

в мистическом триллере!

— Раз тебе нравится считать себя плодом моего воображения, — нахально улыбнулась космонавтка, — пожалуйста, я не настаиваю.

— Смешно, — бросила Дебра и огляделась, раздумывая, в какую сторону отправиться. Не стоять же вечно не распутье. Время третьего сна безвозвратно уходило.

— На что похоже это место? — решила помочь жительница «параллельной вселенной».

— На перекресток.

Куда убегают коридоры, непонятно. Они терялись вдаль, сливались с темнотой, словно дорога в преисподнюю.

— Или на лабиринт. Надо выбрать направление.

Дебра поджала губы. Она понимала, что нужно действовать. Но как не ошибиться? И вдруг её осенило. Ингрид сказала: сны должны подсказать ответы. Значит, пора спросить.

— У меня идея, — она впервые за долгое время испытала прилив вдохновения. — Возможно, это глупость несусветная, но попробуй рассмеяться. Стукну!

— Уверена, что справишься с ответным ударом? — серые глаза озорно блеснули. — Я девушка спортивная. Натренированная, как будущий астронавт.

Дебра проигнорировала колкость. Посмотрела на потолок и нахмурилась, представив, как глупо выглядит со стороны.

— Нам нужна помощь!

Она сама не знала, какого эффекта желала добиться — голосового сообщения или таблички, оповещающей, что ждёт в конце каждого коридора. Но точно не отсутствия результата. Ни тишины и пустоты. Должны же сны хоть в чём-то помогать, раз она оказывает на них влияние!

— Давай монетку подкинем, — предложила космонавтка, доставая из кармана медную денежку.

— Нет, — воспротивилась Дебра, вспомнив важную вещь. — Мы обе управляли снами, когда забрасывали нас к озеру и гоночной трассе. Дай мне руку. Попросим вместе.

Космонавтка глянула скептически, но ладонь протянула. Она оказалась теплой и очень реальной. Живой!

— На три-четыре, — скомандовала Дебра.

— НАМ НУЖНА ПОМОЩЬ! — крикнули девушки в унисон и одновременно ахнули.

В глубине левого коридора зажглась стрелка-указатель, мерцающая в сером полумраке тусклым зеленым светом.

— Твоя взяла, — улыбнулась спутница, разводя руками. — Что? Я умею признавать ошибки. Это, между прочим, признак зрелости личности.

Дебра задумчиво посмотрела на космонавтку. Поразила её улыбка. Почудилось что-то неуловимо знакомое. Жительница столицы подмигнула и резво зашагала в указанном стрелкой направлении, как настоящая покорительница непознанного. Она ничего не боялась или же умела не показывать страха. Дебра сделала глубокий вдох, набираясь смелости, и догнала её.

Туннель извивался змеей, поворачивал то вправо, то влево. Пахло сыростью, но в коридоре было сухо. Шаги отдавались неприятным эхом в злобещей тишине, вызывая на старт стайки мурашек, подошвы оставляли следы на пыльном полу. Здесь никто не ходил годами. Девушки сами не заметили, как снова взяли за руки. Тепло чужой ладони помогало дышать ровнее. Они понятия не имели, как отсчитывать минуты во сне, и не

могли точно сказать, сколько времени длилась дорога из ниоткуда в никуда. По ощущениям — долго. Дебра была близка к новому приступу безысходности, но внезапно коридор вильнул и вывел к развилке.

— Всё-таки лабиринт, — проворчала космонавтка. — Налево или направо? Или лучше спросим?

— Спросим.

Дебра верила, что странное место подскажет направление. Главное, не проснуться раньше времени и дойти до пункта назначения.

— НАМ НУЖНА ПОМОЩЬ! — крикнули они в пустоту. В ответ на дружный призыв загорелся новый темно-зеленый указатель, приглашая направо.

Девушки зашагали дальше, не размыкая рук.

— Ты кому-нибудь рассказывала о наших снах? — спросила Дебра, устав от гнетущей тишины. Вспомнился последний разговор с Делиндой. Мать знала содержание сновидений и их количество.

— Нет. Я живу в мире, где ценится рационализм. В век расцвета космических исследований. У нас мистика считается пережитком прошлого и присутствует исключительно в кино, но этот жанр не пользуется популярностью. Меня на смех поднимут, если я заикнусь о чем-то подобном.

У следующей развилки девушки сразу попросили помощи и незамедлительно её получили. Дебра решила разрядить тревожную обстановку и предоставила космонавтке возможность сесть на любимого конька.

— Как продвигается подготовка к экспедиции?

— Хорошо, — та легко поддалась на уловку. — До отлета два с половиной месяца. Через три недели утвердят состав. Осталось семнадцать человек.

— Волнуешься?

— Нет. Я знаю свои возможности, а остальные понимают, что лучшей кандидатуры не существует. Я не просто планирую войти в команду, а рассчитываю стать капитаном «Соломеи».

— Капита-аном? — протянула Дебра с уважением. — Но это безумно сложно. Ты же только школу заканчиваешь.

— Закончила. В статусе выпускницы года, — на лице спутницы расцвела самодовольная улыбка. — Папочка произнес грандиозную речь. Он у меня супер, но иногда его заносит. Как и всех гениев. Главное, чтобы мама это вовремя заметила и направила его кипучую энергию в нужном направлении.

Девушкам опять пришлось остановиться. Коридор разветвлялся на три новых туннеля.

Помощь пришла быстро, и прерванный разговор продолжился.

— Полет — это не сложно. Я говорила: «Соломеей» и ребенок способен управлять. За нами постоянно будут следить с Земли, а с возможными поломками справятся роботы. Если мы всё сделаем правильно, начнется новая космическая эра. Звучит грандиозно и самонадеянно, но так и есть.

Они успешно миновали очередную развилку из четырех дорог.

— Твоя очередь. Что у вас там за болезнь?

Дебра рассказала всё, что знала о Хайди с детства. Но быстро поняла, как непросто передать атмосферу мира — мрачную, насквозь пропитанную страхом. Всё это надо увидеть своими глазами. Почувствовать. Вдохнуть с кислородом, возможно, содержащим смертельный вирус. Дебра начала с истории появления недуга и закончила рассказом о собственных злоключениях. Но опустила видения и подслушанный разговор о

медальоне. Лучше не нагнетать.

— Вы сейчас сидите взаперти и ждете, найдут у вас болезнь или нет? — космонавтка закатила глаза. — Дикость какая! Я бы с ума сошла. Для меня сидение на одном месте без дела — хуже смерти. Не хотела бы я жить в твоём мире.

Девушки прошли ещё три развилки и впали в уныние. От пыли тянуло чихать, глаза слезились от тусклого света. Разговоры больше не помогали. Сколько же их будет — разветвлений? Не окажется ли путь напрасным?

— Почему нам с тобой снятся эти сны? — вывел Дебру из тягостных раздумий новый вопрос космонавтки. — Какая между нами связь?

— На первый взгляд, никакой. На второй — тоже.

— Именно! Мы совсем непохожи. Как небо и земля. Возраст одинаковый, но это не причина... Ой, смотри! Кажется, дошли!

Коридор ещё раз извернулся и закончился сплошной каменной стеной. Она была черной и на фоне вездесущей серости выглядела мрачнее тьмы, разрывая надежду в клочья.

— Тупик! — яростно прошипела Дебра, взирая на новую преграду и едва сдерживаясь, чтобы не заколотить по ней руками и ногами. Терпение лопнуло. Дурацкий сон не подсказывал, а издевался, тратя драгоценное время.

— Ответы не обязательно ждут на виду, — подбодрила космонавтка. — Давай попросим помощь. Не кривись. Нужно пробовать, раз столько шли.

Дебра сомневалась в успехе, но тёплую ладонь спутницы сжала крепко и потребовала у лабиринта желаемого громче прежнего. Но везение иссякло. Стена и не подумала растворяться или открывать потайную дверь. Космонавтка опустила голову, признавая поражение. Но внезапно тишину нарушил звук печального колокольчика. Он звенел тихо-тихо, боясь быть услышанным посторонними.

— Смотри, — шепнула Дебра, не посмев говорить в полный голос.

Холодная преграда менялась. Медленно-медленно на грязной поверхности проступали белые буквы, складываясь в слова. В пять строк:

Марко можно доверять. Синяя тетрадь Ёжика. Помощник врага среди своих. Ключ у дамы с собачкой. У комнаты двери с обеих сторон.

Прошла вечность, прежде чем девушки заговорили.

— Это не ответы, — пробормотала Дебра, тыча пальцем в стену и не замечая, как тот покрывается слоем пыли.

— Скорее, подсказки, — согласилась космонавтка. — Но путанные.

— Это форменное издевательство!

— Не горячись, давай думать. Три последних пункта расплывчаты. Первый мне ни о чём не говорит. Никакого Марко я не знаю. А вот вторая строка...

— Тетрадь Ёжика? Стоп! — теперь колокольчик звякнул в голове рассерженной Дебры. — Ты говорила о Ёжике! В прошлый раз. Он твой гений-одноклассник!

— Верно.

— Тогда... тогда, — от возбуждения язык заплетался, — ты должна спросить его о тетради! Но как я узнаю результат, ведь снов больше... — Дебра оборвала себя на полуслове. — Кажется, кто-то разговаривает.

Девушки прислушались. В отдалении звучали голоса — женский и мужской. Приглушенно, как из приемника, включенного в соседней комнате. Не успела Дебра разобрать смысл слов, присоединился третий голос — женский, звучащий четче первых двух.

— Тише, вы ее разбудите, — возмутился он шепотом и зашипел. — Яра, тише!

— Я не видел, что она спит.

— Подумаешь принцесса! Ночью выспится! Хотя нет, не выспится, у нас отвратительные новости!

Краски померкли, кто-то невидимый перевел картинку в черно-белый режим.

— Не отпускай мою руку! — взмолилась Дебра.

— Я держу, но ты ускользаешь!

Двусторонние усилия не помогли. Дебра перестала ощущать тепло ладони космонавтки. Голову стрелой пронзила очень простая мысль, почему-то не пришедшая раньше. Третий сон закончился, а она не спросила имени спутницы.

Атмосфера накалилась до предела. Глаза Ингрид метали молнии. Она перебралась на свою кровать, уселась спиной к стене. Хорошо, что в изоляторе отсутствовали тяжелые предметы, иначе в одноклассников, шумно вернувшихся с тестов, непременно бы что-нибудь полетело. Но Яра б в долгу не осталась. Она, как метеор, носилась по комнате. Длинные черные волосы едва поспевали за владелицей, летя зловещим шлейфом. Лицо Дилана выражало отвращение, какое Дебра представить на нём не могла. Понадобилась ещё минута, чтобы сбросить остатки прерванного сна и вникнуть, какие новые напасти стряслись, пока она бродила с космонавткой по пыльному лабиринту.

— Извини, что разбудили, — Дилан присел на краешек постели подруги, жуткое выражение лица сменилось смущением. — Мы не в духе вернулись.

— Ничего, — Дебра потянулась. Спина затекла и ныла. — Я хорошо поспала, видела интересные сны, — последнюю фразу девушка произнесла небрежно. Для Дилана и Яры она ничего не значит, зато Ингрид поймет, что усилия не напрасны. — Что за отвратительные новости?

Дилан бросил хмурый взгляд на Яру. Устав от беготни, она плюхнулась на кровать.

— Нас к ведьме водили, — пояснил он. — Теперь с нами она работает, а не Тревис.

— Почему? — по телу Дебры прошла судорога.

— Эту тайну госпожа Гордон оставила при себе. Зато много другого наговорила. Отвратительная женщина.

— Разговаривает с тобой и будто в голове копается, — Яра быстро заморгала в попытке прогнать слёзы. — Это омерзительно. А ещё... ещё Боб не очнется.

— Быть такого не может! Кто тебе сказал? — раздраженно спросила Ингрид.

— Дамочка в черном и сказала.

— Врёт, — отмахнулся Дилан, но в голосе не прозвучало уверенности.

— Надеюсь, ты прав, — Дебра легла набок и засунула руки под подушку. Она не могла сказать, что сильнее: чувство вины или страх из-за новостей о Кассандре Гордон. Если ведьма останется наедине с ней или Ингрид, их ждут кошмарные последствия.

Глава 7. Фальшивые тесты

Новая катастрофа стряслась в самое обычное утро. Такое же унылое и серое, как и все остальные в мерзком подземелье, замаскированном под благородным названием «медицинский центр». Стена без предупреждения отъехала в сторону. В палату пожаловал пристав Донелли забрать всех пациентов. При взгляде на его плотно сжатые губы, у Дебры перехватило дыхание. Страж никогда не показывал эмоций, но сегодня она явственно почувствовала: ему не по душе задание.

— Нас вызывает она? — вопрос сам сорвался с губ.

— Да. Поторопитесь. Госпожа Гордон не любит ждать.

В логово ведьмы лифт ехал дольше, чем к Тревису. Дебру колотила дрожь, и Дилан взял её за руку. Движение не ускользнуло от миндалевидных глаз Донелли. Он мрачно посмотрел на сплетенные пальцы, словно осуждал или считал неуместным. Дебра смутилась и высвободила руку. Поспешность вызвала нервный смехок Яры — бледной, как привидение: смуглые щёки и лоб будто посыпали мелом.

Переступая порог кабинета Кассандры, Дебра готовилась увидеть чёрные стены или фонари в виде черепов. Однако ничем зловещим комната не встретила. Такой же серый цвет, как везде. Ведьма в капюшоне и маске восседала во главе овального стола, свободно откинувшись на спинку кресла. Обвела пристальным взглядом напряженные лица пациентов. Дебра подумала, что зря ругала Дилана, твердившего о мистической сущности дамы в чёрном. Пробрало насквозь!

Вскоре присоединились и остальные одноклассники — бледные и взволнованные. Во главе с довольным Грантом. Пристав смазал редкие волосенки блестящим гелем и выглядел ещё противнее. Если он хотел облагородить непрезентабельную внешность, его жестоко обманули, убедив приобрести данное средство.

— Вы свободны, пристав Донелли, — объявила Кассандра. — Мне хватит пристава Гранта.

Страж хмуро кивнул, не взглянув на напарника. Дебра вспомнила подслушанный во время неудачной разведки обрывок разговора рыжего пристава с ведьмой.

«Донелли не доверяет Гранту!», — пронеслось в голове.

Ведьма велела пациентам сесть за стол и с наслаждением объяснила правила нового теста. Голос звучал отвратительнее, чем в памятном зале совещаний. Там Кассандра отчитывалась, а временами оправдывалась перед влиятельной сообщницей. Сейчас она чувствовала себя хозяйкой положения. Упивалась собственной властью и страхом школьников.

— Представьте, что вы скоро умрете. Труда это не составит, ведь вы все, вероятно, смертельно больны, — зловеще вещала Кассандра, проигнорировав пронесшийся по комнате судорожный вздох. — Вы знаете: спасения не будет. Но вдруг является некто и говорит, что шестерым продлит жизнь на год. Однако придётся выбрать двоих: один умрет незамедлительно, другой исцелится полностью. Суть ясна?

Пациенты испуганно закивали, не смея смотреть друг на друга. Каждому пришло в голову, что Кассандра говорит всерьез.

— Замечательно, — констатировал хриплый голос. — Вы по очереди назовете два имени: спасенного и жертвы. Объясните выбор. У вас минута на размышление. Не смейте лгать. Я почувствую ложь и накажу наглеца.

У Дебры сжалось сердце. Истинный смысл изощренного теста очевиден: вычислить хранителя. Она краем глаза взглянула на Ингрид. Та смотрела перед собой, хмуря тонкие брови. Только бы у ведуньи был план, как обвести Кассандру вокруг пальца! Сама Дебра не сможет вести себя естественно. Не сумеет. И погубит обеих!

— Кто готов начать? — фальшиво-ласково поинтересовалась Кассандра. — Никто? Тогда вы, Эйдан Хейз.

Лицо рыжего парня исказила судорога. Он не забыл, чем закончился последний эксперимент. Но с ответом не торопился, сидел, не шевелясь, и упорно смотрел в стол.

— Вам придется назвать имена, — глухой голос зазвучал жестче. — Иначе испытаете действие замечательного оружия стражей. Сегодня я разрешила приставу Гранту использовать лучник, если кто-то попытается сорвать тест. Имена!

— Мери и Вейда, — сдавлено пробормотал Эйдан, косясь на Гранта. Тот поднялся с места с мерзким оружием в руках.

Мери уставилась на Эйдана широко распахнутыми глазами. Вейда тоже.

— Объясните. Ну же! Не молчите, если не хотите пострадать.

— Мери на грани нервного срыва. Больше, чем остальные, — зачастил парень. — Вейда никого не любит, кроме себя.

Если бы взгляд был способен убивать, Эйдан упал бы замертво, поверженный голубыми глазами Вейды.

— Впечатляет. Что скажете, спасенная Мери Франк?

Девушка залилась густой краской. Рыжие веснушки потемнели.

— Я... я... не знаю, — привычно всхлипнула она, готовясь пролить очередную реку горьких слёз — Я не бог, чтобы решать, кому жить, а кому умирать.

— Считайте, что сегодня вы играете его роль. Не тяните.

— Я бы бросила жребий. Клянусь, это правда! — горячо воскликнула Мери. — Пожалуйста, поверьте! Я не смогла бы поступить иначе!

Кассандра с минуту смотрела на нее сквозь прорези маски, играя на нервах. Не далеко ушёл от ведьмы и пристав. Любовно погладил лучник, вызвав у Дебры жгучее желание вцепиться ногтями в круглое лицо.

— Хорошо, — наконец, изрекла Кассандра. — Я приму ваш вариант. Но у остальных подобный номер не пройдет. Ваш черед, Дилан Эймс.

Парень ответил быстро, но назвал одно имя.

— Дебра.

— Спасенная или жертва?

— Разумеется, первое. Она мой лучший друг.

Дебру царапнул полный ненависти взгляд Вейды. До Кассандры ей было далеко, но она старалась.

— Кого отправите на смерть?

Дилан уставился на ладони, сложенные на столе.

— Себя.

— Серьезно? — в голосе ведьмы прозвучал интерес.

— Приговаривать другого я не стану. Не считаю, что достойнее остальных.

— Принимается. Кто следующий? Слушаю вас, Меридит Андерсон.

Ледышка закрыла лицо ладонями.

— Я не знаю.

— Знаете!

Меридит чуть-чуть развела пальцы, и одноклассники увидели испуганные глаза.

— Себя можно спасти?

— Если хотите, — протянула Кассандра насмешливо.

— Тогда, это я. Спасенная... — Меридит снова сомкнула пальцы, прячась от осуждающих взглядов. Но не выдержала, всплеснула руками — Почему нет? Если бы вам предоставили реальный выбор, согласились бы вы умирать ради других? Согласились бы на...

— Я поняла вашу позицию, — прервала бурный монолог Кассандра. — Назовите жертву.

Меридит фальшиво всхлипнула.

— Ингрид. Я её знаю хуже всех.

— Хорошо, — ведьму удовлетворил выбор. — Ваш черед, Ингрид Торренс.

Дебра старалась сохранять спокойствие и ни о чем не думать, чтобы не выдать себя. Но сердце стучало, как бешеное, словно жаждало попасть в ловушку. Кассандра, не отрываясь, взирала на Ингрид. Наклонила голову, словно это могло помочь проникнуть сквозь телесную оболочку — прямиком в душу ведуньи.

— Смелее.

Ингрид открыла рот, но заговорить помешал глухой стук падающего тела. Пристав Грант свалился со стула. Вместе с любимым оружием. Громко завизжала Мери Франк, сидящая ближе всех к стражу. Дебра вскочила. Перегнулась через вопящую одноклассницу и ахнула.

Широко распахнутые водянистые глаза Гранта смотрели в никуда.

Подлец, без сомнения, был мёртв.

— Как это произошло?

Тревис выглядел усталым и помятым, под умными глазами залегла болезненная чернота.

— Не знаю, — Дебра потеряла виски. — Я не смотрела на Гранта.

Они с профессором находились в его заставленном стеллажами кабинете. Пациентка сидела у стола, психолог стоял напротив, барабанил пальцами по спинке кресла.

— Мне нужно восстановить картину событий до возвращения директора Крафта. Он был в командировке в другом секторе, но уже летит сюда. Крафт предпримет жесткие меры, чтобы разобраться.

— Столько шума из-за стража, да ещё плохого человека, — покачала головой Дебра.

Последние несколько часов их с одноклассниками допрашивали сотрудники Центра. И всех вместе, и по одному. Успехов не добились. Школьники не поняли, что стряслось с ненавистным приставом. Поглощенные жестоким тестом Кассандры, не обращали внимания на Гранта.

— Тебе не жаль его? — сурово спросил Тревис.

— А ему было жаль Боба? — огрызнулась Дебра. — Он убил бы любого из нас, не задумываясь. Почему же мы должны сожалеть о его смерти?

Профессор проглотил выпад, но после паузы обрушил сногшибательную новость.

— Ты спросила, почему столько шума из-за смерти стража. Я отвечу. Может, тогда ты поймешь, насколько все плохо. Грант был не простым приставом. Он — племянник директора Крафта. Единственный и беззаветно обожаемый.

Сердце провалилось и почти остановилось.

— Поэтому Гранта не наказали за Боба, — пробормотала Дебра через силу.

Тревис мрачно кивнул.

— Дядя прощал ему любые выходки. Считал, так мальчик учился быть мужчиной. Увы, Крафт недалеко ушел от племянника. Решит, в смерти Гранта виновен кто-то из вас, и отыграется.

Дебра гневно фыркнула.

— Разве не будет вскрытия? Когда станет известна причина смерти....

— Вскрытие сделано, — не дал договорить профессор. — Пристав Винсент Грант был абсолютно здоровым человеком и мог прожить еще лет восемьдесят. И, тем не менее, он мертв. Сердце перестало биться. В одно мгновение. Без единой причины.

Дебра не знала, какой реакции ждал психолог. Страха? Неверия? Но точно не облегчения.

С минуты, как Грант рухнул замертво, она не могла отделаться от мысли о причастности Ингрид. Дебра почти ничего не знала о способностях ведуний. Вдруг они и убивать на расстоянии умеют. Беда-то приключилась с мерзавцем, когда пришел черед Ингрид отвечать на вопросы ведьмы. А внезапная остановка здорового сердца — не новость.

— Объяснения смерти Винсента нет, — продолжил запугивать пациентку Тревис. — Нам нечего предъявить начальнику. Для Крафта будет достаточно вашего присутствия. Группа с самого начала вызывала вопросы.

— Например? — Дебра не заметила хитрого взгляда Тревиса.

— Ты мне скажи! — парировал он. — Почему ничем не примечательные школьники интересуют влиятельных и опасных людей? Не притворяйся. Я знаю, с кем говорила Кассандра Гордон, когда ты пряталась в зале совещаний.

Дебра чуть не кувыркнулась вместе со стулом. Глянула на психолога затравлено.

— Да-да, я в курсе твоего побега. Наверное, я плохо закрыл дверь. Это был верх безрассудства с твоей стороны.

— Как... как вы узнали? — язык прилип к гортани.

— Марко сказал. Видел, как ты выползала из зала. Он находился в комнате напротив. Там дверь прозрачная с внутренней стороны.

Дебра едва слышала, что говорил Тревис. Значение имело лишь самое первое слово.

— Кто меня видел? — переспросила она чужим голосом.

— Марко... Ах да, конечно. Пристав Донелли.

Дебра закрыла глаза. Мысли понеслись в голове смерчем. Значит, пристава Донелли зовут Марко. Это имя значилось в первом пункте на стене. Но разве могло такое быть, чтобы подсказка касалась бесчувственного стража?

Марко можно доверять...

Нет, невозможно! Он точно не тот Марко. Только не пустоголовый болван, рассекающий в обнимку с лучником и действующий «по правилам».

— Дебра, ты слышишь?

— Да, — она заставила сознание включиться.

— Чего хочет от вас Присцилла Грей?

— Не знаю.

— Лжешь! — прошипел профессор. Куда исчезли добродушие и мягкость?

О, да! Она лгала. За последние недели обманывала больше, чем за остальные семнадцать лет. Пусть Тревис не надеется на чистосердечное признание!

— Хотите знать про зал совещаний? Хорошо! — Дебра решила сказать часть правды, чтобы профессор отвязался. — Дамочки обсуждали тесты. Вас недобрым словом вспомнили. Но я без понятия, причем тут мы. Ни Грей, ни ведьма Гордон не сказали ничего важного.

— Ведьма? — профессор не удержался от смешка. — Ты недалеко от истины. Кассандре надо в фильмах ужасов сниматься. Кстати, я-то им чем не угодил?

— Грей сказала, вы боретесь за мир во всем мире, хотя знаете, что война проиграна.

Дебра замолчала, пораженная реакцией психолога. Тревис смеялся.

— Присцилла ошибается. Запомни, Дебра, война не может быть проиграна, пока на поле битвы остается хотя бы один воин.

Продолжить разговор не дала запиликавшая рация. Профессора вызывали на очередной тест. Но прежде чем отпустить пациентку, он с минуту просвечивал её внимательным взглядом. Глаза заслезались, но Дебра выдержала. Не дождется Тревис откровенности! Пусть Гордон и Грей недолюбливают профессора, её доверия он не заслужил!

Вечер и утро следующего дня пациенты провели в ожидании новых катаклизмов. Сник даже Дилан. Он не знал истинных масштабов надвигающейся беды, но инстинктивно чувствовал — мало не покажется. Ингрид мрачнее осенней тучи сидела с ногами на кровати. Одна Яра не закрывала рта.

— Как они могут лечить других, если не способны за здоровьем сотрудников следить? — вопрошала она, не в силах оставаться на одном месте больше двух минут. Её беготня раздражала, но провоцировать ссору или слезы никто не хотел. — Наверное, это инфаркт. Хотя Грант слишком молод для болезней сердца. Если б умирали от злости, это б точно был его случай!

Днем за Деброй явился пристав Донелли. Она покидала изолятор с горькой уверенностью, что больше туда не вернется, и обвела комнату прощальным взглядом. Но впереди ждали обычные медицинские тесты. На том же этаже, где располагались кабинет Тревиса и памятный зал совещаний. Следующие два часа Дебру опутывали разноцветными проводами, подключали к пронзительно пищущим или угрожающе гудящим аппаратам и задавали дурацкие вопросы: ломала ли она в детстве руку, приходилось ли покидать родной сектор. Нехитрый процесс затягивался. Дебра путалась и отвечала невпопад. Мысли сегодня путешествовали слишком далеко от медицинского центра.

Наконец, вопросы врачей иссякли, и пленницу передали стражу с холодным взглядом и сердцем. Дебра не сомневалась, что в груди пристава застыл кусок льда. Пациенты ненавидели Гранта, но погибший страж приходился Донелли напарником. Их отношения не отличались теплотой, но должен же он хоть что-то чувствовать! Но нет. На лице ни единой эмоции, в миндалевидных синих глазах пустота. Робот, не человек. Выполняет приказы, не задавая вопросов.

По коридору шли молча. Дебра впереди, пристав сзади. Она спиной ощущала его пронизывающий взгляд, на молекулы разбирающий тело и душу. Следит, готовый нанести удар, если вверенная пленница свернет с заданного направления.

Нежданная беда стряслась, как по заказу, у кабинета Тревиса. К горлу подкатила тошнота.

Дебра резко остановилась и оперлась рукой о стену.

— В чем дело? — возмутился страж. Он не ожидал заминки и едва не налетел на девушку.

— Мне нехорошо, — с трудом пробормотала она. — Ай!

Виски пронзила пульсирующая боль. Дебра схватилась за голову и повалилась на колени.

Пристав поспешно забарабанил в дверь психолога.

— Профессор Тревис, вы здесь?

Ответа не последовало.

— Я приведу врачей.

— Не надо! — Дебра схватила Донелли за руку, понимая, что просить его о помощи — всё равно, что обращаться к бесчувственной скале. Ладонь скользнула по гладкому рукаву защитного костюма. — Не зовите никого... пожалуйста...

Тошнота и головная боль исчезли. На смену пришло нечто иное — опасное. Хотелось кричать, бесноваться от злости и бессилия, но туман надвигался без разрешения, как десятиметровая волна, поглощающая всё на пути. Коридор и удивленное лицо пристава растворились в серой мгле. Застигшее врасплох видение взяло верх.

Густая пелена рассеялась, и взору предстала бесконечная водная гладь. Голубые волны переливались на солнце задорными искорками и на горизонте сливались с небом. От шума ветра и криков чаек закладывало уши. Казалось, нет ничего прекрасней этой картины. Но то был обман. В ослепительном великолепии волн разыгрывалась трагедия: из последних сил боролся за жизнь человек.

Удача изменила отчаянному пловцу, рискнувшему забраться далеко от берега. Он старался удержаться на поверхности, растирал сведенную судорогой ногу. Несколько мгновений Дебра смотрела, как парень барахтается, пытаясь всплыть. Но он проиграл беспощадному морю. Тяжелая вода сомкнулась над головой жертвы, и вернулся мерзкий туман, сотканный из миллиона бледных нитей. Он затмил собою всё на свете, чтобы тоже сгинуть, возвратив единственного зрителя в знакомый унылый коридор медицинского центра.

Новое видение напугало до крика. Не из-за гибели парня. У школьного озера смерть тети Боба под колесами красного автомобиля выглядела страшнее. Дело было в личности пловца. Дебра узнала Винсента Гранта. Ненавистного стража, сердце которого перестало биться без причины!

— Пришла в себя? Ты слышишь? — Донелли встряхнул девушку. — Можешь встать?

— Я... я не знаю, — её била дрожь, из тела выжали все соки.

Небо! Почему она испугалась видения? Глупая! Гораздо опаснее пристав с бледным, как мел, лицом. Донелли держал ее за плечи. В синих миндалевидных глазах пленница не увидела привычного равнодушия. Они горели тревожным огнём.

— Нужно убраться отсюда, пока кто-нибудь тебя не увидел.

— Что? — Дебра решила, что ослышалась от страха и бессилия.

Но нет. Донелли достал из кармана карточку-ключ и открыл дверь кабинета Тревиса. Обхватил пленницу за талию, рывком поднял с пола и затащил внутрь. Она повалилась на диван, тяжело дыша.

— Почему? — шепнули губы, взгляд еле фокусировался на страже, зависшем сверху удавом.

— Думаешь, я не знаю, что с тобой? — спросил он жестко. — Я наблюдал здесь такое. У тебя видения! Ты видишь людей в тумане. Не смей отрицать!

Заговорить помогла злость. На несправедливость вселенной, подкидывающей новые ребусы. Так не вовремя!

— Беги, докладывай начальству!

Они смотрели друг другу в глаза, не отрываясь. Еще чуть-чуть, и от невидимых искр, сыпавшихся в стороны, разгорелся бы отличный пожар.

— Я не собираюсь тебя сдавать, — признался страж.

— Почему? Какое тебе дело до меня?

— Мне нет дела до тебя, не обольщайся, — припечатал Донелли. — Но я не одобряю, как здесь обращаются с теми, у кого видения. Я не сторонник пыток над детьми и подростками, ясно?

— Тревису тоже не скажешь? Про зал совещаний отрапортовал в деталях.

— Это другое. Профессор мог пострадать из-за твоей глупости. Я хотел, чтобы он впредь был осторожнее.

— Какая трогательная забота! — вместе с почвой под ногами вернулась и язвительность.

— Я хочу уберечь его от неприятностей. Тревис единственный в этом зоопарке, кому не все равно, — Донелли отстранился. — Вижу, тебе лучше. Идем.

Дебра поднялась, не веря, что легко отделалась.

— Тссссс, — вдруг шикнул пристав и подтолкнул пленницу в спину. — Прячься за стеллажи. Живее!

Дебра не услышала ничего подозрительного, но повиновалась. И не зря. Едва завернула за ближайший стеллаж, дверь распахнулась. Порог переступил директор Крафт в сопровождении семенящего следом Тревиса.

— Марко? — изумился психолог.

— Извините, профессор, — почтительно склонил голову Донелли. — Я хотел с вами поговорить. Решил дождаться здесь. Но раз вы заняты, я могу и потом.

— Стоять! — взревел Крафт. Он выглядел постаревшим лет на десять. — Снимите маску, пристав. Хочу, чтобы ваше лицо было открыто.

Донелли подчинился. Решение далось не без труда. В отличие от Тревиса и Крафта, пристав знал: угроза заражения находится в считанных метрах.

Дебра сжала зубы. Интересно, как скоро её отсутствие в изоляторе заметят?

Дебра села на пол, опасаясь находиться на уровне глаз мужчин. Стеллажи забиты неровными рядами книг и дисков, но просветов между полками хватает. Донелли отвечал на вопросы взбешенного начальника спокойно и вежливо, но не лебезил. Сложил руки за спиной и рассказывал, как вел себя Грант в последние недели, с кем говорил, не чувствовал ли недомоганий. Дебра позавидовала выдержке пристава. Ни намека на волнение, а, тем более, страх. Узнай Крафт, что пленница присутствует при разговоре по вине стража, парню бы не поздоровилось. Возможно, дело б кончилось казнью.

— Не знаю, чем еще могу быть полезен, директор, — развел руками Донелли минут через пятнадцать. — Меня не было в кабинете госпожи Гордон.

— Она объяснила, почему отослала вас, пристав?

— Сказала, ей достаточно Винсента. Меня это не удивило. Я тоже посчитал, что двух сотрудников, причем, одного вооруженного, хватит на восемь подростков.

— Моего племянника, — директор сделал ударение на эти два слова, — часто замечали в обществе Кассандры. Что вы об этом знаете?

— Я видел, как они общались наедине. Но Винсент объяснил, что ему поручили персональное задание, и я больше не задавал вопросов.

Крафт яростно ударил ладонью по столу.

— Как она посмела втянуть мальчика в свои дела! — рявкнул он и замолотил по невинной мебели. — Ещё отрицать всё смеет! Но ничего! Посидит под замком, одумается!

Дебра вытаращила глаза. Под замком? Ведьма арестована?!

— Директор, вы считаете, госпожа Гордон причастна к... — Донелли предпочел не заканчивать фразу, удивленно глядя на начальника.

— Кассандра на всё способна, пристав, — процедил Крафт с ненавистью. — Но главные виновники — проклятые дети. Кто-то из них убил моего Винсента!

Дебра зажала рот, чтобы сдержать крик. Она усомнилась в предупреждении Тревиса. Но Крафт всерьез верил в их причастность к смерти племянника.

— Морган, это невозможно, — встал на защиту пациентов психолог.

Крафт глянул на Тревиса зверем.

— Кассандра притащила группу не из-за Хайди или видений. Она кого-то вычисляет. Мы оба знаем, кто за ней стоит. Я избавлюсь от детей, Рассел! Не смотри на меня так! У них через два дня плановый тест на Хайди, верно? Так вот, никакого теста не будет! И о разделении забудем. Запрет снова всех вместе, так быстрее получится.

Профессор подошел к начальнику вплотную, стаскивая очки.

— Морган, ты понимаешь, что это хладнокровное предумышленное убийство?

— Кто меня остановит? Ты? Не посмеешь. За тобой столько грехов, что давно бы сидел в тюрьме, если б я не закрывал глаза на твои вольности. Официально группу доставили из-за Хайди. Никто не удивится исходу, а начальницы Кассандры я не боюсь.

К ужасу Дебры Тревис проглотил угрозу. Она не поняла, почему глава Центра заговорил о тестах. Но осознала главное: Крафт приговорил их с одноклассниками к смерти. Без суда и следствия.

— Что с вами, пристав? — директор повернулся к Донелли, не смеющему вмешиваться в спор. — Гадаете, почему я упомянул тест?

— Морган, не надо, — попросил психолог.

— Юноше пора взрослеть, — на губах директора заиграла сумасшедшая улыбка. — Тест, который проводят населению планеты, вовсе не тест. В треклятых коробках вакцина против Хайди. Ее действия хватает на месяц.

— Вакцины не существует... — выдохнул страж, отшатнувшись от начальника.

Донелли повернулся к Дебре спиной, и она не могла видеть его лица, но голос изменился до неузнаваемости. Стал хриплым, незнакомым.

— Ошибаетесь, молодой человек. Вакцина существует почти столько же, сколько болезнь. Но секрет известен лишь избранным, — Крафт зло подмигнул Тревису. — Заражаются исключительно те, кому в коробку не положили очередную дозу лекарства, — директор хохотнул очень похоже на Гранта. — Пристав, можете перестать носить глупый костюм. Вы никогда не заболеете Хайди. Как и все стражи на планете.

— Морган, хватит, — снова вмешался психолог. — Ты уже сказал больше, чем следовало.

— Посмотри на его лицо, — директор вновь не обратил внимания на предостережение. — Юноша верил, что мы в поте лица сражаемся со страшной болезнью. Вера — это хорошо. Когда она того стоит.

Крафт хлопнул Донелли по плечу и в развалку покинул профессорский кабинет.

— Ответьте, профессор! — голос шокированного пристава сорвался на крик. Хваленую невозмутимость стерли ластиком, выпустив на свободу эмоциональную бурю.

— Директор обезумел от горя, — Тревис не смотрел на стража. Одной рукой теребил отрывающуюся пуговицу на мятом пиджаке, другой норовил поправить короткие с проседью волосы.

— Но он сказал правду? Верно?

— Мне жаль... Жаль, что директор Крафт перевернул твой мир, Марко. Есть вещи, которые лучше не знать.

Дебра, сидящая на полу за стеллажом, дрожала от макушки до пяток. Происходящее казалось сном. В сто раз хуже, чем кошмары о медальоне и белой комнате. В голове не укладывалось, как при наличии вакцины правительство допустило гибель миллионов людей? Если только это не делалось нарочно. Но тогда... Тогда...

«Люди умирают почти два десятилетия, а никто на Земле не может разобраться, как болезнь Хайди лечить. Столько лет, столько смертей, а вопросов, по-прежнему, больше, чем ответов».

Это сказал отец в памятный день первого видения. Неужели, Алан догадывался? Понимал, что население годами пичкали ложью?

— Почему директор сказал, что я привит на всю жизнь? — вернул Дебру в настоящее новый вопрос Донелли.

— Существует два вида вакцины, — Тревис с трудом отодвинул кресло и упал в него. Указал приставу на стул напротив и вытер платком вспотевший лоб. — Да сядь же, Марко!

— вспыхнул он. — Как на допросе!

Донелли нехотя подчинился, и Дебре снова пришлось глядеть на его спину.

— Не смотри укоризненно, — профессор протер стёкла очков. — Я понятия не имею, кто изобрел вакцину. Я не участник заговора, а невольный свидетель, однажды получивший доступ к небольшой части информации. После появления вакцины болезнь перестала распространяться в геометрической прогрессии. Люди заражаются точно, не получив новую порцию лекарства. Оно способно лишь предотвращать недуг. Заболевших вылечить невозможно. В лучшем случае, они станут «подконтрольными». В худшем — умрут. Один вид вакцины действует в течение месяца. Другой создает иммунитет навсегда. На Земле живет немало людей, которые никогда не заболеют, потому, что им сделали постоянную прививку. Правда, многие об этом не подозревают.

— Кто они?

— Врачи, стражи, крупные чиновники. В некоторых случаях постоянную вакцину получают члены семей, — Тревис вернул очки на место и снова вытер лоб.

— Зачем правительству это зверство? Уинфри решил, что погрузив планету в ад, сможет играть роль бога?

— Это опасные вопросы, Марко.

— Не говорите, что никогда их не задавали, профессор. Не поверю.

Психолог уязвлено крикнул.

— Задавал. В результате нажил столько неприятностей и влиятельных врагов, что тебе, мой друг, не снилось. Я был горяч и молод. Считал делом жизни победить болезнь.

— Теперь не считаете? — от голоса стража повеяло могильным холодом.

— Увы, я не герой, как тебе хотелось бы думать, — щеки Тревиса порозовели. — Марко, ты не должен пострадать. Прошу, не принимай услышанное близко к сердцу.

Пристав засмеялся. Но то был горький смех.

— Разумеется, вы не в курсе, врачи не имеют доступа к личным делам стражей, —

произнес он жестко. — Мне будет сложно забыть о лжи, с которой я жил столько лет, профессор. Вся моя семья — родители и сестра — умерли от Хайди.

— О, нет, — простонал Тревис, прикладывая руки к груди. — Я сожалею о твоей потере...

— Получается, им не положили в коробку очередную дозу лекарства? — пристав не дал Тревису извергнуть новую порцию извинений. — Так сказал директор?

— Марко...

— Моей сестре было семь лет, профессор. Не смейте говорить, что вам жаль, и давать глупые советы! — Донелли отвернулся от психолога, и Дебра увидела перекошенное от гнева и боли лицо.

Тревис промолчал. Страж сам заговорил после паузы.

— Если школьники не получают лекарство из коробки с лже-тестом, они заболеют?

— Да, — психолог подпер рукой голову, словно та потяжелела. — Хайди повсюду. Вирус попадает в организм при каждом вдохе. В нашем с тобой случае он не способен вызвать болезнь. Дети непременно заразятся. Не пройдет и недели, как мы увидим первые симптомы.

— Вы можете их спасти?

— Я не в силах спасти весь мир.

— Будете смотреть, как они умирают?

— Поверь, это не доставит мне удовольствия.

Донелли усмехнулся.

— Я был о вас более высокого мнения, профессор. А вы — обычный трус! — бросил страж с отвращением и пружинистой походкой направился к выходу.

— Ты ошибаешься, Марко! — крикнул психолог вслед. — У меня не было выбора. Однажды ты поймешь!

Но пристав не обернулся.

Дрожащая Дебра притянула к себе ноги и уперлась лбом в колени, чтобы не видеть никого и ничего. Сейчас пленницу ни капли не волновал уход Донелли. Не важно, обнаружат её здесь или нет. Им с одноклассниками всё равно не жить. Подумаешь, недель больше, недель меньше!

Поднять голову заставило движение. Тревис снял со стены картину с летним домиком, выделяющимся на фоне багряного заката белым пятном. За полотном прятался сейф. Дебра, стуча зубами от страха, смотрела, как психолог одну за другой набирает на плато цифры: 120356. Из забитого доверху тайника профессор осторожно извлек фотографию в бежевой рамке и посмотрел на неё с нежностью. Стоял, не шевелясь, минут пять.

— Поверь, я делаю всё, что в моих силах, — печально отчитался психолог перед фото и, тяжело вздохнув, убрал его в сейф.

Чей это был портрет, Дебра не увидела. Какая разница? Ее это не касалось.

— Я думала, ты не придешь!

Тревис покинул кабинет, едва запер сейф, но возвращения Донелли пришлось ждать не меньше получаса. Дебра успела несколько раз проститься с жизнью, изобретая все новые и новые изощренные способы собственного убийства. Уверилась, что ждать симптомов Хайди не доведется. Благодаря способности подслушивать чужие разговоры и узнавать тайны за семью печатями, конец наступит гораздо раньше.

— Быстрее не мог, — Донелли не смотрел Дебре в глаза, разглядывал ботинки. Снова заговорил он в лифте. — Никто не должен знать, что произошло в кабинете Тревиса.

— Я похожа на самоубийцу? — огрызнулась девушка и нервно засмеялась. — Хотя мы всё равно мертвы.

— Мне жаль.

По тону было ясно, что страж говорит искренно, но Дебра не нуждалась в жалости.

— Сделайте одолжение, пристав, не уподобляйтесь профессору.

Больше они не сказали друг другу ни слова.

— Почему так долго? — встретила Дебру на пороге взвинченная Яра.

— Ты бледная, — озабоченно заметил Дилан.

Дебра вымученно улыбнулась.

— Устала. Тест длился бесконечно.

Силы кончились. Дебра рухнула на кровать и завернулась в одеяло. Сквозь ресницы она наблюдала, как Яра расчесывает черные блестящие волосы, Ингрид водит пальцем по стене, а Дилан отжимается на полу, и думала, что очень скоро их не станет. По вине злобного чиновника, жаждущего мести. Дебра по-новому оценила эпидемию, переосмыслила страх, который испытывали люди, прикладывая ладони к тест-пластинам, и знакомую миллионам боль потерь из-за «неизлечимой» Хайди.

Каким же чудовищем нужно быть, чтобы обречь человечество на этот ужас?

Глава 8. Фотография в тайнике

Неделя после объединения превратилась в эмоциональную пытку. Сотрудники Центра обходили изолятор стороной, списав его обитателей со счетов. Никого не забирали на тесты — ни на медицинские, ни на психологические. Машина-автомат привозила консервированные продукты, но не лекарства и витамины. Пациенты притихли. Даже ссориться перестали. Не сдавался лишь упрямый Дилан.

— Нельзя так! — сердился он, пытаясь расшевелить остальных. — Надо что-то делать!

Одноклассники отмахивались от Дилана, как от назойливой мухи. Поддержать его стремление согласилась бы Вейда, но с ней парень общаться не желал. Дебра на старания друга смотрела с горечью. Иногда хотелось, чтобы симптомы Хайди поскорее проявились. Ожидание сводило с ума, сердце трепыхалось пойманной в сети птицей. Дебра гадала: когда же кто-нибудь сообразит, что им не сделали повторный тест.

Удивительно, но этим «кем-то» оказалась Вейда. На шестой день замерла во время завтрака, не донеся ложку с кукурузой до рта.

— Сколько прошло с прошлого теста?

— Какое сегодня число? — оживилась ледышка Меридит, роняя банку с паштетом.

— Я болван! — Дилан хлопнул себя по лбу. — Месяц прошел! Нам должны были сделать тест дня три-четыре назад, — он замолчал, почесал затылок. — Странно.

— Может, сегодня проведут или завтра? — неуверенно предположил Эйдан, отодвигая консервированную рыбу. Аппетит пропал.

— Конечно! — горячо воскликнула Яра. — А как иначе?

Ответом ей стала мертвая тишина. Все сникли пораженные пугающей догадкой.

— Тест не проведут, если... если... — начал Эйдан, но смелость ему изменила.

Закончил мысль Дилан:

— Если мы уже больны.

— Не говори так! — захныкала Мери. — Думать не смей!

Вот и приблизились к главному ответу. Дебра ни секунды не сомневалась, что вирус давно проник в их организмы. Ждать симптомов осталось недолго.

Так и случилось.

Напряжение и страхи, преследующие дни напролет, не мешали Дебре спать. Она проваливалась в сон, едва в изоляторе выключался свет. Снилось что-то спокойное и позитивное, но утром она помнила сны смутно. Наверняка, это Ингрид старалась, чтобы подопечная отдыхала по ночам. На седьмое утро Дебру разбудило раздражающее постукивание. Она потерла слипшиеся веки и завертелась в поиске источника звука. Слева Меридит нервно отбивала дробь по спинке кровати длинными ногтями.

— Тебе не надоело? — из-под серой простыни высунулся Эйдан Хейз. — Голова раскалывается. Всю ночь уснуть не мог.

— Не ты один, — огрызнулась Меридит и издала громкий стон, похожий на рык раненого животного. Он послужил будильник для остальных.

— У меня тоже сна ни в одном глазу, — пожаловалась Яра, приподнимаясь на локте. — Это плохо, да? Бессонница — симптом Хайди.

— Не обязательно, — вмешался Дилан, потягиваясь, и для убедительности воспользовался медицинской терминологией. — Мы на грани нервного срыва, вот сон и нарушенный.

— А если это Хайди? — спросила Вейда.

— Кровь из носа ни у кого не течет, — ввернула главный аргумент Ингрид и поймала благодарный взгляд Дебры.

— Пока не течет, — внес лепту в общее уныние Эйдан.

— Давайте, накручивайте себя! — разъярился Дилан, но примолк, заметив отчаянье на лице плаксы Мери.

— Кто еще не спал ночью? — спросила Дебра, свешивая ноги с кровати.

Никто не ответил. Значит, пока трое...

Самые страшные опасения подтвердились днем. Изолятор огласил истошный вопль Меридит. Ледышка в ужасе смотрела, как на белую футболку капает кровь. Одноклассники кинулись врассыпную, будто это могло уберечь от недуга. Вейда традиционно рванула барабанить в дверь. Но ответа не последовало.

— Они что, не видят ничего в проклятые камеры?! — кричала, срывая голос, Яра. — Нужно же что-то предпринять!

— Если это Хайди, надо срочно начинать лечить, в смысле, контролировать болезнь! Чем быстрее, тем лучше! — тараторил шокированный Дилан. — Почему никто не реагирует?!

У Меридит началась истерика, и Дебра смело шагнула к ней.

— Что ты делаешь?! — взвизгнула Вейда, прижимаясь к стене-двери. — Если это Хайди, ты заразишься!

— Если это Хайди, мы все заразились, — отмахнулась Дебра. Она осторожно обхватила лицо Меридит ладонями и внимательно осмотрела. — Успокойся, кровь больше не идет. Надо тебя умыть.

Уводя ледышку в душевую, Дебра спиной ощущала шокированные и осуждающие взгляды. Одноклассники не рискнули бы прикоснуться к заболевшей девушке. Но Дебра не видела смысла шарахаться. Дышат-то все одним воздухом. Какой бы высокомерной ни была Меридит, сейчас ей приходилось хуже других.

К вечеру все притихли. Перестали кричать и стучать в дверь. Поняли, что помогать им никто не собирается. Хмурые взгляды то и дело задерживались на Меридит, свернувшейся на постели калачиком. Она не шевелилась и не замечала ничего вокруг. Заплаканные глаза смотрели в пустоту. Минуты тянулись медленно, будто кто-то нарочно смазал циферблат клеем.

— Нет! — тишину разрезал очередной потрясенный вопль.

Ребята подскочили и испуганно заохали. Кричала Яра. Она, как и несколько часов назад Меридит, в панике смотрела на алые капли, окрашивающие кофточку.

Ночь прошла без сна, день — в тщетных попытках докричаться до тюремщиков. К вечеру кровотечения из носа не было лишь у троих: Дебры, Ингрид и Дилана. Заболевшие девочки не прятали слёз, у Эйдана под глазами появились тёмные круги. Даже лицо ведуньи больше не выражало безразличия. Дебра держалась из последних сил, чтобы не расплакаться от безысходности и обиды на несправедливость вселенной. Сидела на полу, упираясь спиной в стену.

— Не думал, что все так паршиво кончится, — к ней подсел Дилан. — Но я не понимаю, зачем им это? Они могут сделать нас подконтрольными. Сами же постоянно хвастаются успехами. Или всё враньё?

Дебра тяжело вздохнула. Она знала некоторые ответы, но не могла озвучить вслух.

— Помнишь, как мы готовились к выпускным экзаменам у меня дома? — спросил Дилан, отбрасывая назад каштановые волосы привычным небрежным движением.

— Да, — Дебра догадалась, что хочет сказать друг. — Думали, обязательно их завалим.

«Не спеши!», — потребовала женщина властно. — «Скоро я отвечу на вопросы. А пока

послушай. Ты должна идти вперед, забыв о боли, как бы она ни разрывала твоё сердце. Ты не сможешь помочь друзьям. Не сейчас. Иди и не оборачивайся. Принесешь себя в жертву ради горстки больных одноклассников, погубишь миллиарды жизней. Помни это. Помни!»

Дебра открыла глаза. Она сидела на полу, прислонившись к стене. Спина затекла и ныла, неудобно сложенные ноги свела судорога. Свет зажегся, бесконечная, наполненная тревогами ночь закончилась. Надо же! Дебра почти сутки не могла сомкнуть глаз, борясь с подступающим к горлу криком безнадёжности, а тут взяла и уснула, сидя. Получается, она здорова?

— Ты спала? — прошипел Эйдан Хейз, в мгновение ока зависший над одноклассницей. Парень говорил едва слышно, но из-за потусторонней тишины вопрос услышали все и обернулись. Понять интерес ребят было не сложно: в изоляторе, по-прежнему, господствовать бессонница.

— Не знаю. Я закрыла глаза и провалилась куда-то... — Дебра коснулась пальцами носа.

— Нет у тебя крови, — усмехнулась Яра. Презрительно и осуждающе. — У Ингрид тоже.

— И все-таки ты спала, — упрямо повторил Эйдан.

— Отстань от нее! — вмешался Дилан, встав между ним и Деброй.

— Брось, Эймс, — скривился тот. — Тебе не интересно, что происходит? Мы все больны. У меня тело огнем горит. А твоя подруга спит, как ни в чем не бывало.

— Я не спала! — запротестовала Дебра испуганно.

Поразил тон Эйдана. Он злился, что заболел первым, а чужие симптомы запаздывали. Но разве в том её вина?

— Ты слышал, что сказала Дебра? — голос друга зазвучал непривычно резко. — Убирайся!

Эйдан отошел, смерив девушку взглядом полным ненависти.

— Не обращай внимания, — посоветовал Дилан. — Не обращай и всё.

Дебра задумалась. Эйдан прав — она спала. Даже сон видела. Очень странный сон. Опять проделки Ингрид? Не похоже. Ведунья испугалась не на шутку, когда одноклассники один за другим начали истекать кровью. Вряд ли бы она заставила уснуть больного Хайди. На начальной стадии недуга не помогают сильнейшие снотворные.

Загадка разрешилась скоро. Днем дверь, превратившаяся для школьников за последние дни в сплошную непробиваемую стену, отъехала в сторону, и в изолятор ворвались трое вооруженных стражей в защитных костюмах. Остановились посреди комнаты, направив лучники на изумленных ребят.

— Не шевелиться! — скомандовал самый рослый страж. — Любой, кто сдвинется с места, будет убит.

— Он не шутит.

Потрясенные школьники не сразу заметили, что следом за вооруженной группой в изолятор вошли Тревис с белым чемоданчиком в руке и Донелли, как и коллеги, облаченный в бесполезное обмундирование.

— Вы! — крикнул Эйдан. — Вы, вы...

— Не вставать! — ближайший страж направил лучник парню в грудь.

— Не стоит, Эйдан, — мягко посоветовал профессор. — У меня нет права им препятствовать.

— Вы чудовище! — оскалилась Вейда.

— Я повторяю, не стоит давать приставам повод воспользоваться оружием, — Тревис грустно посмотрел Вейде в глаза и переключился на Дебру. — Как самочувствие? — профессор опустился на пол перед насупившейся пациенткой.

Дебра молчала, буравя Тревиса яростным взглядом и мечтая испепелить на месте.

— Марко, пожалуйста, приведи Ингрид, — попросил доктор.

Пристав взял ведунью за локоть и подвел к профессору. У Дебры застучали зубы от страха. Что эти монстры хотят с ними сделать?! Убить?! Неужели, узнали правду?!

— Присаживайся, Ингрид, не стесняйся, — голос психолога звучал до тошноты ласково. Ведунья поджала губы, но приказ, оформленный в просьбу, выполнила. Тревис раскрыл чемоданчик и достал две ампулы.

— Что вы делаете?! — возмутился Дилан. Его не страшило грозное оружие в руках стражей.

— Ничего, что причинило бы вред твоим подругам, — профессор проверил работоспособность шприца. — Это безобидный тест, — он протер ватным тампоном руку Дебры и сделал укол. Затем провел те же манипуляции с Ингрид. — Подождем пару минут.

— Мы упадем замертво? — осведомилась Дебра, безуспешно пытаясь заставить сердце прекратить бешеную пляску.

— Нет, разумеется. Мы получим ответ на вопрос Эйдана, почему у тебя и Ингрид нет симптомов Хайди, — Тревис посмотрел на руки пациенток и судорожно вздохнул. — Что и требовалось доказать.

Дебра проследила за его взглядом и ахнула. Их с ведуньей кожа от кистей до локтей покрылась сыпью.

— Не беспокойтесь, через десять минут аллергия пройдет, — заверил доктор, однако его голос звучал крайне озабоченно.

— Что это, профессор? — спросил Донелли.

— Положительная реакция на тест. Юные леди здоровы.

— Они не успели заразиться? — уточнил пристав.

— Нет, Марко, — морщинки на лбу Тревиса стали глубже. — Тест показал, что они не заразятся. У обеих иммунитет к Хайди.

По палате пронеслись удивленные возгласы. Одноклассники глазели на Дебру с Ингрид, словно на опасных зверушек в зоопарке, на клетках которых написано: «Не подходить близко!». На лицах читались непонимание и ужас. Лишь Дилан не скрывал радости.

— Почему?! — воскликнула потрясенная Дебра. Она отлично помнила подслушанный разговор у психолога в кабинете.

— Разве такое возможно? — Донелли перешел на шепот.

— В естественных условиях нет, — Тревис тоже зашептал, чтобы кроме пристава и девушек его никто не слышал. — Есть только одно средство, позволяющее добиться подобного эффекта. Директор недавно соизволил сообщить тебе о нем. Но как юные леди его получили, огромный вопрос, — психолог многозначительно посмотрел на пленниц.

Пристав побледнел. Профессор поднялся на ноги.

— Господа, — обратился он к стражам. — Поместите Рид и Торренс в отдельные палаты. Позже я побеседую с ними.

— Не делайте этого! — взмолился Дилан. Ликование сменилось отчаяньем. Радуюсь за подругу, парень не учел, что их разлучат.

— У меня нет иного выхода, — Тревис развел руками. — Мне жаль, Дилан, но ваши пути с Деброй сегодня разойдутся. Боюсь, навсегда. Советую, попрощаться.

— Нет! — на глаза Дебры навернулись слёзы ярости.

— Что с ней будет? — потребовал объяснений Дилан.

Психолог не счел нужным ответить. Возможно, сам не знал исхода. Покинул палату, не обернувшись. Один страж продолжал направлять оружие на пленников. Двое других подошли к Дебре и Ингрид.

— Идем.

— Подождите! — крикнул Дилан.

— Стой на месте! — страж ткнул его лучником в живот.

— Дилан, не надо! — расплакалась Дебра.

Парень повиновался. Слезы подруги охладили гнев.

— Прости, — прошептала Дебра, видя отчаянье на лице лучшего друга. Ее вели к выходу. Но она смотрела на Дилана, рискуя свернуть шею.

— Помни, ты обещала! — крикнул он за мгновение, как Дебру скрыла стена.

Легко сказать — обещала! Клятва — оставаться сильной до конца — потеряла смысл. Дебра сидела на полу в одиночном изоляторе и редела навзрыд. Горько, протяжно, до удушающего кашля. Причин не верить профессору не было. Не важно, сколько они с Диланом проживут, друг друга больше не увидят. Мысль вызвала желание буйствовать, крушить всё, что попадется под руку. Ватный матрац лежал на полу изрядно потоптанный и порванный. Причинить вред кровати, прочно привинченной к полу, Дебра не могла. Но одну попытку поквитаться с мебелью предприняла и теперь страдала от физической боли. Пальцам на ноге после встречи с металлом пришлось несладко.

Дебра понятия не имела, откуда взялся иммунитет к Хайди. Раз они с Ингрид не заразились, обеим сделали пожизненные прививки. Но когда и где это произошло в ее случае, не представляла. Впрочем, какая разница? Жизнь это знание точно не спасет. Едва Кассандра получит свободу (Дебра даже не была уверена, что ведьма до сих пор сидит под замком), займется здоровыми пленниками. Догадаться, что одна — хранитель, а другую призывает медальон, труда не составит.

...Через несколько часов усталость взяла свое, и Дебра провалилась в сон. Приснился дом в Бриладе, родители в библиотеке и Дилан у любимого дерева, под которым в теплое время года они сидели в ожидании школьного автобуса. Под тем самым, где однажды их нашла Вейда, чтобы позвать на устроенное Донни и Генри «представление».

Внезапно сон изменился. На смену близким и родным людям явилась высокомерная светловолосая женщина из предыдущего сновидения.

«Скоро», — наставительно проговорила она. — «Будь готова действовать...»

— Тебе удобно? — кошмарная реальность без сожалений разрушила сон.

Дебра открыла глаза. Профессор Тревис устроился на полу напротив. В светлых глазах полопались капилляры. Вероятно, он, как и пленники, мало спал в последнюю неделю.

— Удобно. Вас что-то не устраивает?

— Давай поговорим, — он пропустил грубость мимо ушей. — Все зашло слишком далеко.

— Неужели?! — вспыхнула Дебра, подозревая, что матрацу достанется по новой, а заодно и Тревису. — Мои друзья умирают!

— Мне жаль.

— Вы лжете! Вам не жаль! — она не собиралась принимать слова на веру. Хватит!

— Ты ошибаешься. Но у меня нет времени доказывать обратное. Сейчас необходимо выяснить, почему вы с Ингрид не заразились. Твоя подруга упорно молчит. Надеюсь, ты будешь более откровенна.

— Зря!

Тревис печально вздохнул.

— Ингрид правдоподобно удивилась известию о вакцине, которую от населения скрывают. А ты? Тоже изобразишь неосведомленность?

— Опять ваши фокусы! Вакцины против Хайди не существует, — бросила Дебра небрежно, избегая профессорского взгляда. Вдруг прочитает правду. С него станется.

— Прививка дает иммунитет на всю жизнь, — продолжил Тревис, внимательно следя за реакцией пациентки. — Ее делают в левое плечо. Укол болезненный, на его месте остается синяк, который держится несколько дней. Что скажешь? С тобой было такое?

Дыхание парализовало от внезапной догадки. Левое плечо! У нее болело плечо и именно левое, когда она пришла в себя в Центре! На нем красовался огромный синяк. Но как?!

Воспоминание пришло яркой вспышкой.

«Обещайте, что вернете ее домой!»

Этого потребовала Делинда от старых друзей в изоляторе Брилады. Геллен и Картер — не последние люди в центре Хайди и, наверняка, знают о существовании вакцины. Кто-то из них подстраховался и, пока Дебра лежала без сознания, сделал прививку, гарантирующую пожизненный иммунитет. Старания бывших коллег матери пришлось кстати, однако как теперь выкрутиться?

— Я не припомню ничего похожего, профессор, — ответила Дебра безразлично.

— Ты говоришь неправду, — психолог не спешил верить. — Время на исходе. Крафт взял выходной и пока не знает, что вы с Ингрид здоровы. Однако директор — не главная опасность. Кассандра в изоляторе, но вряд ли это продлится долго. Она неделю не выходила на связь с высокопоставленной знакомой. Дебра, я с первых дней подозревал, что ей не нужна вся группа, она кого-то вычисляет. Тебя или Ингрид. А, может, и обеих. Скажи, что им с Присциллой от вас нужно, и я постараюсь помочь.

Дебра истерически расхохоталась.

— Профессор, вы неподражаемы! Просите довериться вам! Вы?!

— Да, прошу.

Она протестующе замотала головой.

— Вы бросили моих одноклассников умирать!

— Не я. Будь это в моей власти...

— Нет, вы! Может, это была не ваша идея. Но вы ничего не сделали, чтобы им помочь. И не сделаете! Просите о доверии? Да как вы смеете?!

— Дебра!

— Уходите! Сделайте одолжение, избавьте меня от своего присутствия!

Дебра полагала, Тревис начнет оправдываться или найдет новые аргументы. Но он не сделал ни того, ни другого. Ушел, оставив пациентку в полном смятении.

Дебра растянулась на полу. Оставшаяся без матраца кровать с уродливой колючей сеткой не годилась для отдыха. Глаза смотрели в никуда. Минуты или часы — пленница не знала.

В голове почти не осталось мыслей. Только о Дилане. Слезы, к счастью, не шли, ведь

облегчения соленая вода не приносила. Становилось ещё хуже.

Новый сон навалился внезапно, унося сознание из одиночного изолятора и медицинского центра, в котором безжалостные доктора заразили смертельным недугом невинных школьников. Приснилась полутемная комната с каменными стенами. Длинный стол в углу. Стекланные шкапулки. В пяти лежали украшения, усыпанные драгоценными камнями, одна была пуста, а что находилось в седьмой, Дебра не сумела разглядеть, сколько ни старалась.

«Твой путь труден, знаю», — вкрадчиво прошептал на ухо приятный голосок. Мужской или женский — не разберешь. — «Но, ступив на него однажды, нельзя сворачивать и надеяться, что главное сделают другие люди. Они не обладают тем, что дано тебе от рождения...»

Проснувшись, Дебра долго не могла унять испуганное сердце. Она не потрудились подняться с пола. Не притронулась к еде, принесенной незнакомым стражем с равнодушным лицом. Сидела, не меняя положения. Когда стена-дверь открылась с металлическим скрежетом в следующий раз, приготовилась увидеть Кассандру Гордон или саму Присциллу Грей. Однако порог новой темницы перешагнул Донелли. Дебра его не сразу узнала. Без защитного костюма, в стандартной серой форме стражей, он выглядел моложе и... человечнее. В голову пришла глупая и совершенно неуместная мысль, что пристав хорош собой. Девчонки из класса сделали бы всё, чтобы ему понравиться, встретиться он им при других обстоятельствах.

— Куда приказали отвести меня на этот раз? — спросила Дебра жестко, подозрительно глядя на бумажный пакет в руках пристава. — Прямоком на эшафот?

— Никуда, — страж положил ношу на кровать, покосился на пришедший в негодность матрац. — Не шуми, я все объясню. У нас мало времени.

— Я не понимаю...

— Ты можешь помолчать? — грозным шепотом осведомился страж. Убедившись, что пленница затихла, извлек из пакета коричневое платье, туфли на невысоком каблуке, белокурый парик и тоненькую белую коробочку. — Я отключил камеры. И тех, кто через них за тобой наблюдал. Да-да, воспользовался лучником. Но никого не убивал. Считай, они просто спят. Это униформа стажеров, — пристав кивнул на платье. — Размер должен подойти. Я схожу за твоей подругой, она переодевается. Попробую вытащить вас отсюда.

Дебра не верила ушам. И глазам тоже.

— П-п-почему?

— Ты слышала, что говорили Крафт и Тревис о вакцине. Мою семью убили, не положив в фальшивую тест-пластину лекарство. Я не намерен здесь оставаться. В твои планы это тоже не входит, так?

Она закивала.

— Ты готова мне довериться?

— Готова, — Дебра вспомнила первый пункт на стене из сна.

— Тогда поторопись.

— Подожди! А Дилан? И остальные?

Пристав отвёл взгляд.

— Для них я ничего не могу сделать.

— Но...

— Слишком поздно. Твои друзья больны. Даже если получится вытащить их из Центра, мы подпишем им смертный приговор. Без лечения они умрут в ближайшие дни. Лекарства для больных Хайди не купить в обычной аптеке. Они есть только в

специализированных медицинских клиниках.

— Но моих одноклассников здесь тоже не лечат!

— Начнут лечить. Не сегодня, так завтра. Тревис сказал, госпожа Гордон вот-вот обретет свободу, а ей нужны ты и Торренс. Директору Крафту здорово влетит за то, что позволил пациентам заразиться. Наверху не захотят портить статистику, снабдят твоих друзей всем необходимым и отравят в зону подконтрольных.

— Но...

— Хватит спорить. Собирайся.

Донелли ушел слишком быстро, Дебра не успела придумать новое возражение. Осталось взирать на стену, поглотившую неприятеля, неожиданно превратившегося в союзника.

— Кошмар, — Дебра закрыла лицо руками.

Что за глупое предложение? Она не сбежит без Дилана. Без самого близкого человека на свете. Если нельзя его вызволить, нужно остаться рядом. Даже ценой жизни. Но едва пленница приняла самое трудное за семнадцать лет решение, на ум пришли наставления из недавнего сна:

«Иди и не оборачивайся. Принесешь себя в жертву ради горстки больных подростков, погубишь миллиарды жизней. Помни это. Помни!

— Не могу! — воспротивилась Дебра властному женскому голосу. — Я не брошу Дилана!

«Ты должна идти вперед, забыв о боли, как бы она ни разрывала твое сердце», — ответили на это упрямо.

... твое сердце... твое сердце... твое сердце... — стучало в висках, заставляя кровь бежать быстрее. Вспомнился разговор Кассандры Гордон с Присциллой Грей, фальшивые тесты на Хайди, ложь, которой напуганных жителей планеты пичкали почти два десятилетия. Нет, Дебра не хотела становиться разменной монетой в чужой игре. Она не жертвенное животное, покорно идущее на заклятие!

Дебра решила. Взяла с кровати платье. От волнения в рукава попала с третьей попытки. Застегивая пуговицы, сообразила, что надела униформу задом наперед. Пришлось переодеваться, мысленно убеждая себя в правильности сделанного выбора. С Диланом всё равно не остаться. Друга переведут в зону для подконтрольных, а ее прихлопнут, как надоедливое насекомое. И Ингрид тоже.

Платье подошло идеально, сидело, как влитое. Туфли болезненно сдавливали пальцы. Но что такое неудобство и будущие мозоли, когда душу зверем рвет чувство вины? Сжав зубы, пленница занялась париком. Предусмотрительный страж позаботился о шпильках, спрятать настоящие волосы труда не составило. Жаль, пришлось обойтись без зеркала, действуя на ощупь. Но, кажется, она справилась. И вовремя.

Донелли вернулся не один. Дебра испуганно попятилась, не признав персональную ведунью в коричневой униформе и рыжем парике.

— Это не ты, — пробормотала она, держась за сердце.

— И не ты, — Ингрид закатила глаза.

Донелли удовлетворенно хмыкнул и указал на белую коробочку.

— Про линзы не забыла?

— Зачем? — нахмурилась Дебра, но, поймав свирепый взгляд, предпочла не спорить по мелочам. — Какой план? — озабочилась она более глобальным вопросом, дрожащими пальцами вставляя линзу в правый глаз. И как люди их носят?

— В здании творится нечто невообразимое, — объяснил пристав. — Руководящие сотрудники на совещании у директора. Крафт приехал и успел пообщаться по видеосвязи с кем-то высокопоставленным из вне. По радио сотрудникам приказали не

покидать Центр, оставаться в кабинетах. Большинство электронных ключей заблокировали. Стражи могут передвигаться по подземным уровням, но на верхние этажи доступ закрыт.

— Как же мы тогда...

— У нескольких особых сотрудников ключи действуют. В лаборатории этажом выше работают двое из них. Врачи. Проводят секретные эксперименты.

— Предлагаешь отобрать у них карточки? — пришла в ужас Дебра. — При помощи лучника?

— Не бойся, я не Винсент. Серьезного вреда не причиню. Мне в любом случае придется пользоваться оружием. На выходе дежурит охрана, которой не скажешь: «Извините, мы на минуту».

— Нельзя идти к врачам, — воспротивилась Ингрид — Затея обречена на провал. Нужно искать другой способ.

— О! — Донелли не удержался от сарказма. — Ты у нас предсказательница?

Дебра громко ахнула, сообразив, что Ингрид знает больше них. Или чувствует благодаря особому дару. Повернулась к приставу, заглянув в синие глаза, без маски кажущиеся бездонными.

— Думай о нас, что хочешь, — заговорила с жаром. — Но сейчас просто поверь. Если Ингрид говорит «нельзя», стоит прислушаться. Есть другой способ заполучить карточку?

По вытянувшемуся лицу стража стало ясно — он с трудом сдерживает негодование и жалеет, что связался с пленницами.

— Мы теряем время.

— Подумай! — потребовала Дебра настойчивее.

Донелли перевел гневный взгляд на ведунью и заговорил, отчеканивая каждое слово:

— Другого способа не существует. Особыми ключами владеет ограниченное число сотрудников. Большинство сейчас на совещании. У некоторых, как директор Крафт, госпожа Гордон или профессор Тревис, есть дубликаты карт, но они под замком.

— В сейфах? — спросила Дебра тихо, боясь поверить удаче. Получив утвердительный кивок, облегченно вздохнула. — Нужно идти в кабинет Тревиса.

— Моя карта открывает дверь, а не тайник. И, кстати, гений, я не специалист по взлому сейфов.

— Умений медвежатника не требуется, — Дебра выдержала насмешливый взгляд пристава. — Тревис открывал тайник, когда я пряталась за стеллажами. Код — 120356.

Опешивший страж открыл рот и снова закрыл, а Дебра обратилась к ведунье.

— Что думаешь?

— Может сработать, — одобрила Ингрид.

— Хорошо, идём, — очнулся пристав. — Но никакой самостоятельности по дороге. Стажеры ниже минус десятого этажа спускаются редко, здесь вы обе, как белые вороны.

Попав за пределы изолятора, Дебра застыла, словно налетела на невидимую преграду. Шальным взглядом посмотрела по сторонам и, нелепо качнувшись, прижалась к стене. Хорошо хоть никого постороннего в коридоре не оказалось, иначе непременно привлекла бы ненужное внимание.

«Вот так, наверное, сходят с ума», — пронеслось в опустевшей голове. Эта мысль не удивила и почему-то не расстроила.

Центр Дебра ненавидела по многим причинам. Не последней в списке значилась вездесущая серость. В тоскливый цвет в здании выкрасили все, что смогли: стены, потолки, полы, мебель. Угнетала и безликость этажей, похожих, как братья-близнецы. Таблички на дверях не содержали сведений, кроме номеров комнат. Обитатели не имели права считать помещения личным пространством. Дебра могла поклясться, что и несколько часов назад коридор, по которому ее вели в новую темницу, ничем не отличался от остальных. Все те же серый цвет и угнетающая анонимность. Так откуда взялись другие цвета и надписи?

Донелли правильно истолковал смятение девушки и осторожно похлопал по плечу.

— Линзы, — коротко пояснил он, возвращая Дебре рассудок. — И специальная краска.

— П-п-почему?

— Чтобы пленники чувствовали себя слепыми котятками в лабиринте, — проворчала Ингрид, и потянула подопечную за руку. Задерживаться было опасно.

— Не совсем так, — заступился за порядки Центра пристав. — В здании ведется много важных исследований. Нельзя чтобы недоброжелатели... — страж прервал себя на полуслове, заметив усмешку ведуньи. — Хорошо, твой вариант тоже имеет место быть, — признал он неохотно. — Я хотел, чтобы вы обе могли ориентироваться. Вдруг нам придется разделиться.

Они быстро двигались по серому коридору, превратившемуся в небесно-голубой. Путь лежал к лифту, о чем свидетельствовали указатели на стенах. «Уровень минус 19» — прочитала Дебра, сворачивая на очередной развилке. Появилась дополнительная информация и на дверях. К пресловутым номерам присоединились фамилии с должностями или сведения о предназначении комнат.

Преподнес сюрпризы и лифт, двери которого Донелли открыл персональной карточкой-ключом. Стены внутри «окрасились» в коричневый цвет, а на обычно пустой панели зажегся номер этажа — 19б. Кабина тронулась, и замелькали другие номера — 18б, 17б, 16б, 15б.... Поездка закончилась на одиннадцатом подземном уровне. Двери распахнулись, и беглецы шагнули в ярко-оранжевый коридор. Дебра, не ожидавшая увидеть столь оригинальное цветовое решение, не удержалась от восклицания.

— Ш-ш-ш-ш, — шикнул пристав. — Да-да, этажи разных цветов. Перестань удивляться всему, что видишь.

Но было легче сказать, чем сделать. Все вокруг знакомо и незнакомо одновременно. На этом самом месте — у двери кабинета, на которой висела новоявленная табличка: «Профессор Рассел Тревис, психолог», Дебру однажды настигло видение о Гранте. Она стояла на коленях, опираясь об унылую серую стену.

Донелли уверенно сжал лучник и на всякий случай постучал в профессорскую дверь.

Ответа не последовало. Пристав приложил карту к считывающему устройству.

— Помоги снять картину, — велела Дебра стражу, переступив порог. Что-то подсказывало: запас времени таял на глазах.

Едва полотно с летним домиком покинуло стену, она поднесла руку к сейфу.

— Подожди, — остановил пристав. — Ты уверена, что правильно запомнила код? Ошибешься в одной цифре, сработает сигнализация, и входная дверь заблокируется.

— Уверена, — процедила Дебра. Так и было. Минуту назад. Но после дурацкого предупреждения в душу закралось сомнение. Подсматривая за Тревисом из-за стеллажа, она едва дышала от шока и усталости. Ох, кто просил Донелли открывать рот?

Мысленно приказав сердцу сбавить темп, а внутреннему голосу потеряться до лучших времен, Дебра набрала шесть цифр и застыла в ожидании чуда или провала. Легкий щелчок вызвал три облегченных вздоха.

— Прошу, — Дебра предоставила поиски ключа стражу и, пока тот шарил в чужом

сейфе, подошла к Ингрид. — Чем все кончится, по-твоему?

Ведунья пожала плечами.

— Вибрации противоречивы. Успех может быть как на нашей стороне, так и на стороне противников. Но наши шансы высоки.

— Нашел! — радостно объявил Донелли, демонстрируя заветный пластик. — Я закрою сейф. Нельзя, чтобы пропажу обнаружили раньше времени.

— Стой! — потребовала Дебра. — Там была фотография. Я должна ее увидеть.

Она понятия не имела, зачем ей знать, чей портрет прятал в сейфе профессор. Внезапно это стало необходимо. Пристав нахмурился, но, помня об упрямстве Дебры, предпочел не тратить время на спор.

Долго искать не пришлось, снимок лежал сверху.

— Надеюсь, это важно, — проворчал страж, протягивая фотографию.

— Я тоже наде... — начала Дебра, но слова застряли в горле.

От её крика Донелли едва не выронил лучник.

— С ума сошла?! — зашипел он.

— Что случилось? Кто там? — встревожилась Ингрид.

Но Дебра не слышала. Она смотрела в серые глаза той, кого ожидала увидеть меньше всего не свете. Это была девушка из снов. Несуществующая покорительница космоса.

Глава 9. Схватка

— Идём, — Ингрид настойчиво потянула подопечную за рукав.

На фоне фальшивых рыжих волос бледное лицо ведуньи напоминало маску печальной клоунессы. Но потрясение не мешало ей думать о спасении. Однако Дебре не было дела ни до чего на свете, кроме фотографии, которую она сжимала до боли в пальцах.

— Значит, всё ложь? Космос, экспедиция, звездолёт?

— Иногда сны — лишь сны, — Ингрид развела руками. — Нужно выбирать. Здесь ты ничего не выяснишь.

— Тревис знает, кто она!

— Предлагаешь отправиться на поиски профессора, а заодно сдать на милость Крафта и Гордон? Тебе будет легче умирать в этом проклятом месте, зная правду о ней?

Дебра поймала холодный взгляд Донелли. Он выжидал. Понял, что произошло нечто из ряда вон. Но терпению подходил конец.

— Не смотри на меня, как умалишенную! — потребовала Дебра. — Ты ничего не понимаешь!

— Возможно. Но я рискую жизнью не для того, чтобы попасться из-за твоего упрямства.

Трепыхающееся сердце кольнул шип вины, и Дебра сдалась.

— Фото заберу с собой, — поставила она условие.

— Пойдешь с ним в руках? — рассердилась Ингрид. — Очень правильное решение!

— Дай! — не выдержал страж. — У моей формы карманы есть в отличие от ваших платьев.

Ведунья гневно глянула на Дебру, чтобы больше не смела задерживать маленькую группу.

— Что дальше? — спросила она пристава.

Донелли перешёл на деловой тон, будто не было странного происшествия и перепалки.

— Окна на надземных этажах под сигнализацией, через них не выбраться. Из здания три выхода. На центральном дежурит десяток стражей. Второй ведет на парковку и охраняется не менее тщательно. Третий — запасной, выходит в переулок. Сейчас им не пользуются из-за ремонта в соседних коридорах, стерегут символически. Я пойду первым, вы следуйте на расстоянии. Когда дойдем до двери на проходную, я досчитаю до трех, и одна из вас ее распахнет.

— Вдруг тебе не удастся оглушить охрану? — спросила Дебра мрачно. Едва фотография космонавтки исчезла в кармане пристава, страхи вернулись.

Неужели, они трое всерьез рассчитывают вырваться на волю? Разве, это не безумие?

— Подключусь я, — объявила Ингрид. — У меня мало сил. Почти все резервы истратила на ведьму. Но на одно мощное действие хватит. Помните, я смогу вмешаться лишь раз. Пристав, постарайтесь справиться с охранниками самостоятельно.

Донелли не понял, о чем речь, но не переспросил. Только губы сжал плотнее.

Беглецам снова повезло. Коридор был пуст. Никем незамеченные они добрались до лифта. Двери кабины распахнулись с тревожным механическим скрежетом, и Деброй снова овладело отчаянье. Она остановилась. Как наяву, увидела покрытое веснушками лицо Дилана. Парень смотрел на подругу печально и строго.

— Что на этот раз? — сквозь зубы поинтересовался Донелли.

— Я предательница, — Дебра громко шмыгнула носом. — Дилан не бросил бы меня.

— Верно, — согласилась Ингрид. — Но тебе придется. Наше время уходит. Выбирай: жизнь или смерть.

«Ты не сможешь помочь друзьям. Не сейчас», — зазвучал в голове покровительственный голос белокурой женщины из сна.

Дебра шагнула в кабину. Сердце разрывалось от боли и отвращения к себе. Будь она храбрее, сражалась бы за одноклассников. Но ей едва хватает смелости рискнуть ради спасения собственной жизни. Если побег удастся, она больше не увидит их. Никогда не увидит Дилана! Никогда — какое же это страшное слово!

— Проверим профессорский ключ, — Донелли набрал на панели двойку и букву «а». Приложил карточку к считывающему устройству. Лампочка по соседству откликнулась, замигала одобряющим зеленым цветом. — Отлично! — обрадовался страж. — Надеюсь, нам и дальше повезёт.

Дебра подумала о том же. Слишком гладко пока все получалось. Чересчур просто. Закон равновесия должен сработать рано или поздно.

Лифт ехал вверх вечность. Издевался. Или это страх сыграл злую шутку, притупив чувство времени? Номера этажей приклеивались к панели, цеплялись за нее, не желая уступать место следующим числам и буквам. Дразнили. Или предсказывали беду. В самом деле, разве велик шанс на спасение? Что ждет беглецов над землей, когда двери поменявшей цвет кабины разъедутся в стороны? Свобода или грандиозный провал?

Дебра не рассчитывала на первый вариант. Не смела.

— Почему мы едем на второй? — спохватилась она, когда до пункта назначения осталось три этажа.

— На всякий случай, — пристав сжал лучник и вытянулся струной, настраиваясь на бой. — Кто знает, какие ждут сюрпризы. Пройдем один этаж по лестнице.

— Разве в здании они есть? — Дебра подозрительно покосилась на ведунью, вспомнив её слова перед третьим сном.

— Исключительно над землей, — усмехнулся Донелли. — Однажды я видел старые планы. Раньше лестницы были и в нижней части здания. Но их сломали. Решили, в случае опасности похоронить тайны вместе с людьми.

Из кабины на втором «наземном» этаже Дебра выходила в предобморочном состоянии. Ноги сделались ватными. Колени вот-вот подогнутся. Коридор был обитаемым. В нескольких метрах от лифтовой площадки две женщины в деловых костюмах что-то горячо обсуждали. Мозг с облегчением зафиксировал слова «отчет» и «неприемлемо». Мимо метеором пронесся лысеющий мужчина в круглых очках, на ходу перебирая листы, исчерченные таблицами.

Донелли пошёл вперед, не удостоив взглядом девушек в одинаковых коричневых униформах. Они зашагали следом, стараясь не припустить от волнения. Дебра сжимала зубы, запрещая себе думать о конце пути. Вдруг, правда, конец? За каждым поворотом мерещилась фигура в черном одеянии и маске. Память рисовала то лицо Дилана в веселых веснушках, то насмешливые серые глаза космонавтки.

На первом этаже людей встретилось ещё больше. По дороге к неработающему выходу беглецы увидели десятка три сотрудников. Однако никто не проявлял к ним интереса. Чем ближе подходили к цели, тем пустыннее становились коридоры, выкрашенные в болотный цвет.

«Наверное, это нормально, раз ремонт», — успокаивала себя Дебра. Донелли редющий людской поток не смущал, значит, и ей не следовало себя накручивать. Нервы и так на пределе. Того гляди, голова взорвется от переизбытка натыкающихся друг на друга мыслей.

Вот и дверь. Донелли встал слева, приготовил лучник и сделал знак спутницам. Ингрид

рванула дверь на себя, освобождая приставу путь. Дебра, ожидавшая шумного сопротивления, зачарованно смотрела, как Донелли с кошачьей ловкостью ворвался внутрь и выпустил на волю красные лучи, засверкавшие фейерверком. Но не услышала ни единого вскрика, только негромкий стук падающих тел. Вбежав за приставом, обнаружила поверженных противников: трех человек на полу в неестественных позах.

— Получилось? — неуверенно спросила Ингрид, остановившись позади подопечной.

— Не знаю, — протянул Донелли озадаченно. — Странно они упали, — он шагнул к ближайшему телу и отскочил, как ошпаренный. — Это манекены! БЕЖИМ!

— Поздно, — констатировал насмешливый женский голос. Хриплый и глухой. — Никому не двигаться! Опустите оружие, пристав.

Донелли вынужденно повиновался. Со всех сторон на беглецов надвигались вооруженные стражи, прятавшиеся до этого за раздвижными панелями. Следом из укрытия вышли и главные противники. Кассандра Гордон в мятом платье сложила руки на груди. Присцилла Грей, одетая с иголки, победно улыбалась. Тревис, покорно семенящий за женщинами, выглядел грустным и виноватым.

— Аккуратней, господа! — велела Кассандра, наблюдая за лучниками, пляшущими в руках стражей. — Девчонки нужны мне живыми.

— Я же говорила: они воспользуются запасным выходом! — ликовала Присцилла.

Она почти не отличалась от себя самой, сотни раз виденной Деброй по телевизору. Такая же тощая и зализанная. С блеклыми голубыми глазами. Но выражение лица другое: злое и самодовольное.

— Вы предсказуемы, пристав, — Присцилла упивалась победой. — Ломаете голову, как мы обнаружили вас столь быстро? Я вызволила плененную подругу и решила навестить здоровых пациенток. Но они исчезли. Оставалось выяснить, чьим ключом открывали двери камер, и расставить ловушки. Мимо выходов вы бы не прошли.

Правильные черты Донелли исказило отвращение. Ингрид яростно сжала кулаки, Дебра была близка к истерике. Оказаться в ловушке теперь, когда до свободы остались считанные метры!

— И вы здесь, профессор, — с горечью констатировал пристав.

— Да, Марко, — промямлил Тревис извиняющимся тоном, но под грозным взглядом Присциллы исправился: выпрямился. Но ничего внятного не произнес. — У меня не было...

— Выбора? — закончил фразу пристав. — У вас его никогда не бывает, верно?

— Не стоило этого делать, Марко, — сарказм стража вернул психологу моральные силы. — Ты погубил свою жизнь.

— Зато я пытался сделать что-то стоящее!

— Как трогательно! — Присцилла плотоядно облизнула губы и посмотрела на девушек, представляя, как разделяет их на куски.

— Пора заканчивать балаган, — заметила Кассандра и дала распоряжение стражам: — Верните пациентку в изолятор, а пристава Донелли сопроводите в камеру.

— Нет! Этого не будет! — голос Ингрид зазвенел. Она походила на котёнка, вставшего в боевую стойку — маленького, но упрямого.

— Это еще что такое? — с издёвкой поинтересовалась Кассандра. Её развеселил протест ведуньи.

— То, с чем ты не справишься, ведьма! — крикнула Ингрид, скидывая руки.

Под потолком грохнуло, как от фейерверков на празднике. Из растопыренных пальцев ведуньи хлынул яркий бирюзовый свет. Переливаясь, прошел над головами неприятелей

и накрыл их куполом. Все произошло за считанные секунды, но Дебре они показались часами. Время замедлило бег, давая возможность разглядеть каждую деталь. Все в помещении, кроме троих беглецов, с громкими криками упали. Кассандра застонала, утыкаясь лбом в пол. Лицо Присциллы перекосилось от злобы и боли. Глаза Тревиса широко распахнулись, очки поехали набок.

— Стреляйте в нее! Стреляйте! — вопила Присцилла, однако ни один страж не пошевелился.

— Кассандра, сделай что-нибудь!

Но та без движения лежала на полу.

— Уходите! — приказала Ингрид Дебре с Донелли. Слова давались с трудом, руки тряслись от напряжения, но ведунья отчаянно держала оборону, не давая переливающемуся куполу погаснуть.

— Выход заблокирован, идиоты! Вам его не открыть! — Присцилла попыталась захохотать, но подавилась смехом и потеряла сознание.

— Бегите! — снова приказала ведунья.

— Нет! Без тебя не пойду! — заорала Дебра, стараясь перекрыть общий гвалт. Одного друга она сегодня уже бросила.

Ингрид дернулась и...

— ААААаааааааааа.

От её крика заложило уши. Яркая вспышка озарила комнату, купол погас, а с ним и весь свет в помещении. Только одна лампочка выдержала магическую атаку, но мигала, словно контуженная. Ноги ведуньи подкосились, и она присоединилась к поверженным врагам на полу. Выглядела жутко, будто силы покинули навсегда: губы посинели, под глазами появилась чернота, как после тяжелой, продолжительной болезни.

— Ингрид! — Дебра бросилась к ведунье, опасаясь худшего.

Та, к счастью, была жива. И даже умудрилась не отключиться.

— Ничего, — прошептала она, тщетно пытаясь встать. Шокировано глянула на два десятка неприятелей, не подающих признаков жизни. Ингрид сама не ожидала столь грандиозного эффекта от атаки. — Они скоро очнутся. Наверное. А нам нужно уходить. Поскорее!

— Ты цела? — спросил Донелли. Устроенное представление потрясло стража, лишило лицо красок. Однако парню хватило профессиональной выдержки, чтобы быстро взять себя в руки и думать о спасении. — Можешь встать?

Ингрид сердито мотнула головой.

— Держись, — пристав поднял девушку и перекинул через плечо.

— Отсюда нам не выйти, дверь заблокирована, — напомнил Донелли. — У других выходов нас ждут.

Дебре чуть не разревелась. Они выиграли раунд, но война проиграна окончательно и бесповоротно.

— Бегите на крышу, — подала слабый голос Ингрид из-за спины стража.

— Мы загоним себя в новую западню! — запротестовал тот. — Над землей у здания девять этажей. С крыши не спуститься.

— Нам надо на свежий воздух! — Ингрид была непреклонна. — Это единственный шанс на спасение. Делай, что говорю! У меня нет сил спорить.

Донелли повернулся к Дебре.

— Идем на крышу, — выдохнула она, скрепя сердце. В успех затеи верилось с трудом, но ведунья прежде не подводила.

— Хорошо, — сдался Донелли. — В соседнем коридоре есть лестница.

— Почему не на лифте?

— С таким же успехом можем оставить записку, куда направляемся. Нас отследят по электронному ключу. Неприятеля, наверняка, сообразили, что мы пользуемся картой Тревиса. А если нет, быстро догадаются, увидев, как она гуляет по зданию без владельца. На лестницу можно попасть без карты. В лифт — нет. Только...

— Что? — насторожилась Дебра, услышав в голосе пристава безнадежные нотки.

— Наверху придется пользоваться ключом. Выход на крышу под замком.

— Не страшно, — отозвалась Ингрид. — Если ОНИ откликнутся, мы уберемся из Центра раньше, чем ведьма с Грей добегут до лифта.

На лестницу беглецы попали, не встретив ни души. Дебру это ни радовало и ни огорчало. Противники, оставшиеся лежать без сознания, потеряли актуальность. Мысли занимало необъяснимое желание ведуньи оказаться на крыше. Что им даст безрассудный план? Не метлу же Ингрид приготовили, способную передвигаться по воздуху? И не портал в другую галактику?

Ведунья безжизненно висела у пристава на плече. Как тряпичная кукла. Не проявляла больше командирских замашек. Донелли придерживал обмякшее тело одной рукой, другой крепко сжимал лучник, выглядел спокойным, решительным. У него даже дыхание не сбилось после бега вверх по лестнице! Дебра, добравшись до девятого этажа, держалась за бок. Давали о себе знать и жмущие туфли.

Новый коридор не подарил новых встреч, поприветствовал мертвой тишиной.

— Нам повезло, что Крафт приказал заблокировать электронные ключи, большинство сотрудников заперто под землей, сидят по кабинетам, как крысы, — пояснил Донелли.

Он остановился в конце коридора у массивной металлической двери. Поглядел на неё с ожесточением. Но не отступил, провел картой Тревиса по электронному замку.

— Счет пошел на минуты. Надеюсь, наша «волшебница» знает, что делает.

Быстро преодолев два пролета по узкой бетонной лестнице, беглецы миновали еще одну дверь и, наконец, достигли цели. Был вечер. На небе ни облачка. Над Центром висела почти полная луна. Бледная в сумерках, но прекрасная, как никогда. Дебра посмотрела на неё с тоской и осознала, как сильно не хватало взаперти свежего воздуха и неба — чистого и необъятного.

Донелли опустил Ингрид на каменный пол. Дебра вонзила ногти в ладони. Она слишком сильно боялась того, что может случиться. Или не случиться. Ведунья, стоя на коленях, вытянула перед собой крепко сжатые кулаки. Быстро-быстро что-то зашептала. Молниеносно разжала пальцы и крикнула в пустоту, выворачивая наизнанку души:

— ПРИДИТЕ!

Дебра была готова ко всему. К любому волшебству, к самому невероятному происшествию. Но минуты убегали, и ничего не менялось. Беглецы стояли на крыше одни под ночной планетой. Самой близкой к Земле, но ставшей восемнадцать с половиной лет назад нереально далекой.

— Не получилось? — спросила Дебра.

— Не знаю. Мне говорили, что я сама должна решать проблемы. Они вмешаются в крайнем случае, — ведунья всхлипнула. — Но разве сейчас не крайний случай?! Я не понимаю!

— Куда тебе, юная идеалистка, — отпустил насмешливое замечание знакомый голос,

который беглецы надеялись больше не услышать.

На крышу вышла Кассандра Гордон с лучником в руке. В сгущающихся сумерках она выглядела еще страшнее — черная тень, поднявшаяся из ада. Следом появилось десятка полтора стражей и изрядно потрепанные Присцилла Грей с профессором Тревисом.

Донелли направил оружие на противников.

— Не напрягайтесь, пристав, вы в меньшинстве, — посоветовала Кассандра тоном победительницы и повернулась к ведунье, не находящей сил подняться с колен и общаться на равных. — Ты всерьез думала, что они явятся? Хранители слишком дорожат шкурой, чтобы рисковать ею лишний раз. Даже ради спасения своих. Не знала, девочка?

— Вы понятия не имеете, о чем говорите! — огрызнулась ведунья, пряча за грубостью страх.

— Имею, — Кассандра играючи направила лучник на Ингрид. — Ты сильная ведунья. Особенно для своего возраста. И смелая. Будет жаль убивать тебя.

— Неужели? — скривилась девушка.

— Ты не видишь логики в поступках сородичей. Чувствуешь, они не такие белые и пушистые, как хотят казаться. Ты выросла среди людей и понимаешь лживую сущность своего народа. Не до конца. Но начало положено. У меня тоже накопились претензии к хранителям. Я считаю их ничтожествами. Пусть по крови являюсь одной из них.

— Лжете! — злость помогла Ингрид вскочить. — Вы не хранитель! И никогда им не были!

— Полноценным хранителем я не стала, но это к лучшему. Ты видела не только мою оболочку, ты чувствовала меня, не так ли? Тебе интересно, как такое со мной случилось?

Дебра с Донелли слушали разговор, затаив дыхание. Тревис выглядел потрясенным до глубины души. Лицо Присциллы выражало откровенную скуку.

— Пора заканчивать, — велела она сообщнице.

— Я понятия не имею, откуда вы узнали о нас, — бросила Ингрид Кассандре, не удостоив Присциллу взглядом. — Я не верю не единому вашему слову. Вы не одна из нас! Вы обыкновенная манипуляторша с прогнившей душой!

— Маленькая нахалка! — разъярилась Кассандра и без предупреждения выпустила в грудь ведуньи фиолетовый луч.

— Нет! — закричала Дебра, ногти глубоко вонзились в ладони.

Но проклятья, адресованные Кассандре, застыли на губах. На крыше случилось что-то потустороннее. Полная передислокация сил. Выпущенный в Ингрид луч-убийца срикошетил и ушел вверх, отведенный невидимой рукой. Стражи упали игрушечными солдатиками и не шевелились, все разом погрузились в глубокий сон. Тревис волчком закрутился на месте, Присцилла грозно глянула на сообщницу, но Кассандра подняла ладонь, призывая не двигаться.

Вовремя. За спиной ведуньи материализовалась женщина в длинном белом платье, закрытом до подбородка. Длинные русые волосы мерцали, словно покрылись маленькими звёздочками, изумрудные глаза горели яростным огнем. Дебра ее узнала. Гостя последних снов.

— Не смей трогать мою дочь, отступница! — приказала она Кассандре яростно.

В ее облике сквозила мощь. Такая, что позволила бы развеять присутствующих по ветру движением мизинца. Воздух насквозь пропитался силой — опасной и разрушительной. Но Дебра не боялась. Чувствовала: беглецам взрывная магическая энергия не причинит вреда.

Кассандра слегка наклонила голову набок.

— Арвида, — протянула она насмешливо. — Не ожидала тебя увидеть.

— И я не жаждала, чтобы наши пути пересеклись, — в тон ответила мама Ингрид.

— Не сомневаюсь ни секунды. Вы все до смерти боитесь встречи со мной. Во главе с Квитоном. Не удивительно, учитывая, насколько плачевно для владыки закончилось последнее «общение».

— О! Ты продолжаешь считать себя особенной? Паршиво выглядишь, кстати, — припечатала хранительница мстительно.

Кассандра в долгу не осталась.

— У тебя очаровательная дочка, Арвида, — проговорила она елевым голосом и добавила ядовито: — Какая мать позволит рисковать единственным ребёнком? Столько лет?

Кассандра ударила по больному. Лицо хранительницы исказилось. Она мечтала уничтожить противницу на месте. Но та не страшилась магической атаки.

— Квитон знает, что ты здесь? Ты не случайно прибыла одна. Больше никто не пожелал откликнуться на призыв ведуньи о помощи.

— Меня одной хватит, чтобы закончить сражение, — Арвида подняла руку, и Присцилла с Тревисом упали. В отличие от стражей, они не потеряли сознание, но, прижатые к земле невидимым прессом, выглядели хуже охраны. Того гляди, раздавит или раскатает по крыше.

Кассандра рассмеялась.

— Знаешь, на что это похоже? На демонстрацию силы. Признай, ты испытываешь наслаждение от превосходства. От осознания могущества. Но разве не это ты годами приписывала мне и осыпала упреками?

— Ты не права, — раздраженно бросила Арвида. — Я не упиваюсь силой, как ты. Держу оборону, не более.

Однако она ослабила хватку. Присцилла с Тревисом вздохнули свободнее.

Кассандра вновь усмехнулась, поглаживая лучник пальцами, обтянутыми черными перчатками.

— Хранители, — проговорила она, растягивая слова. — Как же вы любите всё переворачивать. Я не просила ни могущества, ни той судьбы, которую мне готовили. Но ты сходила с ума от зависти. Забавно. Тебе удалось выпросить силу. Не для себя. Для дочери. В будущем девочка превзойдет многих из вас.

— Она — не ты! — крикнула Арвида гневно, но на Ингрид покосилась испуганно. — Она не использует силу во зло!

Последнее утверждение прозвучало не слишком уверенно.

— Откуда тебе знать? — добавила Кассандра новую порцию яда. — Вы бросили ее. Заставили в одиночку оберегать девочку, предназначенную ключу, жить вдали от дома, подвергать себя риску. Она этого не забудет.

— Ты снова ошибаешься! Как всегда видишь вещи через призму черной души. Другие не думают и не действуют, как ты. Пора заканчивать битву.

— Безусловно, — согласилась Кассандра. — Но не думай, что победа за тобой. Ты выиграла первый бой. Войну вы проиграете, помани мое слово.

— С тобой всегда было бесполезно спорить, — отмахнулась Арвида.

— Я неделями изучала группу, — не унималась Кассандра. — Дебра Рид была последней в моем списке. Она меньше всех подходила на роль избранного. Посредственная девчонка провалит вашу «великую» миссию.

— Думай, что хочешь, — пожала плечами хранительница. — Ингрид, Дебра, нам пора. Пристав, полагаю, вы предпочтете отправиться с нами?

Донелли оглянулся на Кассандру и неуверенно кивнул Арвиде. Ингрид, пошатываясь, шагнула к матери. Дебра не спешила принимать спасительную помощь. Она понятия не имела, о чем говорили странные женщины, но страх накрыл с головой. «Великая миссия»?

Кассандра легко прочла мысли ускользнувшей пленницы по бледному лицу.

— Боишься, Дебра Рид? Правильно делаешь. Думаешь, хранители помогут? Не рассчитывай! Они бросят тебя. Твоя жизнь имеет для них значение лишь до поры до времени.

— Замолчи! — от крика Арвиды крыша заходила ходуном. Присциллу и Тревиса вновь прижало к полу. Одна Кассандра стояла. То ли чары Арвиды на нее не действовали, то ли хранительница не пыталась их применять. — Не слушай ее, Дебра. Подойди ко мне. И вы, пристав, тоже, — Арвида одной рукой обняла дочь, вторую протянула Донелли. — Дебра, держись за Ингрид.

Дебра поежилась, но повиновалась. Посмотрела на успокоившуюся ведунью, затем на пристава и с облегчением осознала, что не ей одной трудно. Донелли не понимал и страшился происходящего. Одно дело противники-люди, которым он умел противостоять, другое — странные личности со сверхъестественными способностями. Кассандра, Присцилла и Тревис не отрывали от беглецов взглядов. В глазах обеих дам читались раздражение и досада, даже сквозь прорези маски ведьмы. На лице профессора отразились иные эмоции. Дебра могла поклясться, что разглядела детский восторг.

— Зажмурьтесь! — скомандовала Арвида. — Покрепче!

Дебра выполнила требование и ощутила, как вокруг поднимается вихрь — сильный, но не злой. Тело обрело нереальную легкость, став невесомым, как в космосе. Пол под ногами исчез, провалившись в небытие...

— Можете открыть глаза, — распорядилась Арвида, едва твердая почва вернулась назад. Настоящая живая трава!

Дебра с трудом сдержала громкий возглас. Она понимала, что увидит не крышу Центра, а иной пейзаж, но не ждала яркого дневного света вместо сумерек и блеклой луны. Куда бы ни доставила беглецов Арвида, это место отставало от мировой столицы на несколько часов. Солнце лениво ползло к горизонту, но не скупилось на теплые лучи. Мегаполис исчез, вокруг простирался сад. Лицо освежал ненавязчивый ветер, в воздухе терпко пахло цветами, будоража кровь. Их здесь росло столько, что не сосчитать, не перечислить всех названий, видов и подвидов. Высокие деревья тянулись ввысь могучими густыми кронами. Трава поражала сочной зеленью, какую не встретишь в городах.

— Ты дома, дорогая, — Арвида расцеловала Ингрид. Повернулась к Дебре и приставу. — Добро пожаловать на Земли хранителей. Здесь вы в безопасности.

— Куда? — переспросила Дебра едва шевелящимся языком. Каждая клеточка ныла от усталости и пережитого ужаса. В голове не укладывалось, что их не поймали сотрудники Центра. Не убили. Но желание разобраться в происходящем было важнее всего на свете. — Кто вы такие, в конце концов?

Хранительница расплылась в знакомой по сну покровительственной улыбке.

— Наберись терпения, девочка. Скоро всё узнаешь. Сейчас вам следует отдохнуть. У вас троих был длинный день, — она жестом пригласила гостей следовать по выложенной овальными камнями дорожке, бегущей среди цветов светло-серой лентой.

Дебра подчинилась, но ноги слушались плохо. Зато Ингрид, оказавшись дома, ожила. Зашагала бодро на радость матери. Арвида с гордостью поглядывала на ведунью. Мол, посмотрите, какая умница.

— Хорошо, что всё закончилось, — хранительница взяла дочь под руку. — Наконец, мы снова будем семьей.

Семьей? Дебра остановилась. Вдоль позвоночника пробежали мурашки.

— Подождите! А мои родители? Кассандра отыграется на них за побег!

Рядом судорожно вздохнул пристав. Вспомнил родных, принесенных в жертву «неизлечимой» болезни.

— Кассандра не убьет твоих близких, — процедил он с отвращением. — Но в заложники возьмет, чтобы заставить тебя сдаться.

— Вы можете их спрятать? — Дебра с надеждой посмотрела на Арвиду.

Та тяжело вздохнула.

— Боюсь, мы опоздали с помощью. Дебра, твоих родителей нет в Бриладе. Они добровольно покинули город, едва вас увезли. Мы упустили момент, наше внимание было приковано к Центру. Нам неизвестно их местонахождение. Но и врагам тоже. Не тревожься. Где бы ни находились родители, до них не доберутся.

— А тетя Далия? — спросила Ингрид, бледнея. — Кассандра и её превратит в заложницу.

— Этого не случится, дорогая, — заверила Арвида. — О безопасности нашей человеческой родственницы позаботятся.

Хранительница посчитала инцидент исчерпанным и зашагала дальше, уверенная, что остальные последуют за ней. Они так и сделали. Но прежде обменялись мрачными взглядами. Вопросов накопилось множество. Даже у Ингрид, которая сейчас хотела быть послушной дочерью.

Первым не выдержал Донелли, недоверчиво озирающийся по сторонам.

— Почему вы не говорите, что это за место? — спросил он на ходу. — И как мы сюда попали?

Арвида опять отмахнулась.

— Пристав, будьте благоразумны. На ваше появление здесь не рассчитывали.

Терпение Дебры лопнуло. Еле удержалась, чтобы не напомнить дамочке, изображающей покровительство, что первым пришел на помощь Донелли, а вовсе не таинственный волшебный народец.

— Марко с нами не случайно, — объявила она, нарочно назвав стража по имени, чтобы подчеркнуть непрошеную связь. — Он упоминался в моем особом сне.

Дебра попала в яблочко. Надменное лицо хранительницы огнем осветило любопытство, стерев деланное равнодушие. Распоряжение оставить разговоры с легкостью забылось. В одну секунду.

— Присядем, — Арвида азартно облизнула губы и указала на овитую плющом беседку.

Донелли буравил Дебру вопросительным взглядом. Она отлично понимала состояние стража. Сама плохо представляла, что творится вокруг, а он попал в гущу событий с корабля на бал. Или наоборот — с бала на корабль. Но Дебра заставила себя не думать о приставе и рассказала о трех последних снах с космонавткой. О первой сбывшейся подсказке. Говорила медленно и спокойно. Будто речь шла о сюжете фильма, просмотренном в кинотеатре.

— Это крайне интересно, — изумрудные глаза Арвиды сверкали от плохо скрываемого возбуждения. — А другие подсказки?

Дебра пожала плечами, шурясь на алеющее солнце. Три последних пункта она не понимала. Второй, где речь шла о синей тетради Ёжика, предназначался космонавтке. Юноша со странным прозвищем — ее одноклассник.

Хранительница задумалась, легонько потирая указательным пальцем нижнюю губу.

— Мама, я думала, девушка из сна ненастоящая, — вернула Арвиду в действительность Ингрид.

— Скорее всего, — пробормотала та.

— Нет! Настоящая! — Дебра бесцеремонно сунула руку во внутренний карман куртки Донелли. — Мы нашли снимок в сейфе профессора Тревиса. Это она — космонавтка, которую я много лет вижу во сне!

Зря Дебра надеялась, что хранительница придет в восторг. На лбу женщины залегла глубокая вертикальная морщинка. Фотография, в ее понимании, не вписывалась в общую картину.

— Ты уверена? — переспросила Арвида сердито — Не может быть... Она же не оттуда...

— Откуда? — быстро сориентировалась Ингрид, но под грозным взглядом матери стушеввалась.

— Дебра, не возражаешь, если я на время оставлю снимок у себя? — спросила хранительница после паузы. — Покажу нашим. Моя неосведомленность не означает, что ответов нет у других. Я выполняю определенную задачу. Знать все тайны в нее не входит.

Дебра покорно кивнула, хотя и заподозрила хранительницу во лжи. Она точно знала гораздо больше, чем говорила.

— У меня тоже есть вопрос, — вмешалась Ингрид. — Кто такая Кассандра Гордон?

Глаза Арвиды потемнели, пальцы скрутились. Хранительница явно представляла, как обхватывает горло сотрудницы Центра.

— Эта не та тема, которую стоит обсуждать, — она яростно тряхнула головой. — Но отвечу. Я не хочу, чтобы вы принимали слова предательницы близко к сердцу. Сеять смуту Кассандра всегда умела блестяще.

Арвида замолчала, собираясь с мыслями. Дебра и Донелли замерли в ожидании, боясь шелохнуться.

— Значит, она была одной из нас? — поторопила ведунья мать.

— Верно, — подтвердила та хмуро. — Кассандра считалась одаренной. А потом... потом ей провели обряд развенчивания. Это было давно. До твоего рождения.

Ингрид ахнула и взволнованно затараторила:

— Я думала, его применяли в далеком прошлом! Дядя Арэн рассказывал, обряд лишает хранителя силы, и тот проживает не более пяти лет!

— Так и есть.

— Но Кассандра жива до сих пор!

— Потому что владыка Элиот — а именно он проводил обряд — не довел его до конца. Кассандра осталась в живых и сохранила толику прежних сил.

— Не понимаю, — растерялась Ингрид. — У владыки не вышло?

— Элиот остановился в последний момент, — отчеканила мать раздраженно. — Не нашел моральных сил закончить начатое. Кассандра была уникальной. Владыка сам занимался ее обучением, вложил в неблагодарную девчонку душу. Ни Элиот, ни его помощники не сомневались, что ей суждено стать великой. Предательство лучшей ученицы подорвало здоровье владыки. До самой смерти не оправился.

Дебра поежилась. Она физически ощутила ненависть Арвиды.

— Что Кассандра сделала? — голос ведуньи дрогнул.

Однако мать ушла от прямого ответа.

— Нам всем в юности приходится бороться с искушениями, чтобы со смирением принять предназначение. Мы учимся контролировать способности, не использовать их во вред. Это трудно, ты сама знаешь. Когда обладаешь столь мощными чарами, как Кассандра, искушение возрастает в десятки раз. Она не справилась. С последствиями ее предательства мы боремся до сих пор.

— Какими?

— Ответить я не в праве, Ингрид. Тебе известны правила. Есть вещи, которые могут знать лишь верховные хранители.

— Но ты знаешь, хотя таковой не являешься!

— Так сложились обстоятельства. Мы были хорошо знакомы с Кассандрой, — Арвида резким жестом дала понять, что разговор окончен, и поднялась со скамьи.

Ингрид не посмела возразить, хотя рассказ матери её не удовлетворил. Тайн Арвиды не поведала, чуть-чуть приоткрыла завесу. Все трое догадались: Кассандра — больная тема для хранителей, а для Арвиды еще и очень личная. Остаток пути прошли в молчании. Сад закончился, и показались белые домики в два ряда с коричневыми крышами. Они напоминали грибы, ютившиеся под мохнатыми лапами высоченных елей. Вдоль жилищ бежала все та же дорожка из овальных камней. Внутри ближайшего двора Дебра разглядела громоздкий стол в окружении лавок. Наверняка, в хорошую погоду местные обитатели трапезничали на свежем воздухе. Но сейчас вокруг было безлюдно.

— Вам с Ингрид туда, — Арвида указала на трехэтажное строение в левом ряду, отличающееся от остальных высотой и обилием цветочных горшков на широкой веранде и двух балконах. — А вы, пристав, ступайте за мной. Девочки, постарайтесь выспаться и набраться сил.

Вдыхая цветочный аромат, Дебра прошагала за Ингрид внутрь, поднялась по винтовой лестнице на третий этаж в просторную спальню. Там поджидали расстеленные кровати и накрытый стол с фруктами и бутербродами. Дебра посмотрела на еду с отвращением, зато ведунья ахнула от восторга и наполнила тарелку всем подряд.

— Понимаю, мысль о еде кажется не самой подходящей, но у меня нет выбора, — Ингрид виновато улыбнулась. — Я потратила столько сил, что утром иначе не встану. Ты сама-то помнишь, когда ела в последний раз?

Дебра покачала головой. Давно. Как минимум, сутки назад. Но она все равно не смогла проглотить и кусочка. При одном взгляде на стол, мутило. Не произнося больше ни слова, Дебра стащила парик и униформу, с огромным наслаждением сбросила с ног жмушие туфли и повалилась на кровать. Силы схлынули, даже желания умыться не возникло.

Потом. Утром. Или днём...

Усталость брала свое, сон готов был завладеть сознанием в любую минуту. Однако Дебра не спешила поддаваться. Боль, отступившая в последние часы, возвращалась.

«Дилан, я так перед тобой виновата! Им нужна я. Только я одна! Мне никогда не заслужить прощения...»

Чувство вины накрыло с головой. Дебра вцепилась зубами в край подушки, чтобы не кричать.

Глава 10. Земли хранителей

Когда Дебра открыла глаза, в комнату свободно проникали горячие солнечные лучи, рисовали веселые узоры на стенах и полу. Взглянув на обои с бледно-зелеными выпуклыми листьями вместо привычных серых стен, беглянка не сразу поняла, где находится. Поспешно села на постели и завертела головой. Воспоминания замелькали калейдоскопом: Дилан, Донелли, Кассандра, Арвида, Земли хранителей.

Хранителей?!

— Доброе утро. Точнее, день, — поприветствовал незнакомый звонкий голос. — Я здесь, — тонкая рука отодвинула тюль на двери, ведущей на балкон, и в комнату вошла девушка в белом платье до колен. На вид ей было лет двадцать пять. Мягкие черты лица плохо сочетались с ярко-рыжими длинными волосами, отливающими золотом на солнце. — Меня зовут Ада. Я — хранитель.

— Где Ингрид? — хрипло осведомилась Дебра вместо приветствия, плясь на старомодный наряд Ады: завышенную талию, рукава-колокольчики и абсолютное отсутствие выреза. Девушка будто шагнула со страницы книги о древних людях, живших на природе.

— Ингрид... — протянула она, нахмурившись. — На этот вопрос ответит Арвида. Советую умыться. Ванная за дверью справа. Я принесла полотенца и чистую одежду. Когда закончишь, спускайся вниз. Пожалуйста, поторопись.

Не дав гостю опомниться, Ада легкой поступью лани унеслась по винтовой лестнице. Дебра с досады несколько раз лягнула одеяло, запуталась в нем и чуть не упала с кровати. Что за люди? Бесконечно отсылают друг к другу. Минуту спустя захотелось повторить подвиг с матрасом в изоляторе Центра. Упомянутая одежда оказалась белым платьем до тошноты похожим на то, что носила молодая хранительница. Хорошо хоть обувь приготовили по размеру — босоножки на плоской подошве. Из-за туфель Донелли пятки покрылись водянистыми болезненными волдырями.

На сборы ушло минут десять. Платье сидело нелепо, но пришлось смириться. Не голой же идти. Униформа стажеров, как и злосчастная обувь, исчезли, а родные джинсы и футболки остались в Центре. Впрочем, что такое вещи, когда в жутких стенах брошены живые люди, пострадавшие из-за ее неведомой «особенности».

Прежде чем выйти из дома, Дебра сделала несколько глубоких вдохов, чтобы не дать эмоциям взорваться вулканом.

«Нельзя!» — приказала себе. — «Нужно разобраться, что происходит, а потом утопать в чувстве вины».

Ада устроилась на лавочке в двух шагах от дома и водила прутиком по земле, дразня притаившихся в смородиновом кусте котят. Малыши с азартом следили за пляшущей палочкой, но напасть не решались. Наконец, один — самый крупный — не выдержал и рванул к добыче. Но заметил Дебру, передумал и юркнул в укрытие.

— Готова? — улыбнулась хранительница. — Идём.

— Куда?

— Увидишь.

Белые двухэтажные домики с коричневыми крышами вновь напомнили грибы. Но сегодня Дебра заметила удручающую деталь, которую накануне упустила: многие жилища стояли с заколоченными окнами. Доски местами потрескались и прогнили, да и сами заброшенные строения оставляли желать лучшего: облупилась краска, разрушились от времени и непогоды веранды. Один дом и вовсе покосился, того гляди, завалится набок, как раненный зверь. Неужели, хранители не могут привести пустующие жилища в порядок? Или не хотят? Дома, где продолжают жить, выглядят опрятно.

Ремонт одного из них шел полным ходом. Двое мужчин (судя по одинаковым круглым

лицам и большим носам — отец и сын) вразнобой стучали молотками на крыше, напевая незнакомую песенку о зря потраченных часах. Ада на ходу поздоровалась с хозяйкой, развешивающей во дворе белье, и шагнула к младшей представительнице семейства. Кудрявая девочка лет восьми, как и все вокруг одетая в белое, сидела на качелях и тихонечко мычала все ту же песню. Только без слов.

— Мариза, ты почему не на занятиях? — строго спросила хранительница, пока Дебра следила за ловкими движениями хозяйки. Простыни взлетали на веревки белыми птицами.

— Учительница сказала, сегодня я должна заняться само... само... самоосознанием, — пробормотала девчушка, забавно шепелявя.

— Получается? — Ада опустилась на корточки и заглянула малышке в глаза.

— Не очень. Я должна думать о предназначении, но в голову лезут другие мысли, — призналась девочка сконфуженно.

— Какие?

— Всякие...

— Плохо! — заметила хранительница. — Особенно о каруселях.

— Ой! — девочка схватилась за порозовевшие щеки.

Ада поднесла руку к лицу Маризы и щелкнула пальцами. Глаза малышки наполнились легкой дымкой и снова прояснились.

— Теперь размышлять о правильных вещах будет легче, — хранительница погладила ребенка по волосам и поманила гостью дальше. — Нельзя думать о развлечениях, когда учительница дает ответственное задание, — пояснила Ада по дороге. — Пришлось исправить мысли девочки, хотя я не люблю этого делать. Дети должны сами учиться концентрироваться.

— Исправить мысли? — от неожиданности Дебра споткнулась. Ингрид говорила, хранители не способны залезать в чужие головы!

— У каждого ребенка есть наставник не из числа родственников, — разоткровенничалась Ада. — Он следит за обучением, за развитием силы. Моя подопечная — Мариза, я настроена на нее. Я не читаю мысли девочки, но некоторые образы улавливаю. И я не правильно выразилась. Нельзя изменить направление мыслей. Можно создать нужную почву. Я настроила подопечную на серьезный лад, теперь она не будет отвлекаться. Кстати, мы на месте.

Хранительница указала на дом с большой верандой, по которой прогуливался Донелли в компании рыжеволосого парня, поразительно похожего на Аду. Как две капли воды. Только черты лица жестче и волосы короткие.

— Это мой брат Рональд. Они с твоим другом уложились быстрее.

Дебра радостно помахала бывшему приставу. Её страшила перспектива оставаться с местными жителями наедине. Донелли чувствовал то же самое. На лице во всей красе отразилось облегчение. Парня, как и Дебру, облачили в белое. Но ему повезло больше: брюки и рубашка не выглядели нелепо.

— Добрый день, — поклонился близнец Ады. — Прошу. Арвида ждёт.

Хозяйка встретила в просторной светлой гостиной и пригласила к накрытому столу. Дебра назвала бы комнату уютной, если бы не приторные бело-розовые тона стен и мебели. Было в сочетании цветов нечто фальшиво-ласковое, как и в самой хранительнице. Появилось ощущение, что Арвида не жалуется гостей, но вынуждена изображать радушие. Она разливала душистый горячий чай, не переставая улыбаться, но зеленые глаза оставались холодными.

— Полагаю, вас удивляет отсутствие Ингрид, — заметила хранительница, ставя перед

гостями розовые чашки. — Не беспокойтесь, она в порядке. Вчера я отправила ее ночевать с тобой, Дебра. Подумала, тебе будет неудобно провести первую ночь в одиночестве. Теперь дочка вернулась ко мне. Она проходит обряд очищения и вынуждена ограничивать общение с окружающими.

— Какой обряд? — спросили гости одновременно.

— Ингрид долго жила вдали от дома и своего народа, — пояснила Арвида туманно. — Ей заново придется учиться быть одной из нас. Но, думаю, — хранительница расплылась в гордой улыбке, — много времени не потребуется.

Хозяйка замолчала, сосредоточив внимание на бледно-розовой вазе. Арвида вдруг решила, что белые цветы теряются за красными и принялась менять их местами. Пока она сосредоточенно ворошила букет, Дебра попробовала чай, чтобы не сидеть истуканом. Приятный вкус лесных ягод освежал и тонизировал. Успокаивал натянутые нервы. Однако когда хранительница озаботилась салфетками, сложенными, по ее мнению, не так, как следовало, гостя не выдержала.

— А мы? Что ждет нас?

— Некоторое время вам придется пожить здесь.

— Придется? — переспросил Донелли. Ему не понравилась категоричность хранительницы.

— Я подобрала неподходящее слово, — поправилась Арвида раздраженно. — Никто не станет вас задерживать. Но сейчас некуда торопиться, верно? Вы в бегах. Вас ищут опасные люди. Лучше остаться на Землях до возвращения владыки Квитона из делового путешествия. Он правит нашим народом последние десять лет. Только Квитон знает, что вам делать дальше. Пока же отдохните и набирайтесь сил. У нас обширная библиотека — она к вашим услугам. Если что-то понадобится, обращайтесь к близнецам. Я настроила Аду на тебя, Дебра, а Рональда — на Марко. Позовите их мысленно, и они придут. Извините, я вынуждена вас оставить. Заканчивайте завтрак и воспользуйтесь моим советом — погуляйте. Погода изумительная.

— Арвида, — окликнула Дебра хранительницу. — А наши враги? Они способны добраться сюда? Кассандра была одной из вас, должна знать дорогу.

— Это место спрятано от людей особыми чарами. Что касается Кассандры, то ключевое слово «была», — Арвида злорадно улыбнулась. — Предательнице путь сюда закрыт много лет. Она никогда не ступит на наши Земли.

Гости послушали Арвиду и после завтрака отправились на прогулку. Оба понимали: отношения переведены на новый уровень. Следовало многое обговорить. Они брели по посёлку, гадая, как Ингрид проходит упомянутый обряд. Дебра представляла заполненную паром сауну и ведунью на лавке, замотанную в полотенце. Но, разумеется, речь шла не об очищении тела. Ингрид сама однажды пошутила, что, живя в Бриладе, набралась людских недостатков. И все же Дебра жалела, что Арвида держит дочь на расстоянии. В школе они не дружили, но бывшая одноклассница — единственная ниточка, связывающая с прошлым.

Через четверть часа Донелли предложил перебраться в беседку, чтобы скрыться от местных жителей, странно реагирующих на гостей. Дебру с приставом провожали суровыми взглядами или демонстративно не замечали. Всех превзошел белобрысый в веснушках мальчишка, взобрался на забор и громко закричал, показывая пальцем: «Чужаки! Чужаки!»

— Не слишком хранители гостеприимные, — проворчал бывший страж, едва их с Деброй спрятали заросли дикого винограда, овившего стены беседки.

— Арвида сама бы выставила нас, будь это в её власти.

— Не сомневаюсь. Она фальшивит на каждом шагу. Считает себя выше людей.

Дебра горько засмеялась, остро ощутив, насколько шатка почва под ногами. Того гляди, сотрет с лица земли неведомая сверхъестественная сила.

— Простите, пристав, что втянула вас в это безумие.

— Я сам сделал выбор, — отрезал Донелли. — Называй меня Марко. Мы в одной лодке.

— Договорились.

Так, действительно, проще. Дебра посмотрела на волевое лицо с правильными чертами. Неужели, несколько дней назад она считала, что в синих миндалевидных глазах нет и проблеска интеллекта, а в груди застыл кусок льда?

— Расскажешь о снах? И остальном? — мягко попросил он.

Дебра пожала плечами: почему бы и нет. Донелли... то есть, Марко поставил на кон всё ради их с Ингрид спасения, а, значит, заслужил знать предысторию.

— Мне с детства снится один и тот же кошмар...

Шаг за шагом она поведала о злоключениях: космонавтке и медальоне, изменении снов, первом видении на озере. Слова лились легко. Бывший «надсмотрщик» слушал внимательно, не перебивая, а Дебре хотелось выговориться, озвучить страхи.

— Потом у Донни и Генри обнаружили Хайди, и мы оказались в изоляторе, — она увидела, как дернулся Марко. Поняла причину и замолчала.

— Когда ты узнала, что Ингрид... э-э-э... особенная? — спросил он с интересом.

— Не поверишь. В зале совещаний.

— Как ты вообще там оказалась?

— Я пряталась. Ой! — Дебра хлопнула себя по лбу. — Я от Кассандры убегала. Она появилась в коридоре с твоим напарником. Они о тебе говорили! Грант сказал ведьме, что ты его подозреваешь.

Обычно спокойное лицо Марко исказилось от гнева.

— Я застал напарника в хранилище лекарств. Он вскрыл упаковку витаминов для вашей группы. Мне показалось это странным. Потом Грант напал на Ралли. У нас ведь не было разрешения применять оружие.

— Но... но... — глаза Дебры расширились. Стой она на ногах, непременно бы упала. — Но все говорили... И Грант, и его дядя...

— Пустые слова, чтобы запугать вас. Мы не имели права пользоваться лучниками. Но Винсент сделал это, поставил оружие на полную мощность. Значит, Кассандра дала ему добро. Сам он на такое никогда бы не решился. Вся его напыщенность — бравада. Он был обычным трусом.

— Грант подменил лекарство, — прошептала Дебра, вспомнив слезы Иды Бригс. — Я думала, вы друзья.

Марко горько засмеялся.

— При других обстоятельствах я давно бы подал прошение о смене напарника. Но Винсент был племянником директора. Приходилось терпеть. Это прозвучит чудовищно, но я облегчение испытал, узнав о его смерти. Представить не мог, что Крафт в отместку устроит зверство.

Теперь помрачнела Дебра.

— Прости, — пробормотал Марко. — Знаю, они твои друзья. Среди них твой парень.

— Дилан — мой друг. Лучший друг.

— Я думал... — изумился бывший пристав.

— Все так думают, — оборвала Дебра. — Мы с первого класса неразлучны. Но мы как

брат и сестра, нежели... — она не договорила. Боль потери вновь дала о себе знать. На глаза навернулись слезы.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — Марко мягко взял ее за руку.

— Из-за твоей семьи?

— Да, — признался он хрипло. — У стражей много обязанностей. Самых разных. А я хотел стать именно приставом. Служить при медицинских центрах. Из-за гибели родных. Думал, принесу пользу людям, посвятившим жизнь борьбе с Хайди. Каким же я был глупцом!

— Ты не мог знать, что....

— Что мою семью убили?

— Нет! — запротестовала Дебра. — Это случайность.

— Ошибаешься, — сквозь зубы процедил Марко. — Узнав правду о вакцине, я много думал о прошлом. Ты знаешь, как становятся стражами?

— Нет.

— В спецшколы детей принимают в десять лет. Не всех подряд, а с набором необходимых качеств. Их определяют при помощи тестов — физических, психологических, интеллектуальных. Тестирование проходят все мальчики, живущие в ближайших секторах от столицы. Я подошел идеально. Но такое будущее не входило в планы семьи. Родители прямо сказали сотрудникам школы. По закону они имели право отказаться.

— Что произошло дальше? — спросила Дебра, когда Марко примолк, с головой погрузившись в горькие воспоминания. Синие глаза померкли. Потемнели.

— Дальше... Следующий тест на Хайди показал, что они больны. Вся семья. Мама, папа и Эйлин. Меня несколько недель держали на карантине. Отдельно от родных. Потом пришел мужчина в форме. С пустым холодным взглядом. Сказал, я здоров, а моим близким помочь невозможно. Он говорил безразлично, словно читал никому ненужный доклад с трибуны. Я слушал его и хотел убить. За то, что ему все равно... — Марко выпустил руку Дебры, не смог удерживать дрожащими пальцами. — Родных я больше не видел. Позже, во время учёбы, я получил официальное письмо с сообщением об их смерти и кремации.

— Ты думаешь, это случилось, потому что родители отказались отдать тебя в школу стражей? — спросила Дебра тихо.

— Уверен.

— Но убивать людей, чтобы заполучить одного ребенка...

— Дело не во мне. Все родители соглашались. Никто не спорил. А мои посмели.

— Марко, мне жаль.

— Отец был архитектором, — начав откровенничать, он не мог остановиться. — Сестра пошла бы по его стопам. Её не интересовали куклы. Эйлин играла с конструкторами и кубиками. Строила дома. А я... Ты не поверишь, кем хотел стать я. Мама работала администратором в ресторане. Я часто приходил туда после школы. Часами торчал на кухне. Шеф-повара называли господин Жак. Он был очень высокий с большим животом и закрученными усами. Ради блюд господина Жака люди приезжали со всех концов Каста-Беллы. Работники кухни привыкли, что я кручусь под ногами, и держали за младшего поваренка. Мне нравилось помогать готовить еду, особенно соусы. Я мечтал стать поваром, когда вырасту. Таким же, как господин Жак. Знаю, сейчас это кажется невероятным. Несбывшимся сном...

Марко замолчал, а Дебра не придумала, что ответить. Так они и сидели в тишине. В этом молчание было больше смысла, чем во всех словах на свете.

Прошла неделя. Дебра жила в доме, где провела первую ночь. Ада объяснила, что он много лет служит отелем для гостей без магических способностей. Но в последние годы люди на Земле навещались не часто. О причинах хранильница предпочла промолчать. Марко поселили на другом конце поселка. Отдали в распоряжение пустующий дом, сорвав с окон прогнившие доски. Всего жилищ Дебра насчитала семьдесят семь, заколоченными стояли тридцать.

Поселок занимал примерно пятую часть Земли. За ним тянулись луга, где жители пасли скот, и большой сад, за которым ухаживали все вместе. В окружении лесопосадок прятался пруд с чистой водой. Туда хранители ходили купаться, а питьевую воду качали из скважин. Чуть поодаль от жилых домов располагалось белое каменное строение с причудливыми башенками. Этажей в нём насчитывалось всего два, но оно стояло на холме и производило впечатление особенного.

— Это Храм, — с придыханием пояснила Ада. — Там проходят общие собрания и хранятся... впрочем, не важно, — она сообразила, что сболтнула лишнее, и закончила разговор. Вопрос о пустых жилищах и вовсе проигнорировала.

Как и обещала Арвида, гости почти не видели Ингрид. Только раз Дебра столкнулась с ней у гостиницы. Ведунья изменилась, взгляд стал отстраненным, а белые одежды превратили ее в неземное создание. Успокаивало одно: выглядела Ингрид здоровее. Появился румянец, печать усталости больше не тревожила мягкие черты.

— От Квитона нет известий, — сообщила ведунья будничным тоном. — Надеюсь, Ада тебе нравится.

Дебра пожала плечами. Такой Ингрид она не смела жаловаться на скрытность хранильницы и ожидание, сводящее с ума.

— Как твои дела?

— Хорошо. А как иначе? Я дома.

Дебра не знала, что думать. Ведунья всегда была не от мира сего. Но раньше она не походила на заводную куклу, в которую создатели не заложили чувства. Марко выругался в сердцах, узнав о «милой» светской беседе.

— Хранители нарочно глушат в себе всё человеческое. У меня от них мурашки.

Большую часть времени Дебра и Марко проводили вдвоем. Гуляли по серым лентам дорожек между цветочными клумбами. Читали на свежем воздухе. Общались, словно знали друг друга много лет. Но эти отношения не походили на те, что были у Дебры с Диланом. Ей в голову не приходило сравнивать Марко с оставленным в Центре лучшим другом. То было сокровенным и очень личным. А тут образовался союз людей, которых постигла общая беда.

Не сговариваясь, оба не обращались за помощью к Аде и Рональду. На вопросы брат с сестрой все равно отвечали уклончиво, только наводили тоску странной отрешенностью и загадочностью. Остальные жители поселка, по-прежнему, не обращали внимания на чужаков. Это тоже угнетало.

— Понятно, почему у них с гостями туго, — проворчал Марко, когда очередная группа местных жителей прошла мимо стройным рядом, глядя в другую сторону.

...Дело сдвинулось с мертвой точки на десятый день. Утром Дебру разбудила Ада.

— Пора, — сказала она одно единственное слово, стаскивая с гостя одеяло.

Та толком не проснулась, но сразу поняла: Квитон вернулся домой.

На встречу с хранителем, правящим волшебным народом, Дебра шла на ватных ногах. Отлично помнила слова Кассандры о «великой миссии» и не представляла, как она — обычная школьница из провинциального городка — может помочь людям со сверхъестественными способностями. Дебра не чувствовала в себе и намека на талант сворачивать горы. Превратиться бы в черепаху и спрятаться под панцирь!

Марко и Рональд поджидали на широком деревянном крыльце двухэтажного дома, снаружи ничем не отличавшегося от остальных жилищ. Бывший страж выглядел спокойным, как удав, лишь прищуренные синие глаза выдавали напряжение. Парень знал, что от предстоящей беседы зависела его жизнь. Арвида ясно дала понять: здесь ему не место. За пределами Земель он — преступник, солдат, предавший устав. Смертный приговор, наверняка, подписан. Дебра не сомневалась, взять парня приказано живым. Прежде чем убить, из него постараются выжать максимум информации. Любыми способами.

Провожатые остались снаружи. Дебра схватила Марко за руку, чтобы чувствовать себя увереннее. Экс-пристав не возражал, подарил подбадривающую улыбку. Просторная гостиная владыки встретила тишиной. Она была похожа на ту, что гости видели в доме Арвиды: овальный стол в окружении стульев с высокими спинками, диван у окна, книжные шкафы вдоль стен. Мебель отличалась разве что цветом, не бело-розовая, а светло-коричневая. У дальней стены стояла школьная доска с графиком, начерченным мелом.

— Мне не по себе, — пожаловалась Дебра сдавленным шепотом.

— Все будет хорошо.

Марко крепче сжал её пальцы, но она смутилась и высвободила руку. Подошла к доске, чтобы экс-пристав не увидел порозовевших щёк. Глазам предстали две линии с надписями.

Дебра ахнула.

Две линии? Всего лишь две линии?!

Волосы на голове зашевелились. Одна линия тянулась через всю доску. Вторая была короче, выходила из первой примерно посередине и дальше шла параллельно. На главной — ближе к концу — стояла жирная точка, над которой красовалась надпись: «Ньюман. Френсис». На второй линии точку расположили в самом начале. Там надпись гласила: «Хайди. Рид».

Марко присвистнул.

— Что это?! — перепугалась Дебра. Потрясло, что ее фамилия стояла рядом с названием болезни.

— Это первая ступень на пути к непростой истине.

Встревоженные гости не заметили появления нового действующего лица — мужчины в белом балахоне. Дебра представляла его другим: дедушкой с глубокими веселыми морщинами, выцветшими мудрыми глазами и бородой по пояс. Владыка оказался значительно моложе, нежели рисовало воображение. Лет пятьдесят, не больше. Он был высок и худ, седые волосы волной лежали на острых плечах, черные, немного навывкате, глаза взирали с легким любопытством. Борода, правда, присутствовала, но куцая.

— Доброе утро. Я — Квитон. Присаживайтесь. Какой предпочитаете чай: зеленый, черный, белый? Не стесняйтесь, — улыбнулся хранитель, заметив, что гости, хоть и расположились за накрытым к завтраку столом, к трапезе приступать не спешат.

— Простите, — Дебра спрятала трясущиеся руки. — Кусок в горло не лезет.

— Понимаю, — владыка перешел на деловой тон. — Тебе не терпится задать вопросы, особенно о доске. Но сначала следует обсудить положение дел с приставом Донелли.

На лице Марко появилось хорошо знакомое по Центру выражение сурового безразличия.

— Мне выйти? — спросила Дебра.

— Нет. Твое присутствие нам не мешает, — хранитель подмигнул ей и обратился к бывшему стражу. — Я наслышан о вашем смелом поступке, юноша, и крайне признателен. Однако, — Квитон отхлебнул из большой чашки ароматный мятный напиток, — мы не планировали вашего появления. Дебра — другое дело. Она часть этой

истории. Много лет.

— Хотите, чтобы я покинул ваши владения? — подытожил Марко.

— Для всех вы преступник, пристав Донелли, — густые брови владыки выразительно приподнялись. — Вас повсюду ищут. В благодарность за помощь я готов переправить вас в безопасное место, где вы начнете жизнь с чистого листа. Дам новое имя. И новую внешность.

Марко вздрогнул, едва не задев чашку с горячим чаем.

— Я не изменю черты лица. Создам оболочку, чтобы люди видели вас иначе, — объяснил Квитон, пряча улыбку. Его позабавил обескураженный вид гостя. — Вы станете неузнаваемы для врагов. Если согласны принять помощь, ступайте к себе и ждите меня. Это хорошее предложение. Вы получите свободу. А главное — безопасность.

Дебра слушала и мрачнела. Владыка говорил дело. Однако ей не хотелось отпускать бывшего стража. Всё вокруг и так стремительно менялось. Но, неужели, она настолько эгоистична? Неужели, ее проблемы и желания важнее безопасности Марко?

— Что скажете? — поторопил притихшего парня хранитель. — Двадцать четыре года — хороший возраст, чтобы начать всё сначала.

Марко внимательно разглядывал лицо Квитона, ища подвох.

— Я хочу услышать альтернативный вариант. Он существует, верно?

— Верно. Но он лишит вас и свободы, и безопасности. Вы можете присоединиться к нашей, простите за пафосное слово, миссии. О ней я расскажу, если вы твердо решите остаться. Понимаю, покупать kota в мешке неприятно, но выбор редко бывает легким.

Марко засмеялся.

— Ошибаетесь, этот выбор не сложен. Разумеется, я остаюсь.

— Даже если придется рисковать жизнью?

— Я был стражем. Меня с детства учили идти на риск, не объясняя причин.

— Зачем вам это? — продолжил допытываться Квитон. — Не многим дается второй шанс. Шанс обрести свободу. А вы так легко отказываетесь.

— Я никогда не обрету свободу, — ответил Марко сурово. — Никогда не переступлю через ложь, которой меня пичкали. Не забуду, как умерли близкие. Остаться в стороне я не смогу.

Дебра смотрела на парня с восхищением. Хотелось и плакать, и улыбаться. Какой же он смелый!

— Спасибо, — поблагодарил Квитон сухо. — Я не сомневался в вашем решении, но хотел услышать подтверждение.

— Вы знали, что он останется? — рассердилась Дебра за устроенную проверку.

— Так предначертано. Мы знали, что ты появишься на Землях в компании молодого человека. Предполагали, это будет Дилан Эймс. Однако жизнь непредсказуема, — владыка налил себе новую порцию чая. — Раз с этим покончили, ответьте: вы готовы приступить ко второму акту?

Дебра хмуро кивнула. Упоминание Дилана царапнуло душу острой иглой. Марко промолчал. Не мог решить, сердиться на владыку или не стоит.

— Что вы думаете о времени? — оговорил неожиданным вопросом Квитон.

Гости обменялись недоуменными взглядами. Дебра пожала плечами.

— Не знаю, с какой стороны подступиться к теме, — выразил общую мысль Марко.

Квитон погладил короткую бороду.

— Давайте порассуждаем. Чисто теоретически. Представим, что время — это не то, что случилось, случится и случается у нас на глазах. Это нечто, живущее по законам, нарушение которых чревато серьезными последствиями. Будущего не существует, потому что мы его не создали. Прошлое — это не история, вырезанная в камне, а хрупкий, легко разрушаемый материал.

Глаза владыки заискрились от возбуждения, но гости не проявляли интереса.

— Объясню проще, — хранитель вздохнул с видом учителя, которому в сотый раз приходилось рассказывать один и тот же материал. — Возьмем обычного человека. Он родился, живет, взрослеет. Каждую минуту совершает поступки, влияющие на его жизнь, а иногда и на жителей всей планеты. Пример. Наш обычный человек шел по улице, засмотрелся на забавную рекламу с надувным слоном. В результате споткнулся, сломал ногу и попал в больницу. Там он встретил красавицу-медсестру, они влюбились, поженились, и у них родился сын, которому в будущем предстоит стать ученым и изобрести лекарство от всех болезней.

— Ну и предназначение! — восхитился Марко.

— В этом вся соль! — обрадовался проснувшемуся интересу владыка. — Но что случится, если в эпохальное утро мужчина проспит? Он будет страшно спешить. Не останется времени разглядывать слона. Это исключит из уравнения и сломанную ногу, и больницу, а, значит, гениальный сын не родится.

— Но та медсестра не единственная женщина на свете.

— Именно! Наш герой женится на официантке из кафе, где каждый день обедает. Она родит ему другого сына, который станет не ученым, а слесарем. Или дочь — бухгалтера. Не важно! Главное, лекарство от всех болезней не изобретут. Я сейчас утрирую. Но хочу, чтобы вы уловили суть: насколько одна деталь, один единственный поступок способен повлиять на ход истории. А теперь представьте: то же самое происходит не в настоящем, а в прошлом.

— Но прошлое — это прошлое, — возразила Дебра.

— А вы представьте, что можете вернуться назад во времени и изменить определенное событие. Марко, что бы сделал ты?

— Предотвратил гибель семьи, — выпалил бывший пристав без раздумий.

— Верно. Но к чему бы это привело? Мне сейчас не с кем было бы разговаривать. Ты бы готовил завтраки в ресторане, а Дебра с Ингрид погибли в Центре. Видите, как всё сложно, — подчеркнул владыка назидательно. — Нельзя предугадать, к чему приведет изменение прошлого. Даже благородные намерения способны вызвать катастрофу.

— Звучит устрашающе. Но мы говорим об этом чисто теоретически...

— А если нет? Если путешествие во времени возможно? Если существуют ключи времени, позволяющие вернуться в прошлое, а задача хранителей — беречь их?

— Это невозможно! — вскричала Дебра.

Всему на свете был предел. Даже волшебству.

— Нет ничего невозможного, — возразил владыка. — Знаю, вы потрясены, но мне придется шокировать вас сильнее. Один из семи ключей времени попал в чужие руки. Случилось это не сегодня и не вчера. И не год назад. Мы с вами много лет живем в альтернативной реальности. Поступок похитителя ключа полностью изменил ход истории, повлиял на судьбы всех живущих на Земле людей. И на ваши — не в последнюю очередь.

Глава 11. Ньюман и Фрэнсис

— Допей чай, Дебра. Он на травах — успокаивает.

Прошло несколько минут, как Квитон огорошил гостей новостью. Сначала Дебра и Марко не поверили владыке, но поняв, что тот не шутит и не устраивает новую проверку, испугались всерьез. Даже страж, привыкший смотреть в лицо опасности. Хранитель решил повременить с очередными откровениями и ждал, пока первая волна потрясения спадет.

— Простите, — Дебра отодвинула недопитый чай. — Но это... это...

Подобрать подходящие к ситуации слова не получалось. Лучше выбежать на улицу, раскинуть руки и закричать, срывая голос.

— Реальность, в которой мы живем, ненастоящая? — обрел дар речи Марко.

Квитон поставил пустую чашку на стол и сложил ладони домиком.

— Реальность не может быть ненастоящей, раз мы рождаемся в ней, живем и умираем. Но она — неправильная. Взгляните на доску. Длинная линия — это первая реальность. Человек, укравший ключ, жил в ней, но однажды вернулся в прошлое и изменил одно событие. Перемена оказалась столь значительна, что произошел временной разрыв. Образовалась новая реальность. На доске это вторая линия. Она выходит из первой и идет параллельно ей. Это наш с вами мир.

— Какое событие он изменил? — Дебра не могла оторвать взгляд от доски.

Две линии. Всего лишь две черты, нарисованные мелом!

— Это главная проблема нашей миссии, — покался Квитон. — Мы знаем дату вмешательства, но не само событие. Случилось оно восемнадцать с лишним лет назад.

Марко взволнованно всплеснул руками.

— Восемнадцать лет назад началась эпидемия Хайди! У вас и на доске написано!

— Не нужно кричать, — попросил владыка. — Хайди имеет отношение к нашей проблеме. Но всё сложнее. Вы знаете историю появления болезни? — осведомился он тоном, будто сомневался в просвещенности гостей.

— Вирус привезла из космоса экспедиция на корабле «Прометей», — торопливо ответила Дебра. Вопрос покорибил, напомнив, что учителя всегда считали ее не слишком сообразительной. — Каждый школьник знает дату — 19 декабря 2073 года.

— Правильно, — Квитон поднял вверх указательный палец. — В этом и загадка. Хайди, без сомнения, последствие вмешательства похитителя ключа в ход истории. Однако разрыв во времени произошел за четыре месяца до эпидемии — 21 августа 2073 года. Космонавты, заразившиеся первыми, тогда находились за пределами солнечной системы.

Дебра жаждала ущипнуть себя и проснуться. Всё это не могло быть правдой. Разве возможно, чтобы целый мир, каждая привычная деталь вокруг — ошибка истории? А как же люди? Живые люди из плоти и крови? Они тоже ошибка?

— Мы не просто охраняем ключи, мы — хранители времени, — продолжил Квитон. — Каждый из нас обладает силой. Она не равнозначна. Самым могущественным был Элиот — мой предшественник. До его способностей даже мне далеко. Превзойти его по силе мог лишь один из нас. Одна...

— Кассандра Гордон, — подсказала Дебра.

— Да. Кассандра, — голос хранителя дрогнул, но он быстро взял себя в руки. — Большинство наших современников успело пожить в первой реальности. Но мы ничего не помним, это знание безвозвратно стерлось. Однако владыка Элиот обладал столь мощными чарами, что они позволили ему — и только ему одному — сохранить память о

первой линии бытия. Восемь лет он пытался выяснить, что случилось в тот августовский день. Работал, искал ответы, скрывая правду от всех. Лишь зная, что умирает, поведал тайну нескольким из нас, чтобы мы могли продолжить дело.

Голос хранителя понизился до шепота, и Дебра представила полутемную комнату, старинную кровать с пологом, дряхлого старца на ней. Усталое лицо изрезали глубокие морщины, оно походило на гипсовую маску, созданную неумелой рукой. Старик из последних сил поманил дрожащим пальцем мужчин в белых одеждах. Но они не торопились выполнять приказ владыки, понимали: его откровения перевернут их жизни.

— В чем заключается... хм... миссия? — Дебра заставила наваждение сгинуть. — Нужно вернуться в прошлое и не дать похитить ключ?

— Ни в коем случае, — отрезал Квитон, став похожим на Арвиду на крыше центра — грозным и опасным. — Любое изменение чревато новыми разрывами.

— Значит, надо помешать путешественнику, когда он будет переписывать историю, — догадался Марко и, получив довольный кивок от владыки, спросил. — Кто он?

— К созданию альтернативной реальности причастны шестеро. Их личности я пока оставляю в секрете, хотя с единственной дамой в компании вы успели познакомиться.

— Присцилла Грей, — процедила Дебра.

Мерзкая обманщица! Как ей удастся пускать пыль в глаза миллионам людей по всей Земле? Она фальшивит на каждом шагу, но все безоговорочно верят!

— Почему до сих пор никто из хранителей не отправился в тот августовский день? — спросил Марко.

Лицо владыки помрачнело.

— В нашем распоряжении шесть из семи ключей. Пять способны пустить в прошлое любого хранителя или человека, но лишь в пределах альтернативной реальности. Шанс миновать разрыв есть. К этому вопросу я вернусь позже. Пока же предлагаю еще раз посмотреть на доску. Я расскажу, почему там написано название болезни и фамилия Дебры.

Гости не возражали. Обоим не терпелось услышать рассказ. По очень личным причинам, пусть и разным.

— График и надписи сделал владыка Элиот, — начал Квитон, болезненно морщась, и Дебра заподозрила, что его гложет зависть. Главному хранителю неприятно осознавать превосходство предшественника.

Квитон объяснил, что точка на первой линии относилась к 2085 году. Ранней весной произошло событие, которое назвали мировой катастрофой. В исследовательском центре Каста-Беллы трудилась группа ученых. Они экспериментировали с вирусами. Серьезной угрозы для людей те не представляли. Но случилось непредвиденное. Молодой ассистент допустил ошибку и случайно создал новый вид вируса — смертельно опасный и быстродействующий. Он отключал один орган за другим и не поддавался лечению. В лучшем случае, удавалось контролировать болезнь. Звали юношу Сильвио Ньюман. Его фамилия и подарила название вирусу.

— Ньюман? — переспросил Марко изумленно. — Но вы описали Хайди!

— Верно. У нас болезнь называли именно так. В чью «честь», не знаю. Главное, в альтернативной реальности вирус появился на двенадцать лет раньше. Вдумайтесь! Недуг, случайно созданный в лаборатории в 2085 году, поразил человечество здесь в 2073-м! Вирус попал к нам вовсе не из космоса. Путешественник доставил в прошлое и вирус, и вакцину, чтобы защитить главных участников «переворота». Остается загадкой, почему эпидемия началась месяцы спустя и поразила космонавтов, вернувшихся из дальней экспедиции. Никто из наших шестерых неприятелей не связан с Гивиреной.

— Может, путешественник затаился и ждал подходящего момента? — предположил Марко.

— Нет, — Квитон покачал головой. — В прошлом можно находиться не больше двух месяцев, затем бы негодяя вышибло назад. Здесь что-то иное.

— В первом мире победили болезнь? — голос пристава дрогнул. Всё, что касалось Хайди, давалось тяжело.

— Победили. Погибло восемь тысяч человек, еще сорок семь тысяч стали подконтрольными. Трагично. Но это не миллионы жизней, как у нас. Вакцина поставила жирную точку в борьбе с вирусом. Мы мало знаем о её создателе. Элиоту была известна лишь фамилия — Фрэнсис. В нашем мире мы не сумели отыскать героя. На Земле живут сотни людей с такой фамилией, но ни один не подходит на роль создателя вакцины. Кто знает, насколько разрыв во времени повлиял на судьбу этого человека. Помните историю о надувном слоне? В нашем мире Фрэнсис мог не стать ученым, способным создать спасительное лекарство.

Дебра поежилась. Как страшно. У человека было предназначение — спасти миллионы жизней. Но некто злой и беспощадный одним единственным поступком всё перечеркнул.

И вот, ты никто. Несостоявшийся доктор и не подозревает, какая роль ему отводилась изначально.

— У вас есть вакцина, верно? — спросила Дебра Квитона. — У Ингрид иммунитет к Хайди.

Некрасивое лицо владыки озарила довольная улыбка.

— Дело не в вакцине, а в нашей крови. Хранителей не способны поражать человеческие болезни. Даже Хайди. Зато ты не миновала процедуру.

— Вероятно, раз не заразились, — гостя небрежно повела плечами. — Но я понятия не имею, когда меня привили.

Дебра сама до конца не понимала, почему скрывает от Квитона заботу старых друзей матери. Владыка и его волшебный народец пока не заслужили доверия.

— Так что на доске делает моя фамилия?

Как же страшно было услышать ответ, но прятать голову в песок не имело смысла.

— Десять лет назад ты стала главным персонажем нашей миссии, — в голосе владыки вновь зазвучал неуместный пафос. — Не смотри сурово, Дебра, не я писал этот сценарий. Я выполняю волю великого предшественника. Элиот тоже не желал взваливать ответственность на твои хрупкие плечи.

В глазах Квитона зажегся огонь, как у полководца, готового вывести войско в судьбоносный бой.

— Я говорил: ключей — семь. Один украден, пять для решения задачи не годятся. Открыть дверь в прошлое за пределом временного разрыва способен лишь седьмой ключ — самый могущественный: медальон с голубым камнем. Подчиняется главный ключ времени исключительно владельцу. В руках остальных он способен на крохи магии. Медальон сам выбирает хозяина. Предпоследним был владыка Элиот. Ключ подсказал ему имя следующего избранного. Того, с чьей помощью откроет дверь в прошлое.

— Почему я?! — запротестовала Дебра. — Ведь я... я...

На языке крутились десятки возражений, но Квитон обобщил их в одно — наиболее значимое для себя.

— Человек. Для нас это потрясение. Медальон всегда выбирал хранителей. Из верховных, а еще чаще — владык. Но с волей главного ключа невозможно спорить. Он принял решение, нам остается принять его со смирением.

— Вы говорите о ключе, будто он живой, — возмутился Марко.

— Медальон обладает разумом, — подтвердил Квитон. — Относитесь к нему почтительно.

Дебра истерически рассмеялась. Она не подписывалась на участие в спасательных операциях! Это у владыки и его народа сверхъестественные способности. Пусть сами разбираются с дырами во времени! А она хочет домой. Чтобы стать скромной единичкой в серой массе обычных людей.

— Не буду я открывать никакие двери! — оповестила Дебра Квитона. — Это не моя забота.

— Будешь, — владыка глянул исподлобья, не щадя чувства гостя. — И дверь откроешь, и в прошлое отправишься. Если не хочешь превратиться в убийцу человечества.

— Не смейте... — на глаза навернулись обжигающие слёзы.

— Мне жаль, девочка, но медальон подчинится тебе одной, — Квитон сбавил обороты, однако говорил сурово, явно не испытывая сочувствия.

— Только мне? — переспросила Дебра, распаляясь. Злость — отличная штука, даже рвущиеся наружу рыдания способны отступить. — Неправда! Владыка Элиот сам мог попасть в прошлое! У него были годы в запасе!

Марко переводил напряженный взгляд с хозяина дома на Дебру.

— В одну воду невозможно войти дважды, — изрек хранитель многозначительно. — Так и со временем. Нельзя несколько раз отправляться в одну и ту же точку. Есть одна единственная попытка. Элиот не мог рисковать. Следовало выяснить, что и по чьей вине произошло. Увы, владыка не успел. Мы продолжили его дело. Собирали информацию и ждали, пока ты подрастешь.

— Теперь вы считаете её достаточно взрослой? — спросил Марко с вызовом.

Хранитель выдержал прожигающий взгляд.

— Не считаю. Дебра остается ребёнком. Но ждать дальше нельзя. У времени свои законы. Оно не терпит вмешательства и отчаянно сопротивляется. Рано или поздно альтернативная реальность уничтожится, как нечто чужеродное и противоестественное. Вместе с человечеством. Сейчас я не утрирую. Нам дается шанс стереть поступок похитителя ключа. Но сделать это можно в течение девятнадцати лет. Затем дверь в прошлое закроется навсегда. Даже медальон не поможет.

— Эти девятнадцать лет...

— Истекают 21-го августа, — закончил владыка похоронным тоном.

— Мы все умрём? — бывший пристав перешёл на зловещий шепот.

— Умрём. Но не сразу. Наша вселенная просуществует какое-то время. Пять лет. Десять. Точно никто не скажет. А потом... — владыка сделал паузу. — Потом две реальности столкнутся.

Марко закашлялся, подавившись остывшим чаем.

— Процесс запущен, — продолжил Квитон как ни в чем ни бывало. — Первая реальность уже врывается в наш мир. Видения детей и смерти без причин — её проявления. Но разъяснения придётся отложить, — Квитон поднялся из-за стола и подошёл к книжному шкафу. — Есть более насущная проблема.

Дебра и Марко обменялись хмурыми взглядами, предчувствуя новые потрясения.

Владыка вернулся с фотографией космонавтки, украденной из сейфа профессора Тревиса.

Положил снимок перед гостями.

— Вы знаете, кто она? — взволнованно спросила Дебра, глядя в серые насмешливые глаза «несуществующей» спутницы из многолетних снов.

— Нет. Раньше я не воспринимал её всерьёз. Считал образом, созданным медальоном

для общения с тобой в сновидениях. Но фотография меняет дело.

— Арвида сказала, она может быть «оттуда», — вернул Марко, а Дебра зачастила:

— Две реальности способны пересекаться в снах? Космонавтка шутила о параллельных вселенных. Ведь наши миры так непохожи...

— Дебра, — Квитон поднял ладонь, чтобы заставить взбудораженную гостью умолкнуть. — Твоя теория правдоподобна. Тень ровесницы из исчезнувшей реальности — отличное связующее звено. Но, — владыка ткнул пальцем в снимок, — фотография не плод воображения. Она часть нашей вселенной. Значит, девушка тоже. Нужно установить ее личность.

— Как? — Дебра не удержалась от иронии, раздумывая, что предложить: на кофейной гуще погадать или на картах.

Ответил не хранитель, а Марко.

— Тревис.

Дебра ахнула. Несколько дней назад она рвалась разыскивать профессора, рискуя жизнью.

Теперь идея пообщаться с психологом показалась безумием.

— Как ты это представляешь? Придем к Тревису в гости и спросим? Мы в бегах, не забыл? Нас ищут!

— Не забыл, — отчеканил бывший пристав. — Но наша безопасность не единственная проблема. Вряд ли профессор захочет откровенничать. Фотография хранилась в сейфе. Тревис предпочитал, чтобы ее не видели.

— Тем более не стоит идти к Тревису!

— Вам придется, — вмешался в спор Квитон.

— Нам? — переспросила Дебра. — Только нам?

Она почувствовала по интонации владыки, что ни он, ни другие хранители не присоединятся к беседе с психологом.

— Вам двоим, — Квитона не трогал гневный взгляд. — И Ингрид. Она завязана на тебе, Дебра. Долгие годы исполняла поручение, не задавая вопросов. Настало время ввести ее в курс дела. Арвида воспротивится, но это моя забота.

— Как мы доберемся до профессора? — не сдавалась Дебра. — Где его найдем?

— Я бывал у Тревиса дома пару раз, — объявил Марко. — Отвозил документы на подпись.

— Но мы....

— Дебра, хватит! — остановил поток возражений Квитон. — Не беспокойся о безопасности встречи. Это мы организуем. Твоя задача — войти к профессору в доверие. Пока не разберемся с мнимой космонавткой, не получится двигаться дальше.

Дебра не знала, какое из чувств сильнее: леденящий душу страх или злость на весь свет. И хранителей заодно. За то, что смеют перекладывать ответственность!

— Не хочу! Не могу! Не буду! — твердила она, обхватив горячую голову руками.

— Не пойдешь к профессору? — спросил Марко, присаживаясь рядом на широкие веревочные качели во дворе гостиницы. Он не рискнул оставить девушку одну после разговора с Квитоном.

Подул ветер, попытался остудить раскрасневшиеся щеки Дебры, но они все равно горели огнем негодования. Мир пошатнулся давно. В день, когда у Генри и Донни обнаружили Хайди. Но сегодня стало в стократ хуже. Неустойчивая земля под ногами превратилась в

отвесную стену без единого выступа, за который можно зацепиться. Дебра падала в пропасть. И никто — абсолютно никто — не собирался протягивать руку. Даже Марко. Ведь у него свои мотивы.

— Почему я? С какой стати? Они — хранители, пусть сами латают временные разрывы, раз такие растяпы! Не я ключ проворонила! Меня и на свете не было. Это нечестно!

Дебру охватило отчаянье. Слишком много пройдено и прожито. Целая жизнь уложилась в несколько бесконечных, наполненных потрясениями, недель. Она устала. Забиться бы в теплое уютное местечко, где ее оставят в покое.

— Я хочу домой, — Дебра уткнулась подбородком в колени. Перед глазами встала Делинда в последнюю встречу в изоляторе в Бриладе. Дебра не была близка с родителями. Но сейчас чувствовала себя брошенной и одинокой как никогда прежде. — Почему мама с папой уехали? Почему оставили меня? — жалобно всхлипнула она.

Марко посчитал вопросы риторическими.

— Я всё понимаю, — заверил он мягко. — Врагу не пожелаешь отвечать за судьбу человечества. Тем более, в семнадцать лет. Но если кроме тебя некому?

— Я тоже понимаю, Марко! — выпалила Дебра, обидевшись на бывшего пристава. Наплевать на последствия жестоких слов. С её чувствами тоже никто не считался. — Ты хочешь вернуть семью, поэтому убеждаешь меня участвовать в миссии! Тьфу! Что за слово дурацкое!

— Да, хочу, — Марко не отрицал очевидное.

— Тогда сам встречайся с профессором! Ищи ответы! Путешествуй во времени! И не впутывай меня!

— Квитон считает, медальон подчинится тебе одной.

— Подумаешь! — скривилась Дебра, вспомнив назидательно-пафосное лицо главного хранителя. — Он был уверен, что космонавтка — моё подсознание. Где гарантия, что владыка снова не ошибается?

— В тебе говорит страх.

Дебра в сердцах ударила парня кулаком в плечо.

— О, да! Ты не боишься! Но ты был стражем, а я — школьница! Имею право быть слабой! Взрослые люди со сверхъестественными способностями не могут ничего сделать. А я одна должна суметь... — она замолчала, почувствовав, что вот-вот расплачется от безысходности. Громко. По-детски.

— Ты не одна, — Марко осторожно взял ее за руку. Дебра исподлобья смотрела, как он гладит пальцы, но не сопротивлялась. — Я обещаю, что не оставлю тебя до самого конца, чего бы мне это ни стоило. Даже если придется умереть.

ДО САМОГО КОНЦА....

Дебра вздрогнула. Было в трёх словах что-то знакомое, заставившее сердце заныть и забиться быстрее.

Воспоминание ударило взрывом боли.

«Они не дождутся от нас слабости. Обещай мне, Дебра Рид, что не сдашься до самого конца».

Это сказал Дилан в изоляторе. За миг до симптома Хайди. Дебра представила покрытое веснушками лицо. Пожелала, чтобы друг улыбнулся, а в глазах забегали привычные чертята. Но Дилан смотрел сурово, осуждающе. Всё правильно! Она заслужила и гнев, и презрение. Бросила друга в Центре. Больного и беспомощного! Оставила на растерзание Кассандры! А сама ноет и просится домой. Делает вид, что предательства не было.

Подступающие к горлу слезы исчезли. К чувству вины присоединился гнев. На себя. У

нее нет права бояться и отступать, раз бросила Дилана и остальных одноклассников, предпочла остаться свободной и живой. Нужно платить за подарки судьбы.

Дебра посмотрела в глаза Марко, не подозревавшему о бушующих в душе страстях.

— Хорошо, я пойду к Тревису, — она высвободила руку и зашагала прочь. Не хватило духа объяснить причину решения. Шла к гостинице и шептала: — Я помню обещание, Дилан. Я была слабой. Но это не повторится.

Дебра осознала важную вещь. Если переписать историю, Хайди не будет. Не только родные Марко останутся живы. Дилан тоже не заболеет! Она перечеркнет предательство. Всё исправит и вернет лучшего друга!

Глава 12. Нейтритизатор «Б»

— Профессору, как и всем сотрудникам Центра, полагаются два выходных в неделю. Но он берет один — по пятницам, чтобы быть в строю в субботу и воскресенье, когда большинство коллег отдыхает, — объяснял Марко. — В остальные дни Тревис допоздна задерживается на работе. Живет один. Не женат, детей нет.

Они сидели в гостиной Квитона всемером: хозяин дома, Дебра, Марко, Ингрид с матерью и два седовласых верховных хранителя. Оба выглядели чересчур важно, всем видом давали понять: лучше нас ни о чем не спрашивайте, пока мы сами с вами не заговорим. Одного звали Домиан, он был тощ и бледен. Второй — Калиб, наоборот, отличался полнотой и ярким румянцем.

Наведаться к Тревису решили в ближайшую пятницу. Квитон не хотел тратить драгоценное время. Марко рвался в бой. Дебра смирилась с неизбежным. Ингрид смотрела на происходящее беспристрастно, будто ее всё это не касалось. А ведь она узнала о временном разрыве накануне! Зато мать ведуньи нервничала за двоих. Обиженно поджимала губы и гневно косилась на владыку.

— Как мы доберемся к Тревису? — Дебру удивляло, что эта часть плана не вызывает у хранителей беспокойства.

Хозяин дома печально вздохнул, а на вопрос ответила Ингрид.

— Ты продолжаешь мыслить однобоко. Мы доберемся так же, как попали сюда. Перенесемся. Это место особое, путь лежит через Врата. Главное, сфокусироваться, и окажешься где угодно. Хоть возле дома Тревиса, хоть на обратной стороне планеты.

В другой момент Дебра оскорбилась бы за высокомерный тон, но сейчас обрадовалась, услышав в голосе ведуньи эмоции. Настроение самой Дебры после памятного разговора с Квитоном (не верилось, что прошло три дня!) менялось постоянно. То она была готова действовать сию же минуту, то жаждала, чтобы разрыв во времени оказался очередным дурным сном. С Марко они почти не разговаривали. Парень не досаждал. Но это не мешало ему нести вахту у гостиницы. На всякий случай.

— Ингрид, ты сказала «возле дома»? — уточнил бывший пристав. — Не внутри?

— Хранители не способны проникать в здания. Могли бы и догадаться после Центра.

Дебра поджала губы. Верно, в ночь побега ведунья призвала мать, оказавшись на свежем воздухе. Но Ингрид не стоило ерничать. Они втроем в одной лодке. Или благодаря обидным нападкам на других, ведунья пыталась справиться со страхом?

— У вас будет час, — подчеркнул Квитон. — Дольше отводить глаза окружающим мы не сможем. За профессором следят, и это началось не вчера. Тревиса «опекают» не по распоряжению Центра. Берите выше.

— Присцилла? — спросила Дебра с ненавистью.

— И еще пять человек.

— Квитон, дело принимает нехороший оборот, — вмешался в разговор советника Калиб.

Дебра не была в восторге от обоих верховных хранителей. Но Калиб ей нравился меньше остальных обитателей Земель. Он постоянно потел и не расставался с платочком, которым вытирал лоснящийся лоб. Раздражала и его манера говорить. Голос всегда звучал назидательно. Хуже, чем у Арвиды с Квитоном вместе взятых.

— Что ты хочешь сказать, Калиб? — владыка глянул на советника, как на назойливую муху.

— В последнее время у нас много сюрпризов, — ничуть не смутился помощник, явно не считая Квитона авторитетом. — Сначала девушка из снов оказалась реальной. Теперь профессор чем-то не угодил шестерке. Какие еще открытия нас ждут?

Глаза главного хранителя нехорошо сверкнули.

— Ты критикуешь меня, Калиб? — спросил он прямо.

— Нет, владыка, — отвесил легкий поклон советник. — Высказываю опасения.

— Перечисленные «сюрпризы» не грозят проблемами, — ответил Квитон ледяным тоном. — Мы соберем недостающие кусочки мозаики. Личность космонавтки прольет свет на многое.

— Не слишком ли громко сказано? — подлил масла в огонь другой советник Домиан. — Мы потеряем время на поиски. Не лучше ли действовать по готовому плану? Что мы вообще знаем о Тревисе? Где гарантия, что он не шпион шестерки?

Дебра удивленно посмотрела на верховных хранителей. Она считала, здесь все подчиняется владыке беспрекословно. Однако в отношениях этой троицы не наблюдалось и намека на согласие. И Калиб, и Домиан сами не против покомандовать.

— Я лично проверял биографию Тревиса, — отрезал Квитон. Ему не пришлось по вкусу, что помощники перечат при посторонних. — Профессор производит впечатление порядочного человека.

Марко, разочарованный в Тревисе, криво усмехнулся. Дебра наострила уши. Она была не прочь узнать подробности жизни психолога.

— Рассел Тревис родился в 2056 году в Каста-Белле, — начал рассказ Квитон, нарочно повернувшись спиной к советникам. — Родители конструировали звездолеты, он с малых лет бредил космосом. Посвятил школьный выпускной проект программному обеспечению космических кораблей.

Марко присвистнул, Дебра открыла рот от изумления. Профессор и космос?! Ну и ну!

— Планы пришлось менять, — продолжил владыка, довольный всеобщим вниманием. — Космос закрыли в год, когда Тревис закончил школу. Он поступил в медицинский университет. Углубленно изучал психологию, психиатрию, фармакологию, педагогику и еще пару наук.

— Полный набор, — проворчал Марко.

— Ваш профессор полиглот. И смельчак. В мире происходили глобальные изменения. Быть слишком образованным не приветствовалось. Политики с трибун твердили, что Хайди — детище прогресса. Нашлось немало сторонников идеи. Говорили: если бы человечество не рвалось покорять непознанное, катастрофы б не случилось.

— Со стороны Тревиса — это не смелость, — воспротивился Марко. — После реформ человечество остановилось в развитии. Но в мире, по-прежнему, хватает гениев. Они сидят в нужных креслах и стараются, чтобы простые люди не задавали лишние вопросы.

Дебра уважительно посмотрела на Марко. Сама она раньше мало задумывалась, какой стала жизнь на планете из-за Хайди. Всё вокруг, действительно, делалось для того, чтобы люди верили увиденному на экранах телевизоров и прочитанному на страницах газет. Как умно! И как ужасно!

— Тревиса не сажали в нужные кресла, — возразил владыка. — Он всю жизнь занимает должности, не соответствующие интеллекту и опыту. Профессору связывают руки, чтобы не подпустить к главным секретам.

— Он знает о вакцине! — возразил Марко, вспомнив семью. — Знает, и ничего не делает!

— Ты не прав, — опередила Дебра Квитона. — Я слышала, как Присцилла насмеялась над Тревисом. Сказала: он продолжает бороться, хотя знает, что война проиграна. Профессор работает на них, но он не совсем с ними.

— Когда вас собирались заразить Хайди, Тревис отказался помочь.

— Знаю. Тревис сказал, что не в силах спасти весь мир. Но профессор нам не враг. Нужно убедить его, что в мы в силах покончить с Хайди. Не обязательно рассказывать всю правду. Он видел, на что способны хранители. Понимает, какие серьезные люди за

нами охотятся. Тревис сам их не выносит.

Марко промолчал, не желая доводить спор до ссоры. Зато предложением Дебры остался доволен Квитон: поднял большой палец.

Накануне вылазки к Тревису Дебра не могла уснуть. Страх липкой паутиной опутывал сердце. Лёжа в постели и глядя в темный проём окна, она задумалась о прошлом семьи. Родители говорили, что до Брилады жили в крупном мегаполисе. Теперь дочь считала, что прежним местом жительства Алана и Делинды была столица. Дебра не забыла об обвинении, брошенном матерью в лицо отцу в библиотеке: «Ты погубил планету!» Мысль пугала до колик, но, чем больше она думала, тем крепла уверенность, что речь о Хайди.

Проворочавшись с боку на бок пару часов и досчитав до тысячной овцы, Дебра сдалась. Налила в стакан яблочного сока и вышла на балкон. На свежем воздухе дышалось легче. Ветер перебирал зеленую листву, за посёлком раздавалось бодрое уханье. Неужели, совы? Впрочем, от кусочка земли, спрятанной от человеческих глаз, можно ожидать чего угодно. Даже крокодилов в пруду.

Дебра посмотрела на небо, как делала это сотни раз сквозь стекло в родной спальне в Бриладе. На миллионы ярких звезд — стальные точки на чёрном полотне. Так странно. Двадцать лет назад люди летали в космос. Даже школьник мог отправиться на экскурсию на Луну! А теперь планета нереально далека. Светит из недоступных высот. Холодная. Пустая...

Засмотревшись на заброшенный спутник Земли, Дебра не сразу заметила, что со скамейки внизу машет Марко. Экс-пристав жестом пригласил спуститься.

— О чём думала? — спросил он, когда, накинув поверх пижамы клетчатое одеяло, Дебра устроилась рядом. — У тебя был та-а-акой загадочный вид.

Марко выглядел спокойным, будто утром не предстояла рискованная вылазка.

— О звездах. О том, чего нас лишили обманом. Хайди — не детище космоса.

— Ты бы полетела туда, если б могла? — задал парень провокационный вопрос.

— Я? — Дебра растерялась. Она никогда не рассматривала такую возможность всерьёз. — Не знаю. Быть может, на Луну.

— Почему не дальше? — в миндалевидных глазах Марко, кажущихся в ночи чёрными, зажглись лукавые огоньки. — Там столько непознанного.

Губы Дебры тронула грустная улыбка.

— Я не представляю, что дальше. В школе об этом больше не рассказывают. Зато Луну вижу каждый день. Было бы здорово посмотреть с неё на Землю. Я бы стояла там, а тысячи людей глядели на меня. Конечно, на самом деле, они смотрели б на Луну. Но раз я на ней, значит, и на меня тоже. Что?

Марко смотрел слишком пристально, и она смутилась.

— Извини, не хотел паяльничать. Ни разу не видел, как ты улыбаешься. Тебе идет улыбка.

Дебра пробурчала что-то нечленораздельное, порадовавшись, что сейчас ночь, и Марко не видит, как от комплимента заалели щеки.

— Почему ты ни разу не спросил про мой иммунитет? — поспешила она перевести тему.

— Не хотел подталкивать к неприятному разговору. Мы учились доверять друг другу, я боялся всё испортить расспросами.

Внутри разлилось тепло, словно Дебра выпила большую чашку горячего чая. Уголки губ опять поползли вверх. Она посмотрела на волевой профиль Марко, освещаемый лунным светом, и подумала, что доверительные отношения, действительно, сложились. Иногда казалось, она знала этого человека всегда, а не познакомилась несколько недель назад при весьма непростых обстоятельствах.

— Дело в моих родителях, — призналась Дебра. — Не хотела говорить напыщенным индюкам. Но ты должен знать, — и, сначала запинаясь и делая длинные паузы, а потом всё легче и быстрее, рассказала о подслушанном разговоре в библиотеке, Картере с Гелленом, встрече с матерью в изоляторе Брилады. — Как думаешь, мои родители замешаны в истории с Хайди?

Марко задумался, наморщив высокий лоб, а Дебра поймала себя на мысли, что хочется, как раньше с Диланом, протянуть руку и разгладить складки на коже.

— Многие из твоего рассказа легко объяснить, — наконец, изрёк парень.

Дебра обиженно поджала губы. Она ждала честности, а не попытки себя успокоить. Но бывший пристав говорил всерьёз.

— После реформ люди покидали столицу сотнями. Особенно, те, кто занимался наукой. Им не осталось места в новом мире. Исследовательские центры закрывались, научные программы сворачивались. Люди бежали кто куда, чтобы начать жизнь с нуля. Большинство предпочитало не кричать на каждом углу, откуда они родом. К жителям Каста-Беллы относились с недоверием. Их называли главными виновниками эпидемии.

— Почему мамины подчиненные остались? Картер и Геллен?

— Их кандидатуры «подошли». Вспомни дядю моего напарника. Директор Крафт не глупый человек. Но он четко выполняет распоряжения сверху и не задает вопросов.

— А обвинения в папин адрес? Это тоже легко объяснить? — использовала Дебра очередной аргумент — неоспоримый в собственном представлении.

— Люди часто жестоки с близкими. Говорят обидные, а подчас ужасные слова.

— Мама ясно выразилась: папа погубил планету!

— Дебра, это могла быть метафора.

— Остаются сны! — воскликнула она злорадно. — Как мама узнала о космонавтке?

Марко развёл руками, признавая поражение.

— Согласен, здесь нет простого объяснения. Вряд ли его найдут хранители, а если сумеют, не поделятся с нами. Они постоянно темнят. Ещё и некий «готовый план» всплыл. Квитон не обрадовался, когда тощий помощник его упомянул.

— Пла-ан, — протянула Дебра и схватила за щёки. — Точно! Я забыла!

— Не страшно, — зевнул Марко. — Владыка не собирается откровенничать. Можешь со спокойной совестью и дальше молчать о тайнах родителей. Где их искать, хранители не представляют, а свет на личность космонавтки прольет Тревис. Кстати, — парень показательно приподнял брови, — надеюсь, между нами не осталось секретов?

— Э-э-э... — Дебра выдержала театральную паузу. — Нет.

— Я рад.

Она залюбовалась бывшим приставом, подумав, что и ему идёт улыбка, а на душе стало хорошо и спокойно, словно все беды разом закончились.

На следующий день Дебра чувствовала себя бодро. Разговор с Марко прогнал дурные мысли. Появилась уверенность, страх почти исчез. Квитон окинул её придиричьим взглядом с ног до головы и одобрительно кивнул. Сам владыка нервничал, норовил подергать бородку. Марко с Ингрид выглядели спокойными и сосредоточенными, Арвида морщила нос, напоминая хищную птицу. Будь ее воля, больше бы не выпустила дочь за пределы Земель.

Перемещение прошло без проволочек. Вихрь подарил знакомое ощущение космической невесомости. Мгновение, и вот Дебра, Марко и Ингрид стоят посреди пустынной в ранний час улицы на окраине Каста-Беллы. Одни. Без хранителей, перенесших их и растворившихся в воздухе. Дебра удивленно глянула на небо. Рваные темно-фиолетовые

тучи собирались в одно всепоглощающее покрывало, готовясь пролить потоки воды. На Землях была иная погода: по верхушкам деревьев взбиралось по-летнему жаркое солнце.

— Ну и ну, — протянула Ингрид, разглядывая жилище профессора. — Марко, Тревис точно живет здесь?

— Да. В первый раз я сам поразился.

Дебра перевела взгляд на здание, и вытаращила глаза. В двухэтажном доме с облупившейся штукатуркой запросто бы разместилась большая семья или даже две. Но удивили не габариты. Профессорское жилище совершенно не походило на владельца, являясь образом хорошего вкуса, пусть время и потрепало дом. Он был белым, с правильными четкими линиями, большими окнами, балконами и верандой. Чувствовался размах и легкая, не бросающаяся в глаза, утонченность. Если сделать ремонт, будет загляденье.

Вот только... только...

— Мило, — прошептала Дебра, по спине резво промчалась стайка мурашек.

Появилось чувство, что она бывала здесь раньше. Могла ясно представить дом в любую погоду: под ярким солнцем или луной, безумным ливнем или снегопадом века. Странно. Дебра точно знала, что попала в Каста-Беллу впервые. И вообще прежде не покидала Бриладу.

— Нам пора, — Марко осторожно подтолкнул спутницу к полукруглой каменной лестнице с широкими мраморными перилами. — Помни, у нас всего час.

По ступеням Дебра поднималась, отчетливо слыша биение ускорившегося сердца. Марко пришлось самому нажать на звонок, она застыла на пороге. Долго ждать ответа не пришлось. Дверь негостеприимно скрипнула, и на пороге появился сонный Тревис с чашкой в руке. Выглядел профессор хуже, чем на крыше Центра. Осунулся, похудел. При виде посетителей глаза психолога скакнули на лоб, а чашка сделала сальто, «украсив» стену затейливыми кофейными узорами.

— Доброе утро, профессор, — поздоровалась хорохорящаяся Дебра, пряча нервозность за напускным задором.

— Что... что вы тут делаете? — прохрипел Тревис, сделал шаг вперед, пнув чудом не разбившуюся чашку. Та издала обиженный звон и покатилась по ступенькам.

— Разрешите войти? — Дебра пропустила вопрос мимо ушей.

— Вы с ума сошли! — ужаснулся психолог и перешел на панический шепот. — За домом следят. Вам нужно уходить. Немедленно!

— Мы знаем о слежке, — скучающим тоном поведала Дебра. — Не беспокойтесь, кроме вас нас никто не видит.

Тревис попятился и врезался спиной в дверной косяк.

— Право, профессор, вы продолжаете удивляться? Мы невидимы. Иначе б нас атаковала толпа стражей. Но здесь один единственный пристав, и тот бывший. Итак, вы нас пригласите?

Тревис неуверенно посторонился, сомневаясь, что гости взаправдашние. Со стороны они выглядели странно в белых старомодных одеждах, словно привидения.

Внутри жилище больше походило на профессора. Стол, диван и кресла завалены книгами и листами с таблицами и графиками. Но вокруг оставались и вещи, принадлежащие дому: великолепный камин, старинная мебель, картины с оптимистичными пейзажами: морскими, лесными, городскими. Особенно впечатлила заснеженная горная вершина, тянущаяся к яркому зимнему солнцу.

— Присаживаетесь, — предложил Тревис, но всем остальным было ясно: сидеть здесь негде.

Осознав причину промедления, психолог кинулся сгребать бумажное море с дивана в стопки, роняя книги на пол, пока увесистый том не саданул его по лодыжке острым углом.

— Ай! Ай-ай-яй!

— Хватит! — рассердилась Дебра, глядя, как профессор прыгает по комнате на одной ноге. Отведенный хранителями час вовсе отсчитывал минуты.

Дебра показательно опустилась на пол, скрестив ноги. Ингрид и Марко последовал ее примеру. Ведунья прислонилась к креслу, аккуратно расправила длинную юбку. Пристав вытянулся струной, положив руку на согнутое колено. Профессору ничего не оставалось, как пожать плечами и расположиться рядом с непрошеными гостями.

— Вы осознаёте, чем рискуете? — спросил он, вглядываясь в их лица поверх очков и пытаясь удостовериться, что не галлюцинирует. — Вы в розыске.

— Будто вас это волнует! — не сдержался экс-пристав, готовясь выплеснуть тираду.

— Марко! — крик Дебры рассек воздух, и он замолчал на полуслове. — Профессор, нам нужно поговорить...

— Кто вы такие? — перебил психолог. — Кто ты такая, Дебра Рид?

Она грустно засмеялась. Вспомнился сарказм космонавтки, когда та сомневалась, что Дебра реальна.

— Я человек, — произнесла она те же слова, что и во сне возле школьного озера.

— Брось! — взъерепенился профессор, взлохматив пятернёй и без того взъерошенные волосы. — Я был в Центре в вечер вашего побега. Видел, что она творила! — он ткнул пальцем в сторону ведуньи.

— Ингрид не совсем человек. Как и её родные. Но в нас с Марко нет ничего особенного.

— Поэтому за вами охотятся все стражи планеты?

— Разве вы не под колпаком? — вернула Дебра, надеясь сбить с профессора неуместную спесь. — За вами не следят день и ночь?

— Я — другое дело, — отрезал Тревис. — У меня с ними свои дела. Полагаю, не столь глобальные, как ваши.

— Верно подмечено, — парировала Ингрид, ей надоели косые взгляды хозяина дома. — В отличие от вас, мы заняты важным делом. Исправляем ошибки истории.

— Хайди, — Дебра бесстрашно посмотрела Тревису в глаза.

Тот дернулся. Очки упали на пол.

— Это не смешно, Дебра.

— Они могут положить конец кошмару, — заверила та. — Ингрид и её народ. Это в их силах.

Но Тревис не собирался воспринимать утверждение всерьёз.

— Вы, правда, в это верите? — профессор снова надел очки и поочередно посмотрел на Марко с Деброй.

— Да, — подтвердила гостя с вызовом. — Иначе зачем приходить?

— Зачем? Дай-ка подумаю. Может, чтобы помочь одноклассникам? Твоему другу Дилану?

Дебра покраснела. Психолог ударил по больному.

— Не смейте! — потребовала яростно. — Вы понятия не имеете... — голос задрожал. — Не смейте, — повторила она сурово, но гораздо тише.

— Как они? — спросил помрачневшего Тревиса Марко. — Всё плохо?

— После вашего бегства... — начал психолог, но запнулся и откашлялся. — Без вас Кассандра потеряла интерес к остальным пациентам. Дала разрешение на лечение.

— Его начали? — Дебре почудилась безнадежность в голосе Тревиса.

Но профессор обратился к Марко.

— Ты работал в Центре. Скажи, как скоро следует начинать лечение после первых симптомов Хайди?

— В течение двух суток, — прошептал парень.

— А если опоздать? — не унимался Тревис.

— Никакие лекарства не помогут.

— Что это значит?! — крикнула Дебра.

— Твоим одноклассникам нельзя было помочь.

Сердце рухнуло в пропасть. Она не думала, что конец настолько близок. Ведь подконтрольные могут жить долго!

— Когда они умрут? — спросила чужим голосом.

— Я дал им нейтрализатор «Б».

Слова профессора вогнали в ступор. Дебра никогда не слышала этого названия. Бывший пристав всё понял. Побелел, как свежавывающий снег.

— Что вы им дали?!

— Марко, расскажи, — Тревис предпочел уйти от ответа.

— Это нечестно, профессор, — возмутился парень, но всё же объяснил. — Смерть от Хайди... она очень болезненна. Нейтрализатор «Б» — это препарат. Более гуманный способ...

Ингрид тихо охнула. Но Дебра все равно не понимала. А, может, не хотела понимать.

— Когда они умрут? — упрямо повторила она прежний вопрос.

— Ты слышала, что я сказал? — лицо Марко исказила мука. — Дебра, они мертвы. Все. И Дилан тоже.

Глава 13. Соломея

Дебра не заплакала. Не закричала. Посмотрела на Тревиса с отвращением.

— Вы — убийца, — сказала она тихо.

Профессора не смутило обвинение.

— Это не так, — он устало качнул седеющей головой. — Единственное, что я мог — облегчить боль. Хайди — смертельная болезнь, а не обычная простуда.

— Неправда, — отчеканила девушка, не повышая голоса. Ногти вонзились в ладони. — Вы могли помочь раньше — когда нам не провели тест. Вопреки приказам Крафта.

Тревис осуждающе посмотрел на Марко.

— Ты рассказал ей? Не стоило. Импульсивность редко доводит до добра.

— Этого не требовалось, — бросил бывший пристав мстительно. — Когда директор откровенничал со мной, Дебра пряталась за стеллажами и всё слышала сама.

— Как она там оказалась, позволь узнать? — рассердился психолог, словно в кабинете сидел и отчитывал за промах действующего стража.

— Мне везёт оказываться при важных разговорах инкогнито! — огрызнулась Дебра, вскакивая. Отвернулась, чтобы не показать намернувшихся на глаза слёз. Сделала несколько шагов к выходу.

Кинуться бы прочь. И бежать, бежать, не разбирая дороги. Надеяться, что удастся оставить позади боль. Или лучше ринуться с кулаками на Тревиса? Расцарапать хмурое лицо? Пусть профессор не главный палач, но он предпочёл бездействие. Одни никуда не ведущие разговоры и никакой пользы!

Ох, Дилан... Кто знает, куда уходят души? Может, в необъятный, покинутый человечеством космос?

За широкими окнами грянул гром. По стеклу и подоконникам забарабанили крупные капли. Дождь, принесенный темно-фиолетовыми тучами, добрался до потрепанного временем дома, кажущегося знакомым до боли. Пусть хоть небо поплачет...

Дебра повернулась к маленькой группе, застывшей на полу в молчаливом ожидании.

— Продолжим, — объявила она, пряча дрожащие руки за спину. Голос мог бы зазвучать по-деловому, если бы не звенел от горя. — Речь шла о цели нашего визита.

Профессор нелепо раскрыл рот. Он ждал иной реакции. Эмоций. Дебра знала: они вернутся. Позже. Будет целое море слёз и проклятий. Но сейчас у нее нет права раскисать. Время, отпущенное хранителями, уходило. И теперь, особенно теперь, она должна получить ответы. Лишь собрав кусочки головоломки воедино, получится исправить прошлое.

Однажды в книге из родительской библиотеки Дебра прочла, что в жизни существует только одна вещь, которую невозможно исправить — смерть. Только она необратима. Но после встречи с обитателями Земель с этим утверждением можно поспорить. У Дилана, Яры, Эйдана и остальных оставался шанс воскреснуть. Поэтому сейчас она не будет плакать и убиваться. А сделает то, ради чего пришла.

— Вам придется нам поверить, профессор, — Дебра заставила лицо Дилана, стоящее перед глазами, раствориться. — Мы можем покончить с Хайди.

Но Тревис не услышал.

— Тебя не волнует смерть одноклассников? — спросил он сурово.

— Я поволнуюсь об этом потом, — отрезала девушка. Глаза опять предательски защипало.

На помощь пришёл Марко.

— Дебра права. Мы здесь с конкретной целью. Времени у нас мало.

Психолог задумчиво кивнул.

— Будь по-вашему, — он перешел на будничный тон, словно и не сообщал страшной новости. — Я внимательно выслушаю вашу «увлекательную» теорию о победе над Хайди. Но прежде хочу знать, как вы открыли мой сейф? Он не был взломан.

— Я видела, какой код вы набрали, прячась за стеллажами, — призналась Дебра, снова устраиваясь на полу напротив Тревиса. Ноги едва слушались. Казалось, всё это происходит не с ней, а телом управляет кто-то другой — сильный, уверенный в себе. Как та девушка с портрета, нарисованного Ингрид в последний школьный день.

— Жаль, — протянул психолог разочарованно. — Я подумал: опять волшебство. Но меня интересует другое. Кроме карты-ключа, из сейфа пропала еще одна вещь. Объясните, зачем она вам понадобилась?

Гости переглянулись.

— Мы здесь из-за фото, профессор.

Марко достал снимок из внутреннего кармана летней куртки. Квитон не видел необходимости брать его с собой, но Дебра настояла. Интуиция подсказывала — фото пригодится. Теперь, глядя, как жадно психолог взирает на портрет, Дебра убедилась в своей правоте.

— Какое вам дело до фотографии? — спросил профессор, щурясь. Обладая он сверхъестественными способностями, развеял бы воришек по ветру.

— Это прозвучит бредово. Мне кажется, я знаю эту девушку. Мы встречались. Раньше.

— Исключено, — отрезал психолог. — Ты общалась с кем-то похожим. Не с Энн Ди.

— Энн Ди? — повторила гостя эхом. — Её так зовут?

Сердце забило сильнее. Она никогда не была так близка к разгадке снов.

— Нет, — ответил психолог через силу. — Её так звали.

— Звали?

Голова закружилась. Тревис сказал слишком страшное слово. Необратимое. Оно категорически не подходило. Сны должны привести к космонавтке. Живой и невредимой! Дебра не могла опоздать.

— Да, звали. Девушки с фотографии нет в живых.

— Невозможно! — просторная комната с камином поплыла перед глазами. — Это ошибка!

— Никакой ошибки нет, — профессор несчастно глянул на снимок. — Энн Ди умерла.

— Когда? — на глазах выступили слёзы, которые Дебра отчаянно гнала.

Опоздала. Всё-таки опоздала!

— Почти девятнадцать лет назад...

Гостям понадобилось несколько бесконечно длинных секунд, чтобы осознать слова профессора, а потом они закричали наперебой:

— Как?! — недоверчиво воскликнул Марко.

— Невозможно! — запротестовала Ингрид.

— Лжёте! — Дебра ударила кулаком об пол. — Вы лжёте!

По похоронному лицу хозяина дома было ясно: он и не думал обманывать. Сжал зубы до хруста, пряча боль. Стал похожим на побитого старого пса. Но Дебра отринула сочувствие. Кем бы ни приходилась психологу погибшая девушка, дорогого ей человека он не спас. Не попытался!

— Не понимаю, — прошептал Марко, обращаясь к Дебре. — Если Энн Ди умерла до твоего рождения, зачем медальону вас сводить? Какой смысл? Или Квитон прав, и она — твоё подсознание?

— Нет, — упрямо возразила Дебра. — С какой стати мне проецировать человека, которого я в жизни не видела?

— Правильно! — поддержала подопечную Ингрид. — Медальон ничего не делает просто так.

Марко сердито кашлянул, готовясь к тираде об украшении, которому хранители приписывали разум, но Дебра его опередила.

— Зато теперь мы знаем, что слова Энн Ди не бессмысленны. О звездолёте и экспериментальной экспедиции. Девятнадцать лет назад люди летали в космос и не умирали от «неизлечимой» болезни.

— Ты знаешь о «Соломее»?

Вопрос Тревиса, о котором все трое забыли, застал врасплох. Профессор же слушал гостей крайне внимательно и смотрел на Дебру так, будто она объявила, что космос открыли.

— Это не можешь быть ты... — психолог вытер тыльной стороной ладони покрывшийся испариной лоб. — Ты из Брилады! Ученица выпускного класса! Зеленые глаза! Дебра! — он без предупреждения схватил гостью за ворот и притянул к себе. — Это ты была с Энн Ди в белой комнате? Отвечай!

— Профессор! — Марко ринулся на выручку, но помощь не потребовалась. Дебра сама оттолкнула Тревиса.

— Откуда вы знаете про комнату?! — зашипела она рассерженной гусыней, не понимая, в каком они времени. Или вселенной.

— Энн Ди рассказала.

— Ложь! Она клялась, что держит сны втайне от всех!

— Со мной Энн Ди говорила после третьего сновидения. Из-за находки в лабиринте. Ты вынимала фотографию из рамки? О! Разумеется, нет! Там надпись на обороте.

Пальцы слушались плохо под нервным взглядом Тревиса, но справились, не повредив ценный для обоих портрет. Дебра вскрикнула, едва начала читать. Слова, выведенные уверенной рукой, объясняли слишком многое. Возвращали к очередной подсказке из третьего сна — единственной, которую она не приняла на свой счёт.

«Дорогой Ёжик!

Это не провал. Стивен — зануда. Его назначение мне аукнется. Буду вспоминать о тебе в полете. Уже скучаю.

Я.

P.S. Рассел, прости за дурацкое прозвище. Не могу удержаться. Ты же меня знаешь...»

— Вы — Ёжик? — прошептала Дебра хрипло, передавая фото Марко и Ингрид.

— Так меня называли в школе, — горько усмехнулся психолог, не обращая внимания на изумленные возгласы остальных гостей, ознакомившихся со старым посланием. — В младших классах меня коротко стригли, волосы напоминали щетину, и прозвище приклеилось. Это было давно. В другой жизни. Как и синяя тетрадь. Энн Ди меня с ума

свела. Я понять не мог причины непрекращающихся расспросов. Она рассказала о снах, белой комнате и медальоне. Но я все равно не мог помочь. Тетради не существовало.

Дебра посмотрела недоверчиво.

— Именно! Не существовало! — повторил Тревис. — Энн Ди злилась. Говорила, я что-то упускаю из-за рассеянности. Велела вспоминать. Но всё было напрасно. Это её до белого каления доводило. Сны стали наваждением. Мешали подготовке к полёту. На плечах Энн Ди лежала огромная ответственность, а она не могла сосредоточиться.

— Её назначили капитаном? — догадалась Дебра. По телу пробежали мурашки. Одно дело — рассказы о космической экспедиции во сне, другое — знать, что это происходило наяву. Энн Ди была её ровесницей, а командовала экипажем настоящего звездолёта!

Может, она опять спит? И не было ничего? Ни Центра, ни Хайди, ни профессора Ёжика...

— Конечно, назначили! — лицо Тревиса засияло. — Иначе и быть не могло! Все знали, лучшей кандидатуры в капитаны не существовало!

— Профессор, расскажите о ней, — Дебра умоляюще сложила руки.

Тревис помолчал, но потом кивнул через силу. Уголки губ вновь опустились.

— Она хотела разгадать сны. Пусть желание исполнится.

Марко и Ингрид не вмешивались в разговор, чтобы не тревожить взволнованного психолога. Парень украдкой поглядывал на наручные часы, проверяя, сколько времени осталось в запасе.

— Мы с Энн Ди знали друг друга с рождения, — начал Тревис непростой рассказ. — Наши родители работали на Гивирене.

— Это космопорт Каста-Беллы? — уточнила Дебра, поёжившись. Впервые это название она услышала в видении из уст несуществующего Дилана. Он же — настоящий — позже объяснил его значение.

— Не совсем, — в глазах Тревиса вспыхнул огонь, унося сознание сквозь пласты печальных лет. — Это был главный космический центр на Земле. На его территории располагались исследовательские лаборатории, тренировочные площадки, центр слежения за полетами, ангары, где собирались звездолеты. И, разумеется, космопорт, тянувшийся на многие километры. Какое там было оборудование! Уму непостижимо. На Гивирене работали лучшие ученые мира.

— Вы там бывали? — спросил Марко с нотками любопытства, позабыв о гневе на психолога.

— Бывал, — профессор горько усмехнулся. — Вы тоже. Правда, когда Гивирена перестала быть Гивиреной. Её решили стереть с лица Земли. Космопорт уничтожили. Привезли тонны земли, посадили деревья, создали искусственные водоемы. Огромную работу проделали в кратчайшие сроки. Будто это могло вернуть погибших! Планировали взорвать и здания, но передумали, чтобы избежать лишних трат. Сегодня там центр Хайди, больницы для подконтрольных и тот самый медицинский центр, откуда вы трое сбежали.

Марко присвистнул. Дебра вытаращила глаза. Центр — часть главного космического центра?! Ну и ну!

— От прежних дней остались одни стены, — продолжил Тревис горько. — Мне же посчастливилось бывать на настоящей Гивирене. Мы с Энн Ди провели там детство. На экскурсии в космос пускали с семи лет. Присутствие на борту детей требовало повышенной безопасности и дополнительных технических приспособлений. Новинки тестировали на нас — отпрысках сотрудников. Мы болели космосом. Но я больше.

— В снах Энн Ди только о космосе и говорила, — возразила Дебра. — Она им бредила.

— Космос её увлекал, — согласился Тревис. — Но это влияние отца. Он руководил

подготовкой к экспедициям, жил работой. Мечтал, что дочка пойдёт по его стопам. Потворствовал интересу. Иногда чересчур. Она не хотела расстраивать родителя-энтузиаста. Саму Энн Ди больше привлекали медицина и фармакология. Она всерьёз занималась этими науками в последние школьные годы. Разработала несколько проектов. Да-да! Не забывайте, уровень нашего образования отличался от вашего. В школе мы делали вещи, которые сейчас выпускникам университетов не снятся.

— Значит, Энн Ди собиралась стать врачом? — Дебра не обиделась. Но зависть царапнула острыми коготками. Как же всё-таки изменился мир.

— Ей нравилась медицина в глобальном плане, — пояснил психолог, улыбнувшись. Он на миг забыл, что подруги нет в живых. Заговорил о ней, будто та сидела в соседней комнате и в любой момент могла присоединиться к беседе. — Энн Ди хотела лечить не больных, а болезни. Создавать лекарства, а не прописывать их. В выпускной работе она представила свой вариант формулы вакцины для коров и произвела фурор. Нашла ошибку в работе взрослых. Скот поражал неприятный вирус. Делал непригодным молоко. Существующая вакцина помогала мало. И вдруг семнадцатилетняя школьница исправила формулу. Эту вакцину используют до сих пор.

— Вот это размах! — восхитился Марко. На лице появилось мальчишеское воодушевление. Он явно сожалел, что не родился на пару десятилетий раньше.

— Я убеждал Энн Ди поговорить с отцом, объясниться. Но она тянула время. А потом началась подготовка к полету.

Тревис нахмурился и примолк.

— Профессор, — спросила Дебра робко. — Вы и Энн Ди... Вы были друзьями или... — она запнулась. Вопрос был чересчур личным.

Однако психолог разоткровенничался.

— Мы были друзьями. Я понимал, что большее невозможно. Энн Ди считали самой красивой девушкой в школе и лучшей среди «детей Гивирены». Я был гением-растяпой. Она встречалась с Дэном Логаном. Он полетел на «Соломее», а я срезался на последнем этапе. Мое место занял Стив Торнтон. Энн Ди написала, что это не провал. Однако мой отец считал иначе. Не мог поверить, что я не лечу. Он был фанатиком космоса, как и профессор Фрэнсис.

— Кто?! — Дебра, Марко и Ингрид вскрикнули разом, не веря, что не ослышались.

— Профессор Фрэнсис, — удивленно повторил психолог. — Отец Энн Ди.

Дебра закусила нижнюю губу почти до крови, боясь поверить шальной догадке.

Совпадение? Опять совпадение? Или судьба?

— Вы сказали, Энн Ди исправила формулу вакцины для коров, — медленно произнёс Марко.

— Она хотела лечить не больных, а болезни, — благоговейно прошептала Ингрид.

У Дебры перед глазами встала доска Квитона. Две линии. Точки с фамилиями. Хранители не нашли создателя вакцины против Хайди. Того, кому предстояло спасти миллионы жизней.

«...Кто знает, насколько разрыв во времени повлиял на судьбу этого человека. Помните историю о надувном слоне? В нашем мире таинственный Фрэнсис мог и не стать ученым, способным придумать спасительное лекарство...»

Не стать ученым? Или перестать существовать? Вдруг поиски хранителей не увенчались успехом, потому что в альтернативной реальности этот человек не жил. Ведь девушка из снов — Энн Ди Фрэнсис — умерла подростком.

Неужели, они нашли главный ответ?!

— Профессор, — голос Дебры дрожал от волнения. — Вы сказали, что Энн Ди... Что это случилось около девятнадцати лет назад. Можете назвать точную дату?

— Думаешь, я её забыл? — глаза Тревиса сверкнули. — 21 августа 2073 года.

В гостиной повисла гробовая тишина. Сердце Дебры кувыркнулось и почти остановилось, Марко зажмурился, Ингрид прижала ладони к губам. Это была она — дата катастрофы. День, когда население планеты оказалось в альтернативной реальности. Мгновение, когда из истории вычеркнули одного единственного человека.

«Ты важнее». Дебра сотни раз повторяла эти два слова во сне. Но только теперь поняла их истинное значение. Жизнь юной космонавтки, мечтавшей посвятить себя медицине, стоила в сотни раз больше любого из них. От этой жизни зависели миллионы других.

— Как это произошло? — Дебра заставила себя очнуться.

— Не знаю. Расследованием занимались лучшие умы Гивирены. Но и они не нашли ответов. Всё произошло на «Соломее». Звездолет... он... — психолог замялся, подбирая слова. — Полет готовили три года. Команду отбирали десять месяцев. Семнадцатилетним астронавтам предстояло доказать, что управление новым классом кораблей под силу даже несовершеннолетним. Экспедиция держалась в строжайшем секрете. И до, и, разумеется, после. Никому не хотелось расписываться в гибели пятерых подростков.

— Но Энн Ди говорила, что экспедиция будет простой! — запротестовала Дебра.

— Все так думали, — лицо Тревиса изуродовала гримаса боли. — Всё проверяли и перепроверяли тысячи раз. Звездолет казался абсолютно безопасным. При малейшем сбое специалисты на Гивирене могли взять управление на себя. В центр слежения поступало видео с корабля. Всё было под контролем. На первый взгляд. И на сто первый тоже.

Профессор продолжал говорить. С длинными паузами. Мрачней с каждой минутой. Дебра слушала и ловила себя на мысли, что рассказ кажется фантастикой. Нет, в его правдивости она не сомневалась. Но для них — детей «другого» мира — космос и звездолёты нечто запредельное.

Тревис рассказал, что первый сбой произошёл через четыре часа после взлёта «Соломеи».

В центре слежения на Гивирене погасли экраны, пропало видео с корабля. Оно отсутствовало около получаса, но специалисты на Земле выжидали. Приборы не фиксировали иных отклонений от нормы, «Соломея» двигалась по заданной траектории. Режим молчания был одним из условий эксперимента. Переговоры с юными астронавтами положили бы конец экспедиции.

Едва видеосвязь восстановилась, отключилось освещение в большинстве помещений корабля. К серьезным сбоям это не привело, заработали резервные источники питания. Причина неполадок роботы отыскали быстро: один из проводов оказался бракованным. Однако не все в команде посчитали это случайностью.

— Впоследствии я видел запись, — рассказал Тревис. — Энн Ди разозлилась. Посчитала, кто-то нарочно испортил провод. Говорила, на корабле, в котором проверяли каждый миллиметр, не могло быть глупого брака. Остальные не восприняли доводы всерьёз. На Земле тоже не поверили в диверсию. Всё списали на технический сбой. Даже лучшее оборудование не безгрешно. Корабль продолжал полёт, и все успокоились. Но через восемь часов произошла катастрофа. «Соломея» исчезла с радаров. Без следа.

Дебра подумала, профессор выразился образно. Космический корабль не иголка, чтобы потеряться.

— Звездолет пропал, — подтвердил Тревис. — Испарился. Он не взрывался. В одну секунду перестал существовать во времени и пространстве.

Комиссия, занимавшаяся расследованием, не нашла объяснений. Не считая сбоя в первые часы, приборы работали исправно. Все данные поступали в центр слежения. Не обнаружилось ни единого намека на причину катастрофы и на видео. Когда звездолет

исчез, четверо членов экипажа спали. Энн Ди находилась на вахте. Готовила ежедневный отчет для Земли.

По телу Дебры прошла судорога.

«Соломеей может управлять и ребенок».

Но вышло иначе. Как страшно. Несправедливо.

— Сколько длилось расследование? Четыре месяца? — спросил Марко. — Едва началась эпидемия Хайди, о «Соломее», наверняка, забыли.

— Ошибаешься. Через четыре месяца судьба пропавшего звездолета стала актуальна, как никогда. Семерых астронавтов с «Прометея» принято считать первыми заразившимися. Но это ложь.

— Никакой вирус они не привозили, — проворчала Дебра.

Они-то трое знали, что Хайди (или Ньюман) — детище другого «вселенной».

— Почему? — искренне удивился профессор. — Привозили. Но... Это еще одна тайна, скрываемая от населения. Астронавты вернулись не одни. Они обнаружили спасательную капсулу. С «Соломеи». С телом девушки.

— Энн Ди?! — задохнулась Дебра.

— Нет. Нору. Другой участницы экспедиции. Никто не понимал, откуда взялась капсула. Еще больше вопросов появилось после вскрытия, — профессор перешел на шепот. — Нора умерла за пару часов до обнаружения. На руке остался свежий след от прививки, которую команде делали в день отлета. А ведь прошло четыре месяца! Но и это не главное. В теле находился смертельный вирус. Не семь взрослых космонавтов с «Прометея», а девочка с пропавшей «Соломеи» — пациент ноль. Нора. Нора Хайди. Ее фамилией и назвали болезнь.

Дебра сжала зубы до хруста. Как же жестоко делать символом неизлечимого недуга юную девушку. Нора мечтала покорять неизвестные дали, а не становиться воплощением кошмара! Она точно бы не захотела, чтобы миллиарды людей вздрагивали при упоминании её фамилии.

— Чем закончилось расследование?

— Ничем конкретным. Постепенно болезнь переключила внимание на себя. Борьба с ней стала важнее поисков истины. Следователи... — Тревис запнулся. — Недуг распространялся и убивал слишком быстро. Первыми жертвами, не считая семи астронавтов, стали сотрудники Гивирены. В том числе, мои родители.

Марко вздрогнул. Недавно он обвинял профессора в черствости к жертвам Хайди.

— Почему не заразились вы? — парень постеснялся смотреть психологу в глаза.

— Я не успокаивался, придумывал теории исчезновения звездолета. По большей части безумные. Родители решили, что мне лучше уехать на время — для моего же блага. Отправили к родственникам в другой сектор. Я покинул столицу за неделю до обнаружения тела Нору.

— Когда вы узнали о вакцине?

— Десять лет назад.

— Почему остались с ними?

— Я не с ними.

— Но вы остались! — поддержала возмущение бывшего пристава Ингрид.

— Мне не в чем извиняться, — отчеканил психолог жестко. — Работая в Центре, я не могу спасти весь мир, но помочь единицам в силах. Мне жаль, что ваши одноклассники

не вошли в их число.

Тревис замолчал, глядя в сторону остекленевшими глазами. Марко посмотрел на часы.

— Нам пора. Осталось пять минут.

— Отступать с боем мы, конечно, умеем, — попробовала разрядить обстановку шуткой Ингрид. — Но им ни к чему знать, что мы тут «гостили».

— Подождите! — Тревис вскочил и бросился прочь, чуть не врезавшись в кресло по дороге.

— Одну минуту. Я сейчас! — крикнул он из соседней комнаты. — Не уходите!

Гости переглянулись.

— Надеюсь, мы не зря теряем время, — Марко выразительно посмотрел на спутниц, но профессор спешил обратно, держа в руках...

Дебра ахнула.

— Синяя тетрадь! Вы говорили, ее не существовало!

— Верно, — закивал психолог. — Вероятно, подсказки в снах предназначаются тебе одной. Когда Энн Ди изводила меня расспросами, тетради не было в помине. Она появилась после исчезновения звездолета. Здесь я собирал информацию о «Соломее». Я отдам её вам в обмен на фотографию. Это единственный снимок Энн Ди с подписью.

— По рукам, — согласилась Дебра.

Фото им не принадлежало и дало все ответы, которые могло.

Глава 14. Внучка владыки

Дебра сидела на полу у открытой балконной двери и сквозь слёзы смотрела на дрожащее пламя свечей. Их было девять. По одной на каждого одноклассника, принесенного в жертву «великой» миссии хранителей. Последняя свеча горела в память о многолетней подруге из снов Энн Ди Френсис, узнать которую в реальном мире не довелось.

Дебра больше не желала быть сильной. Она выполнила задание и имела право оплакать погибших. В одиночестве. Ушла к себе, едва Квитон и Арвида перенесли их обратно на Землю. Разговор с Тревисом передадут хранителям Марко с Ингрид. Синюю тетрадь, которую еще недавно жаждала найти, Дебра сунула в руки бывшего пристава. Содержание утратило важность. Какая разница, какие сведения собрал профессор, если на планете перестал существовать тот, кто был для неё важнее всех.

Никто не остановил Дебру. Не пришел проведать позже. Наверное, Марко опять бродил неподалеку. Охранял на расстоянии, не докучая. Но сейчас его ненавязчивая забота не трогала. Глядя на огоньки свечей, похожие на пылающие лепестки, Дебра думала о тех, кто находился рядом десять школьных лет.

Детские ссоры и глупые насмешки больше не имели значения. Чувство вины рвало душу на части, впивалось острыми когтями в сердце. Одноклассники погибли из-за её дурацкой избранности. Никому не пришло бы в голову тащить ребят в Каста-Беллу на опыты, не учись Дебра в их классе. Они бы, по-прежнему, жили в Бриладе или переехали после экзаменов в крупные города и не подозревали, что каждый месяц получают спасительную вакцину от неизлечимой Хайди через тест-пластины.

Самое ужасное, не было никакой гарантии, что историю удастся переписать! Смерть могла остаться необратимой. И напрасной!

Дебра просидела на полу, пока длинные свечи не растаяли и не погасли. Когда догорела последняя, и легкий дымок от потухшего пламени унесся прочь, опухшие веки сомкнулись.

Приснился Дилан. Они вдвоем сидели с учебниками в руках под раскидистым дубом у школы. Каштановые с рыжинкой волосы друга падали на улыбчивое лицо. Дебра и Дилан вновь набедокурили и схлопотали дополнительное задание. Впрочем, уроки мало волновали закадычных друзей. Они, смеясь, о чем-то спорили и перебивали друг друга. Дебра почти поверила, что реальный мир там — в Бриладе, а не где-то ещё. Она проснулась и оправилась от кошмара...

— Дебра, вставай. Владыка велел тебя привести. Поднимайся! Ой! Больно!

Сон растворился вмиг. Дилан сгинул, разорвав в клочья надежду на благополучный исход. Взору предстала держащаяся за нос Ингрид. Ведунья смотрела обиженно, зато, наконец, не выглядела отстраненной и чужой.

— Извини, — пробормотала Дебра. Взгляд остановился на восковых горках, в которые превратились поминальные свечи. Вернулись и горечь, и чувство вины.

— Ничего, жить буду, — ведунья с шумом вдохнула воздух. — Кажется, нос не сломан. Идём, драчунья. Марко уже там.

День выдался по-летнему тёплым, по голубому небу плыла всего пара бледных облаков. Посёлок, купающийся в солнечных лучах, выглядел приветливее. Но в душе гостьи царил мрак. Она шла по серой дорожке из овальных камней будто на эшафот. Решительная незнакомка, в которую Дебра превратилась накануне в доме Тревиса, исчезла. Она снова чувствовала себя потерянной и бесполезной. Не добавляли позитива и местные жители. Здоровались с Ингрид, не замечая её подругу.

— Владыка был доволен вчера, — трещала ведунья, чтобы сгладить неловкость от поведения сородичей. — Твердит, как далеко мы продвинулись. Правда, толку-то. Еще целый вагон тайн остался.

Дебра не поверила ушам. Ингрид насмешливо отзывается о владыке? Может, стоит чаще бить ее по лицу? Глядишь, начнет вести себя по-человечески.

— Тебе не кажется, что Квитон возлагает на меня много надежд? — спросила Дебра, нечаянно вложив в вопрос больше волнения, чем собиралась. — Откуда ему знать, что я справлюсь?

— Иначе медальон не выбрал бы тебя, — завела ведунья старую песнь и, немного подумав, добавила: — Сомнения — это нормально. Опасней безгранично верить в свои силы. Так говорил мой дядя Арэн, когда я переехали к ним с тетей Далией в Бриладу. Мне было велено охранять тебя, и я жутко боялась всё испортить.

Уязвленная Дебра предпочла промолчать. Интересно, почему, постоянно переживая о собственной судьбе, она не задумывалась об участии Ингрид? Это глупость или эгоизм? Ведунья была ребенком, когда на неё взвалили ответственную ношу. Вряд ли девочку спрашивали, хочет ли она превращаться в персонального хранителя. Наверняка, поступили, как Ада с маленькой Маризой: щелкнули пальцами перед глазами, чтобы настроить на серьезный лад, и все дела.

— Извини, что не даю времени пережить горе, — с порога заявил Квитон.

Дебра иного от хранителя не ждала и покорно села за накрытый стол. Положила в тарелку вареный картофель с салатом исключительно из вежливости, но вдруг поняла, что здорово проголодалась. От запаха свежей выпечки закружилась голова. В последние недели Дебра частенько забывала поесть. Платья, подобранные Адой, стали слишком свободными.

Ведунья подарила подбадривающую улыбку и направилась к двери.

— Останься, Ингрид, — неожиданно велел владыка. — Арвида не придет в восторг, но твое участие в миссии не закончено. Ты завязана на Дебре. Этого хотел Элиот. Не нам менять его планы.

Дебра со звоном отложила столовые приборы.

— Какая разница, чего хотел ваш предшественник? Он мёртв.

Квитон негодуя сложил руки на груди.

— Тебя не удивляет, что Ингрид не предъявляет претензий?

— Она сделает всё, что вы захотите, — Дебру бесило, что ведунье не давали права голоса, а та не противилась. — Элиот поставил её под удар. Кто дал ему такое право?

— Он сам! — повысил голос Квитон. — Нам был необходим наблюдатель в Бриладе. Ребёнок. Элиот посчитал, что не вправе рисковать чужими детьми.

— Он был моим дедушкой, — объявила Ингрид, дождавшись возможности открыть рот.

— Именно, — подтвердил Квитон. — Арвида — дочь владыки, Ингрид — его внучка.

Если хранитель рассчитывал, что известие о родстве ведуньи с предшественником охладит пыл Дебры, он сильно заблуждался. Гостья распалилась сильнее. Что же они за люди, если готовы жертвовать близкими? Как Элиот рискнул отправить в Бриладу единственную внучку? Братьев и сестёр у Ингрид нет, а сын владыки Арэн женился на женщине без магических способностей и не мог обзавестись потомством.

Квитон сменил тему, чтобы прекратить спор.

— Вы трое молодцы, — похвалил он гостей, всем видом демонстрируя воодушевление. — Беседа с профессором превзошла ожидания. Через несколько дней вы будете знать о миссии столько же, сколько мы с верховными хранителями. Сегодня ознакомьтесь с тетрадью Тревиса, — Квитон положил её перед гостями. — Я просидел с ней до утра. Исчерпывающих ответов здесь нет. Масса технических подробностей, которые нам скажут мало, зато будут интересны Энн Ди Фрэнсис.

Дебра задела локтем вилку, и та со звоном приземлилась на полу.

— Мы должны встретиться с ней ТАМ?

Прошлой ночью она тосковала о космонавтке, с которой никогда не увидится. Но при свете дня мысль о реальном общении показалась сумасшедшей. Дебра почти смирилась, что Энн Ди умерла. В отличие от Дилана, она всегда была миражом.

— Гибель «Соломеи» — отправная точка в нашей истории, — напомнил Квитон. — Оставаясь в стороне, вы не узнаете, какие события этому способствовали, и не доберетесь до путешественника во времени.

Дебра уткнулась взглядом в стол. План вогнал в ступор.

— Квитон, говоря «вы», — спросила ведунья, — ты имеешь в виду Дебру и Марко? Или...

— Или, — подтвердил хранитель. — Ингрид, ты тоже отправишься в прошлое.

Ведунья не возразила, не задала дополнительных вопросов, хотя новость её обескуражила.

В безразличных в последние недели глазах появились странные огоньки. Дебра и Марко решили не подливать масла в огонь. После ухода Квитона приступили к изучению профессорской тетради. Перечитали расшифровку разговоров экипажа за короткий полёт, попробовали продраťся через отчёты следователей. Хранитель оказался прав, они мало понимали.

— Темный лес, — бормотал Марко, разбираясь в технических терминах.

Дебра предпочла не забивать голову непонятной информацией, вырвала у парня тетрадь и, перелистав несколько страниц, уткнулась в личные дела экипажа. Особенно заинтересовали фотографии. Юных астронавтов запечатлели в белых комбинезонах. Энн Ди форма шла, удачно гармонируя с каштановыми волосами. Нора Хайди смотрелась в ней чересчур блеклой из-за бесцветных жидких волос и бледно-серых глаз в обрамлении светлых ресниц. Глядя на поджатые губы пациентки ноль, Дебра подумала, что вряд ли сумела бы с ней подружиться.

Дэн Логан был весьма хорош собой — высокий подтянутый шатен с правильными чертами лица. Такому только в кино сниматься. Они с Энн Ди отлично смотрелись вместе. Бруно Пелетье — смуглый кудрявый паренек — внешне производил приятное впечатление. На всех фото он широко улыбался. Какие чувства вызывал Стивен Торнтон, Дебра не поняла. Телосложением он напоминал Боба Ралли. Но выражение лица разительно отличалось — высокомерие читалось невооруженным взглядом. Или негативному впечатлению поспособствовал рассказ Тревиса?

Дебра увлеклась фотографиями, и не заметила исчезновения Ингрид. Ведунья ушла, не попрощавшись, чтобы не привлекать внимания. Решение Квитона потрясло ее сильнее, чем она хотела показать. Разыскивать одноклассницу в доме Арвиды, чтобы обсудить тревожную новость, Дебра не рискнула. При каждой встрече с хранительницей, крепла уверенность, что та её не выносит.

На следующее «совещание» в дом Квитона Ингрид пришла задумчивая. Споткнулась на пороге, забыла поздороваться с Деброй и Марко, не услышала приветствия владыки. Пальцы теребили светлую прядь, а затуманенный взгляд путешествовал по комнате, подолгу задерживаясь на мебели и бежевых стенах, однако всем было ясно — мысли ведуньи не здесь, а там, куда дорогу способен открыть один единственный ключ.

— Полагаю, Арвида высказала неодобрение, — проворчал Квитон. Лоб прорезали глубокие морщины.

— Не понимаю, — Ингрид посмотрела на владыку несчастно. — Мама беспрекословно выполняла волю дедушки. А теперь...

— Она смирится, дай ей время, — заверил Квитон без тени сочувствия. — Сегодня предлагаю обсудить твою роль в миссии. Тебе, как и раньше, предстоит страховать Дебру. Но ты не останешься одна. Я сниму груз ответственности с твоих хрупких плеч.

Гости с удивлением узнали, что Квитон планировал привлечь хранителей, живущих в 2073 году. В первую очередь, владыку Элиота. Ингрид после перемещения в прошлое предстояло отправить мысленный зов деду, ведь попасть в его владения самостоятельно

ведунье будет не по силам. Девятнадцать лет назад охранные Врата с ней «незнакомы», и на Земли не пустят.

— Дед прочтет тебя и получит моё послание с информацией о временном разрыве. Но Элиот не поймёт, что сообщение от меня. В то время у владыки было несколько возможных приемников, включая Калиба и Домиана. Нельзя сообщать подробности о нашей жизни. Настоящее свершилось, любая информация о нём способна привести к новым катаклизмам. Это понятно?

Ингрид покорно кивнула и снова погрузилась.

— Я встречу с родственниками, которые меня не знают.

— А, главное, с теми, кого больше нет: с дедом, дядей, отцом. Последнего ты, наверное, не помнишь. Ты была слишком мала, когда мы потеряли Романа. Ингрид, — Квитон шагнул к ведунье и опустился на корточки. — Я не сомневаюсь в твоей преданности. Но в то время наш народ переживал трудные времена. Пообещай, что не вмешаешься. Даже если происходящее покажется несправедливым.

— Квитон, я осознаю последствия перекраивания истории, — отчеканила ведунья.

— Знаю. Однако жду клятвы. На ключах времени. Сегодня же.

— Хорошо, — в голосе Ингрид не прозвучало привычное беспрекословное подчинение, но вправо выбора все равно отняли.

— Дебра, Марко, — хранитель повернулся к гостям. — Я не могу требовать от вас клятв. Но хочу напомнить, что любое изменение истории способно привести к катастрофе.

Дебре не понравились слова Квитона. Владыка темнил. Да, резон в пламенной речи присутствовал. Однажды кто-то переписал историю, разделил реальность на две половины и убил миллионы людей. Но хранитель боялся вмешательства и по другой причине. Он заинтересован, чтобы его настоящее осталось неизменным. Неслучайно упомянул, что у владыки Элиота были и другие возможные приемники.

Дебра хотела обсудить поведение Квитона с Марко, но из дома владыки его увел близнец Ады — Рональд. Сказал, требуется мужская помощь. Ингрид снова поспешила домой, пришлось коротать день наедине с удручающими мыслями. Чтобы отвлечься, Дебра уткнулась в книгу со сказками, о которых раньше не слышала. Каждая посвящалась времени, а мораль сводилась к бережному отношению к минутам и часам. Но тревоги не давали сосредоточиться и насладиться чтением.

На закате, не выдержав пытки одиночеством, Дебра отправилась к дому Марко, но наткнулась на запертую дверь. По телу прошёл нехороший холодок. Она понимала, что хранители не причинят вред экс-приставу. Его участие в «великой» миссии предопределено. Но душу царапало беспокойство. С доверием к волшебному народцу не складывалось. Не придумав ничего лучше, Дебра пошла к Ингрид и Арвиде.

Дверь открыла ведунья. Мрачная, как грозовая туча.

— Куда вы дели Марко? — напала на нее Дебра с порога.

— Он в Храме с другими мужчинами, — удивилась напору Ингрид. — Крыша прохудилась. Рональд подумал, дополнительные руки не помешают. Ты решила, Марко украли?

— От вашего брата всего можно ожидать.

Ингрид пропустила замечание мимо ушей.

— Чай будешь?

Дебра кивнула, догадавшись, что Ингрид дома одна. Иначе б не пригласила.

Гостя устроилась за столом, покрытым клетчатой бело-розовой скатертью, и сложила руки, как примерная школьница. Яркие красные лучи уходящего солнца свободно гуляли

по кружевным шторам. Ведунья суежилась рядом, разливая по чашкам кипятков. Со стороны всё выглядело, как встреча закадычных подруг, но в воздухе витала неловкость.

— Я бы тоже переживала на твоём месте, — посочувствовала Дебра, когда Ингрид вместо сахарницы поставила перед ней солонку.

— Я не переживаю, — Ингрид села напротив, на лице застыло непривычное хмурое выражение. — Я не против путешествия. Никто из живущих ныне хранителей не может похвастаться, что участвовал в латании дыр во времени. К тому же, я хочу покинуть Земли. На пару месяцев.

Дебра подпрыгнула на жестком стуле.

— Ты же радовалась, что оказалась дома.

Ведунья резким движением откинула назад светлые волосы.

— Раз нам предстоит и дальше работать вместе, пора перестать притворяться, — она театрально закатила глаза. — Я всегда чувствовала себя чужой в твоём мире и мечтала вернуться домой. Но и здесь мне нет места. Я не такая, как они. Не нахожу в себе покорности, чтобы беспрекословно выполнять приказы и не задавать вопросов.

— Но именно это ты и делала. Как робот!

— Я притворялась, — отмахнулась ведунья и помешала чай. — Я выросла среди людей. У меня иное мировоззрение.

— Разве тебя воспитывал не хранитель? — удивилась Дебра. — Твой дядя Арэн?

Глаза Ингрид наполнились пронзительной грустью.

— Он умер пять лет назад. Потом я жила с тетей Далией, а она человек. Дядю тоже нельзя назвать полноценным представителем нашего народа. Он давно покинул Земли и не хотел иметь ничего общего с хранителями.

— Почему? — у Дебры голова пошла кругом. Если сын владыки не жаловал сородичей, дело точно нечисто.

— Дядя не любил вспоминать прошлое. Ругал наши правила. Твердил, что хранители с легкостью бросают близких в беде. На крыше Центра я подумала, как слова Кассандры Гордон похожи на то, что говорил дядя Арэн.

— Твой дядя — не Кассандра! — с жаром возразила Дебра.

— Знаю. Он был замечательным. Но что-то заставило его думать так же, как эту жуткую женщину. В человеческом мире живет несколько семей-отщепенцев. Что-то случилось на Землях. Нехорошее. Это заставило хранителей массово покинуть родные места. Навсегда.

— Думаешь, это они жили в заколоченных домах?

— Наверняка. Ушли они около девятнадцати лет назад. В то самое время, куда нам предстоит отправиться, — Ингрид сделала большой глоток и скривилась, чай оказался горячее, чем она ожидала. — Уверена, говоря о трудном периоде, Квитон имел в виду этот массовый уход. Вдруг он связан с разрывом во времени? Даты-то совпадают.

Дебра замотала головой, ей категорически не хотелось влезать в личные дразги хранителей. Своих проблем хватало.

Ингрид поднялась, чтобы включить свет. Солнце село, и кухня тонула в полумраке. Но рука остановилась на полпути. Ведунья прислушалась и приложила палец к губам. Дебра тоже услышала голоса на улице, без труда узнав Арвиду и Квитона. Хлопнула входная дверь, в гостиной щёлкнул выключатель, протестующе скрипнули половицы.

— Мы одни, — заверила хозяйка дома. — Можно говорить спокойно.

— Мы все обсуждали десятки раз, — бросил Квитон раздраженно. — Я устал с тобой

спорить.

Ведунья взяла подопечную за руку и потянула к задней двери, ведущей с кухни на улицу.

Дебра не возражала. Обeim не улыбалось быть обнаруженными.

— Ингрид может пострадать! — звенящий крик Арвиды заставил дочь, коснувшуюся дверной ручки, остановиться.

— Это решение твоего отца.

— Он был не прав!

— Когда решил отправить внучку в прошлое? Или спас её в младенчестве, на что не имел права?

Дебра ощутила, как задрожали пальцы Ингрид.

— Не смей ЭТОГО говорить! — крикнула Арвида визгливо.

— Извини, — голос Квитона стал хриплым.

— Меня пугает решение отца. Я годами считала, что он сохранил Ингрид жизнь из-за чувства вины. Но теперь мне кажется, он всегда знал, что принесет ее в жертву. Владыка нарушил незыблемые правила, чтобы получить оружие.

— Меня посещала та же мысль, — признался Квитон. — Но потом я ее отбросил. После всего случившегося Элиот не стал бы бездумно рисковать членом семьи.

— Вдруг Ингрид узнает правду в прошлом?

— О том кошмарном дне? Или о себе? Первое — не страшно. Второе — невероятно.

— Но если она разочаруется и не захочет жить на Землях?

— Девочка уже не стремится быть хранителем. Я чувствую в ней сомнение. Она, как Арэн, предпочтет человеческую жизнь.

— Ты будешь рад?! — разъярилась Арвида. — Тебе это на руку!

— Ты сама не понимаешь, что говоришь, — Квитон засмеялся, но смех получился неестественным, наигранным. — Спокойной ночи, Арвида.

Ингрид беззвучно распахнула дверь и побежала прочь, таща за собой Дебру, как на аркане. Та не сопротивлялась, хотя ноги заплетались, и любое препятствие в темноте грозило серьезными травмами. Она поняла, что ведунью опасно останавливать. Лучше бег, чем громкие крики и рёв. Хранителям ни к чему знать, что их разговор подслушали.

Девушки преодолели половину поселка, не меньше. Ведунья хотела убежать не только от Арвиды и Квитона, но и от самой себя. Выбившись из сил, она повалилась на траву у заброшенного дома. Дебра едва успела сориентироваться, чтобы не рухнуть сверху. Ужасно болел бок, и саднило ногу, которой зацепилась за корень вековой сосны.

— Как ты? — спросила Дебра, тяжело дыша.

Она плюхнулась рядом с Ингрид. Высокая трава была мягкой и удобной, не хуже постели.

Закрыть бы глаза и уснуть прямо тут под звездами.

— Жить буду, — отозвалась ведунья хрипло. — Вероятно, не здесь. Квитон прав: я не хочу становиться хранителем. Тошнит от их самодовольства и вранья!

— О чём они говорили? — Дебра испытывала неловкость, но делать вид, что ничего не произошло, глупо.

— Никогда не слышала, чтобы дед меня спасал, — ведунья перекатилась на другой бок и

схватила подопечную за ворот блузки. — Завтра поговори с Марко. Пусть знает об ушедших хранителях. Но о подслушанном разговоре ни слова! Ясно?!

— Хорошо, — Дебра понимала, что у Ингрид есть право хранить семейные секреты. Но ощутила горечь. Недавно она завершила Марко, что тайны от него закончились.

Проснулась Дебра на рассвете. В холодном поту и с громким криком. Вернулся старый кошмар о медальоне и белой комнате. Контролировать сон опять не получалось. Дебра превратилась в марионетку, послушно повторяющую заученный текст. Единственным отличием стало поведение Энн Ди. В серых глазах не осталось жизни. Механическая кукла, а не человек. Зато голос смертельного врага звучал громче обычного, словно усиленный мощными динамиками.

Дебра умылась прохладной водой и отправилась на прогулку, чтобы почувствовать тепло раннего солнца и согреться. Посёлок тонул в лёгкой дымке, трава, на которую девушка неосмотрительно ступила, была влажной от росы. Она скинула намокшие босоножки и шла босиком по овальным серым камням. Аккуратные, без единой щербинки, они приятно гладили ступни.

Дебра любовалась густыми кронами деревьев — сочной зеленью на фоне голубого неба, и гнала прочь печальные мысли о безрадостном прошлом, мрачном настоящем, пугающем будущем. И о Дилане. Она приняла спасительное решение. Для неё он не умер. Друг выбрался из Центра и уехал в Бриладу. Он ждал, когда Дебра разберется с делами и тоже вернётся домой. Вот только... Только это возвращение зависело слишком от многих вещей. В том числе, от лжи, которой пичкали хранители. Или полуправды.

Дебра не поняла, как вышла к дому Марко. Она туда не собиралась, но сама не заметила, когда поменяла направление. Бывший пристав не спал. Сидел на крыльце с толстой книгой в руках. Лучи солнца игриво перебирали темные пряди, даря задорный рыжеватый оттенок.

— Я всегда встаю рано, — парень потянулся. — Со школы стражей. Сложно избавляться от старых привычек. Что-то случилось? Выглядишь встревоженной.

Дебра кивнула и поймала себя на мысли, что они так недолго знают друг друга, а Марко чувствует любые изменения её настроения.

— Я вчера говорила с Ингрид... — и Дебра пересказала услышанное от ведуньи об ушедших хранителях и отношении к сородичам её дяди Арэна.

Марко отреагировал спокойно.

— Я ждал чего-то подобного. Не удивлюсь, если владыка сам наворотил дел в прошлом и захватил власть силой. Но он прав, вмешиваться нельзя. Наша задача — вернуть украденный ключ. Всё остальное должно идти своим чередом. Дебра, — парень осторожно взял ее за руки. — Помни, я сдержу обещание, пройду этот путь с тобой, чем бы он для меня не закончился.

В душе развязался узел. Или, как минимум, ослаб. Не из-за уверенности, прозвучавшей в голосе бывшего пристава, а от тепла сильных ладоней. Сердце Дебры заметно ускорило, но это был приятный стук, согревающий кровь.

...Во второй половине дня состоялось традиционное собрание у владыки. Ингрид выглядела бодрой. Брови, как в предыдущие дни, не хмурила. Но это ничего не значило. Теперь Дебра знала: ведунья отлично умеет притворяться.

— Вы думаете, проще рассказать всё сразу, — произнес Квитон, едва гости устроились за столом. — Но важную информацию легче переваривать частями. Сегодня поговорим о виновниках разрыва во времени. О шестёрке.

Голос хранителя звучал одновременно и пафосно, и трагично. Дебра невольно подумала, что ему бы в театре выступать, а ещё лучше — в цирке. Осточертел излишний драматизм, фальшивый до невозможности. Она и раньше недолюбливала владыку, а после подслушанного разговора испытывала откровенную неприязнь.

Квитон разложил на столе шесть фотографий: пяти мужчин и одной женщины. Марко

удовлетворенно кивнул. Мол, так и думал. Дебра тоже не удивилась.

— Абрахам Уинфри, — с ненавистью процедила она, глядя в глаза верховному правителю планеты, запечатленному за рабочим столом.

Седой холеный мужчина выглядел привлекательным, но общее впечатление портили большой нос с горбинкой и жесткий (чересчур жесткий для спасителя планеты!) взгляд. Как люди могут быть настолько наивными? Верить, что с многочисленных фотографий смотрит благородный человек, которому человечество обязано всем. Впрочем, еще недавно она сама верила...

— Значит, это Уинфри воспользовался украденным ключом?

Квитон пожал плечами.

— На Уинфри нет четкого отпечатка путешественника во времени. Как и на остальных пятерых. Есть одинаковые следы на аурах. Каждый приложил руку к созданию нового мира. Неважно, кто открывал дверь. Они все виновны.

Дебра с отвращением вглядываясь в суровые, уверенные лица противников. Помимо Абрахама Уинфри и Присциллы Грей, с фотографий высокомерно взирали еще четыре человека, приближенные к верховному правителю. Генрих Вайтман был правой рукой Уинфри, его заместителем и советником. Герберт Керр отвечал за сферу образования. Марио Фернандес и Томаш Артис работали на Присциллу. Один возглавлял центр Хайди и сеть клиник, в которых лечили подконтрольных. Второй курировал проведение тестов на «неизлечимый» недуг по всему миру.

— Кем они были девятнадцать лет назад? — спросил Марко. — Какая связь с Гивиреной?

Квитон сконфуженно крикнул.

— Мы проверяли биографии шестёрки. Неоднократно. Но не обнаружили и намека на связь с главным космическим центром Земли. Мужчины были простыми чиновниками. Присцилла работала в больнице. Жаждала повышения, но не получала его. Она уже тогда была подругой Уинфри. Близкой подругой.

Дебру передёрнуло. Ну и парочка! Мерзость!

— Энн Ди может узнать кого-то из шести, — предположила Ингрид, впервые заговорив на сегодняшнем собрании.

— Из пяти, — поправила Дебра, вспомнив ночной кошмар. — Присциллу можно исключить. Не она путешествовала в прошлое. В снах на нас с Энн Ди нападает мужчина.

— У меня есть идея на этот счёт, — объявил Квитон. — Дебра, задержись. Проведем эксперимент. Возможно, сны помогут установить личность путешественника. Ты не видела его лица, но голос-то слышала десятки раз. Я записал выступления пятерых подозреваемых по радио.

Увы, энтузиазм, с которым Дебра преступила к «эксперименту» Квитона, не помог. Она два часа прокручивала записи голосов — одну за другой. Но не поняла, кого из пятерых мужчин годами слышала в общем с Энн Ди сновидении. Все голоса казались обычными и не вызывали страха.

— Во сне голос усилен и отдается эхом, — оправдывалась Дебра.

Но хранитель не скрывал разочарования.

Ночью опять приснился кошмар. Не о седьмом ключе, надоевшем до тошноты за годы «просмотра», а крыша Центра. Неподвижные тела, распластавшиеся перед мрачной женской фигурой, с ног до головы закутанной в чёрные одежды. Она стояла неподвижно, скрестив руки на груди. Выглядела неестественной, призрачной. Но Дебра точно знала: женщина смотрит на неё сквозь прорези маски. Пристально и насмешливо.

Голос — хриплый и беспощадный — разорвал невыносимую тишину.

«Боишься, Дебра Рид? Правильно делаешь. Думаешь, они помогут тебе? Не рассчитывай. Они бросят тебя одну. Ведь твоя жизнь имеет для них значение лишь до поры до времени».

«Лжёшь!» — закричала девушка. — «Ты лжёшь!»

«Может быть», — бросила Кассандра почти безразлично. — «Но разве хранители говорят правду? Они дали повод доверять им, избранное человеческое дитя?»

...Жуткий голос продолжал звучать в голове, пока Дебра умывалась, пытаясь сбросить остатки липкого сна, готовила крепкий кофе и пила его маленькими глотками на балконе, подставляя лицо теплему июльскому ветру. Избавиться от мысли, что ведьма права, не получилось. Дебра не могла верить Квитону. Как и остальным хранителям. Не считая Ингрид, которая сама теперь не знала, где ложь, где правда.

Дебра столь явственно представила сердитую ведунью, что ни капли не удивилась, когда та помахала снизу — не выпавшаяся, но решительная. Белое платье Ингрид было короче тех, что она носила прежде, на руке красовался браслет из разноцветного бисера.

— Это протест. Мутит от белого и старомодного. Мама взбесится, ну и пусть, — объявила Ингрид, переступая порог гостиницы. — Я хотела поговорить с тобой до встречи с Квитоном. Всю ночь не спала. Думала о Кассандре. Вдруг я однажды стану злой, как она.

Дебра, готовящая новую порцию бодрящего напитка, чуть не выронила кофеварку. Посмотрела на Ингрид как на умалишенную, но пальцем у виска крутить не стала. Не по-дружески.

— У тебя нет ничего общего с Кассандрой, — заверила, усаживаясь напротив мрачной одноклассницы.

— Ведьма поняла, что я чувствую, и какие выводы сделаю, раньше меня, — Ингрид насупилась. — Значит, сама через это проходила. Вспомни их с мамой разговор на крыше Центра. Кассандра сказала: «Вы бросили её». В этой фразе было что-то личное. Дебра, пообещай, что присмотришь за мной в прошлом. Что бы мы там ни увидели, не дай мне озлобиться. Я не хочу превратиться в Кассандру. Напоминай мне об этом. Каждый день, если придётся.

Дебре ничего не осталось, как согласиться. Иное бы ведунью не устроило.

...Вечером в дом Квитона Ингрид пришла взвинченная. Хмурилась и теребила край подола. От вчерашнего притворства не осталось следа. Услышав, что Квитон хочет поговорить о Кассандре Гордон, ведунья взорвалась и затрясла кулаками.

— Так и знала, что это она! Кассандра украла ключ!

— Всё сложнее, Ингрид.

Владыка заговорил медленно, аккуратно подбирая слова, чтобы не сказать лишнего. Было в истории нечто такое, что хранители хотели похоронить навсегда.

— Кассандра была... эээ... свободолюбивой. Вздорная девчонка много времени проводила вне Земель. Общалась с обычными людьми, гуляла, развлекалась. Элиот закрывал глаза на ее отлучки. Кассандрой многие восхищались. Она умела очаровывать. Хранители и люди сами не замечали, как начинали доверять ей больше, чем себе...

Дебра покосилась на Ингрид. Может, ведунья ошиблась? Гордон не угадала её настроение, а впечатала в мозг своё видение событий?

...Потом Кассандра влюбилась, — продолжил Квитон мстительно. — В простого человека. Встречалась с ним тайно. Но её хваленые способности подвели. Возлюбленный оказался не восприимчив к чарам. Он ушёл. Кассандра озлобилась, поссорилась с владыкой. Стала неуправляемой и сбежала.

— А как же обряд развенчивая? — удивилась Ингрид.

— Его провели позже, — пояснил Квитон торопливо. — Пришлось разыскивать сумасбродную девчонку несколько месяцев. Она неплохо устроилась. Вовсю пользовалась способностями, чтобы получить от жизни максимум. Для Элиота это послужило последней каплей. Он решил не ставить Кассандре магический блокиратор, который сдерживает силу (такой был у твоего дяди Арэна), а провести обряд развенчивания, чтобы полностью «убить» способности хранителя. Увы, владыка не довёл дело до конца. Сжалился над любимицей. Лучше бы он приговорил бывшую ученицу к мгновенной смерти. Звучит ужасно. Но после обряда она превратилась в чудовище. Кассандра превосходила по силе почти всех, и вдруг превратилась в «инвалида». А полужизнь — не сахар.

— Не понимаю, — задумчиво произнесла Ингрид. — Если ведьму лишили силы, как она добралась до ключа? Без чар невозможно пройти через Врата.

Квитон вздохнул, демонстрируя печаль. Но никто не поверил в её искренность.

— Кассандра и не проходила. Ключ спустя несколько лет украла для неё юная ведунья Йоли. Бедняжка с детства боготворила предательницу. Думала, действует во благо, а в результате ключ оказался у шестёрки. Кассандра отдала его давней человеческой подруге

— доктору Присцилле Грей.

— Что случилось с Йоли? — спросила Ингрид, не решаясь посмотреть Квитону в глаза. Поняла, что ничего хорошего не услышит.

Хранитель подтвердил опасения.

— Шестерка переписала историю, Йоли из альтернативной реальности не подозревала, что натворила в прошлый раз. Владыка Элиот дал девочке шанс. Но она все равно выросла бунтаркой, влияние Кассандры опять не прошло даром. Йоли жаждала свободы. Сбежала, но не сумела устроиться среди людей. Погибла молодой.

Дебра вонзила ногти в ладони, чтобы справиться с нахлынувшим омерзением. Какое же Кассандра чудовище! Представилась Йоли — юная девушка в старомодном платье. Ещё одна жертва, кровь которой на руках беспощадной женщины в чёрном. Она бы и Ингрид убила, не поспей Арвида вовремя на крышу Центра!

— Ведьма носит маску из-за обряда развенчивания?

— Нет, — Квитона передернуло от неприятного воспоминания. — С ней произошёл несчастный случай. Она сильно пострадала. Ее лицо, тело... Я не имею права об этом говорить, да и к нашему делу та давняя история не относится.

— А о «готовом плане» говорить можете? О том, который упоминал Домиан?

Вопрос задал Марко и застал всех врасплох. Дебра вздрогнула, полупрозрачные глаза Ингрид изумленно расширились, Квитон побагровел.

— Моим советникам стоит чаще держать рот на замке, — проворчал он.

— Опять уйдете от ответа? — в лоб спросил Марко, терпению стража тоже имелся предел.

— Не уйду, — сдался владыка. — Речь о Кассандре. Нет никакого плана. Одни глупости на уме моих так называемых помощников. У них родилась «гениальная» идея: отловить предательницу и допросить. Но есть «маленькая» проблема. Понятия не имею, как мерзавка это делает, но наша сила отскакивает от неё рикошетом и бьёт по нам самим. На себе однажды проверил. Едва жив остался. Повторять опыт не желаю. Но Калиб и Домиан все равно хотят попробовать, вдруг у них получится.

Дебра мысленно вернулась на крышу Центра. Арвида не использовала силу против Кассандры. Била в других. Ведьма стояла целехонькая, пока остальные падали деревянными солдатами.

Стоп! А как же Ингрид?! После её атаки Гордон вырубилась.

Ведунья подумала о том же.

— Моя сила не отскочила, — Ингрид испытывала неловкость и отвела взгляд. Владыка не справился, а она сумела.

— Ты — особый случай, — пояснил Квитон. — Владыка Элиот снабдил тебя дополнительной защитой от Кассандры. Дед понимал, рано или поздно ваши пути с предательницей пересекутся, и ты должна быть во всеоружии. Вот ты и пробила защиту.

— Можно допросить Присциллу Грей, — предложил Марко. — От неё рикошета не будет.

— Сильно сомневаюсь, — горько усмехнулся владыка. — Получив ключ, наши противники провели обряд подчинения. Кассандра научила. С шестью ключами это могут проделать и люди. Лишь медальон не поддастся. С тех пор украденный ключ защищает Присциллу с сообщниками от нас.

Квитон оглядел притихших гостей и огорошил очередной новостью.

— Меня не будет пару дней. Когда вернусь, покажу ключи и расскажу о самой неприятной стороне миссии.

Глава 15. Седьмой ключ

— М-м-м, — восторженно протянула Дебра, пробуя сочное куриное филе. — Марко, тебе суждено однажды стать шеф-поваром.

— Повар из тебя получится лучший, чем был страж, — поддержала Ингрид.

В первый день отсутствия Квитона Марко пригласил девушек на обед к себе в дом. Дебра хотела отказаться, но язык не повернулся огорчать бывшего пристава. При слове «обед» представлялась тарелка с бутербродами, стоявшими поперек горла. Продуктами Ада снабжала подопечную исправно. Но готовила Дебра отвратительно и ограничивалась едой, которую не нужно ставить на плиту или в духовку. А у кого было учиться? Делинда не любила возиться на кухне. Проще набрать номер ресторана на соседней улице и заказать готовый обед или ужин на дом.

Настроение оставалось паршивым. Дебра всё утро просидела в гостинице, расписывая в блокноте события, приведшие к разрыву во времени. Этот метод не раз выручал в школе, когда задавали особенно сложные темы, помогал усвоить материал, а сейчас слишком многое приходилось раскладывать в голове по полочкам. Усложняло процесс вранье Квитона. Непонятно, где правда, а где удобный хранителям вымысел. К обеду Дебра сдалась и, перечеркнув половину записей, отправилась к Марко.

Накрытый стол превзошёл ожидания. Бывший пристав не поленился запечь белое мясо с картофелем, украсить блюдо зеленью, приготовить пряно-сладкий соус. К чаю Марко пообещал вишневый пирог, который Дебра, оценив по достоинству основное блюдо, ждала с особенным азартом.

Увы, попытка вести за обедом светскую беседу провалилась с треском. Без конца всплывали тайны хранителей.

— Утром я покопалась в архиве, — рассказала Ингрид. — Искала информацию о Кассандре.

Дебра нахмурилась. Нездоровый интерес ведуньи беспокоил. Но Марко был не прочь узнать подробности.

— Сведений о ведьме нет, — Ингрид, успевшая разделаться с курицей, отложила приборы. — Вообще никаких. Нет ничего и на Йоли, и на дядю Арэна. Информация о хранителях, покинувших Земли, уничтожается. Будто и не жили тут такие никогда.

— Сумасшедшие, — проворчала Дебра, продолжая орудовать ножом и вилкой.

— Интересно родня Кассандры здесь осталась? — спросил Марко. — Или их тоже изгнали с позором? В архиве есть кто-нибудь с фамилией Гордон?

— У хранителей нет фамилий, — ведунья оттянула цветные бусы, пришедшие на смену «протестным» браслетам. — Семьи получают номера. Не зная цифр Кассандры, родственников не найти. Я пробовала спрашивать местных, но они шарахались от меня, как от прокаженной. Никто не станет говорить.

— Цифры? — удивилась Дебра. — Откуда появилась фамилия Торренс?

— Дядя Арэн позаимствовал у тети Далии после женитьбы. Будь он жив, не стал бы скрывать. Кассандра — ученица владыки, значит, они хорошо знали друг друга.

За столом повисла пауза, Марко пришлось исправлять ситуацию на правах хозяина дома.

— Давайте забудем сегодня о Кассандре и...

— Перейдем к твоему пирогу, — весело закончила фразу Дебра.

Однако ей снова пришлось вспомнить о ведьме. Вернувшись вечером в гостиницу, она застала там Аду. Хранительница сидела в спальне на третьем этаже с фонариком в руках и блокнотом. Тем самым, на страницы которого выплескивались мысли, не предназначенные для посторонних. Ада увлекалась и не заметила возвращения Дебры. Смотрела на последний лист, где друг за другом стояли три имени, соединенные

стрелочками: Йоли, Кассандра и Присцилла. Рука дрожала, свет фонаря нервно скакал по бумаге, отбрасывая тени на стены.

У Дебры была возможность незаметно уйти и оставить всё, как есть. Но она устала от неучтивого поведения хранителей и лжи. Громко кашлянула, чтобы привлечь внимание. Фонарик подпрыгнул в руке Ады и покатился по полу. Теперь он светил на старые, потрескавшиеся половицы. Остальная комната погрузилась во тьму.

— Я принесла чистые полотенца, — хрипло проговорила поздняя посетительница, вставая.

— А заодно решила почитать чужие записи?

Дебра не видела в темноте выражение лица Ады и боролась с желанием шагнуть к выключателю, чтобы прогнать из комнаты мрак. Но не хватило смелости повернуться к хранительнице спиной.

Ада не стала отпираться.

— Я не собиралась ничего читать. Блокнот лежал на столе. С именами. К твоему, сведению, я не переворачивала страницы.

— К-к-какое... какое имя тебя привлекло? Кассандра?

Хранительница в нерешительности переминалась с ноги на ногу. Жаждала уйти, но что-то останавливало.

— Нет, Йоли. Как она связана с вашим присутствием на Землях?

— Не знаю. То есть, пока не знаю. Она сбежала, верно?

— Ложь, — выплюнула Ада. Тихо, но яростно. — Йоли не покинула бы Земли по своей воле. Она была самой покорной из сверстников. Ходили слухи, что она связалась с Кассандрой, и та её убила. Но...

— Ты в это не веришь? — подсказала Дебра, стараясь скрыть волнение.

Хранительница ответила не сразу.

— Здесь принято сваливать все беды на Кассандру. Знаю, она натворила что-то очень серьезное, раз владыка Элиот отрекся. Но мне трудно ее презирать. Кассандра спасла мне жизнь, когда я была ребёнком. Она не всегда была злой, а её брат заботился о нас с Рональдом, пока... пока... Не важно, он давно мёртв.

— Другие родственники у Кассандры остались?

Но Ада испугалась собственных откровений.

— Забудь, — зашептала отрывисто. — Забудь всё, что я тебе сказала. Этого не было, ясно!

Хранительница выскочила из спальни стрелой, каблучки застучали по железным ступенькам винтовой лестницы. Дебра осталась стоять посреди комнаты, глядя на старые половицы, освещаемые забытым Адой фонариком. Поздняя посетительница растворилась призраком. Будто короткий разговор в полутемной спальне померещился.

Второй день отсутствия Квитона Дебра провела в одиночестве. Марко вновь попросили помочь с ремонтом в Храме, а Ингрид мать нагрозила домашними делами. Дебра зашла, чтобы позвать её на прогулку, но ведунья высунулась из-за двери взъерошенная и устало провела рукой по взмокшему лбу.

— Мама нарочно, — проговорила она шепотом, чтобы Арвида не услышала. — Заставила разобрать старые вещи деда в подвале. Коробки тут годами лежали. Ещё бы столько же не требовали внимания.

— Ингрид, поторопись! — донеслось из глубины дома.

Ведунья гневно фыркнула и скрылась из виду.

Дебра вернулась в гостиницу. Гулять одной, когда на тебя все косятся, не лучшая затея. Пришлось последовать примеру одноклассницы и устроить генеральную уборку, чтобы трудиться и ни о чем не думать. Дебра понимала, что сосредоточиться за книгой не удастся, поразмышлять над тезисами тоже. Злополучные страницы из блокнота она сожгла накануне. Да, благодаря им, Ада подкинула ещё пару загадок. Но Дебра решила больше не рисковать.

Вдохновенная борьба с пылью сделала своё дело. К вечеру Дебра не чувствовала ног от усталости. Зато настроение улучшилось. В пропасть хранителей с их бесконечными тайнами! Дебра лежала в постели и думала о приятных вещах. Вспомнила второй контролируемый сон с Энн Ди и принялась фантазировать. Гонки её не интересовали, но посмотреть пару заездов она бы не отказалась. Сейчас невозможно представить, что профессор Тревис, умеющий проникать в чужие головы, раньше разрабатывал программы для подросткового спорта.

Гораздо сильнее Дебра мечтала оказаться на настоящем звездолёте. Пусть не в открытом космосе, а на земной стоянке. Войти внутрь, осмотреть каюты, капитанский мостик, грузовые отсеки. Раньше, зная о запрете, она не позволяла себе заходить в мыслях столь далеко. Но теперь начинала понимать, почему Энн Ди стремилась к звездам. В них была магия, не оставляющая равнодушных.

За окном пошёл дождь. Бился в стекло крупными каплями, но Дебра не замечала фонового шума. Видела себя далеко от владений хранителей. И от родной планеты. Стояла в настоящем скафандре на Луне и смотрела, как Земля подставляет один бок солнцу. Планета больше не была отрезана от остальной вселенной. Космические корабли вновь беспрепятственно покидали её поверхность, чтобы отправиться в дальние экспедиции...

Под звон колокольчика...

Стоп!

Дебра прислушалась. Колокольчик не имел отношения к фантазиям о космосе. Кто-то звонил вниз, ожидая, пока хозяйка спустится и выпустит позднего гостя. Неужели, Квитон вернулся и устраивает собрание, на ночь глядя? Но это оказалась Ингрид. Встревоженная и промокшая до нитки. В руке она сжимала лист бумаги, которому тоже досталось от проливного дождя.

— Смотри, что я нашла в книге деда! — затараторила ведунья, не замечая, как на пол текут струйки воды. — Сохранилось со старых времен. Это последняя страница письма.

— Ингрид, тебе надо переодеться... — начала Дебра.

— Смотри на подпись! — велела одноклассница нервно. Мокрая страничка прыгала в дрожащих пальцах.

Дебра посмотреть на строчки, написанные в спешке, и на имя под ними.

— Кассандра, — прошептала она, переводя взгляд на взвинченную ведунью.

— Читай! — потребовала Ингрид.

Просить дважды не требовалось. Дебра вырвала мокрый лист из руки одноклассницы, нечаянно оторвав уголок.

«...ничего не исправить, их кровь на твоих руках. Что до меня... Я сделала выбор. Ты никогда его не примешь. Не поймёшь. Но я больше не нуждаюсь в твоём одобрении. Как и в прощении. Потому что тоже никогда тебя не прошу. За то, что поверил Арвиде, а не мне. За то, что позволил случиться беде, расколовшей наши Земли. Прошу лишь об одном: не ищи меня. У меня больше нет силы. Так дай прожить заурядную человеческую жизнь вдали от ваших интриг и ненависти...»

Дебра растерянно посмотрела на подругу.

— Как это «больше нет силы»? Квитон сказал...

— Что Кассандра, сбежав, пользовалась даром направо и налево, — Ингрид от возмущения топнула ногой, разбрызгивая лужу на полу. — Опять ложь? Что же здесь стряслось? Чья кровь на руках деда?

Дебра молчала. Прислонилась к стене, снова и снова перечитывая отрывок письма с новыми вопросами без ответов.

— Можно я сегодня останусь у тебя? — спросила ведунья плаксиво. — Дома не выдержу и кинусь с расспросами на маму. Эту стену мне не пробить, но отношения испортятся.

— Можно. Есть разговор.

Они проговорили, лежа в тёплых постелях, часа два. Ливень закончился. Только с листьев капала дождевая вода, да ветки боязливо скрипели на прохладном не полетному ветру. Дебра рассказала Ингрид о коротком диалоге с Адой. Говорила медленно, аккуратно подбирая слова в опасении, что ведунья сильнее расстроится. Но та успела взять себя в руки.

— Значит, у Кассандры был брат, — протянула Ингрид, задумчиво глядя в потолок.

— Его нет в живых, — проворчала Дебра и прислушалась, приподнимаясь на локте. Показалось, кто-то разговаривает внизу. Но это был ветер. — Все посвященные либо умерли, либо не хотят говорить. Со всех сторон тупик. Расскажи, каким ты запомнила деда. Надеюсь, он не был похож на Квитона?

Ведунья ответила не сразу.

— Я убедила себя, что дед был добрым и весёлым. Он много занимался со мной. Мы вместе читали книги, гуляли. Но теперь я вспоминаю и другое. Он никогда не спускал мне шалости. Требовал беспрекословного послушания.

— Это объяснимо, — Дебра с трудом сдержала зевок. — Тебя готовили к ответственному заданию.

— Дед не ладил с мамой. Я бывала у него часто, но он никогда не приходил к нам в гости и... — Ингрид оборвала саму себя и, как недавно Дебра, прислушалась. — Внизу кто-то есть.

В подтверждение зазвонил колокольчик.

— Дебра! Спускайся! — потребовал голос Квитона.

Ингрид закатила глаза.

— Их «величество» изволили вернуться, — она сбросила одеяло. Уважение к нынешнему владыке было утрачено. — Надеюсь, это не сбор на ночное «совещание».

Ожидания не оправдались. Квитон явился в компании сонного Марко. Экс-пристав видел не первый сон, когда его вытащили из постели, и теперь делал вид, что готов к поздним подвигам, в чем бы те ни заключались.

— Приветствую, Дебра, — поздоровался хранитель бодро и мастерски спрятал удивление, заметив за спиной гостью Ингрид. — Время позднее. Но ключи любят ночь, а нам пора переходить к делу. За мной!

В приказе владыки прозвучала сталь, и Дебра не посмела медлить. Даже за кофтой вверх не вернулась, хотя в футболке с короткими рукавами сразу начала мерзнуть.

— Куда мы? — спросила она у ведуньи, сообразившей накинуть подсохший дождевик.

— В Храм, — ответила та шепотом. — Ключи времени испокон веков там.

— Надеюсь, они хранятся под замком, — проворчала Дебра под нос, чтобы Квитон не услышал, и вздрогнула — на плечи накинули белую рубашку, снятую с теплого тела.

Разумеется, это был Марко. Кому бы ещё пришло в голову проявить заботу?

— А ты? — Дебра покосилась на его майку и голые плечи.

— Я привык.

— Спасибо, — пробормотала она. При мысли, что несколько секунд назад этот предмет гардероба был на самом Марко, щёки заалели, но рубашка отлично согревала, и Дебра решила не противиться.

Ночь выдалась тёмной и на редкость унылой. Деревья с печальным скрипом качались на ветру, тучи затянули небо, ни одной звезды не разглядеть. Поскальзываясь на мокрой дорожке и мысленно проклиная прыть Квитона, Дебра вспомнила обещание рассказать о самой неприглядной части миссии. Представились собственные похороны: яма в земле правильной прямоугольной формы и чей-то тихий плач. Может, мама? Вряд ли. Они с отцом позаботились о своей сохранности и не узнают, если дочь погибнет.

— Похороны — это воспоминание или мысли о будущем? — спросила Ингрид в ухо.

— Не лезь в мою голову, — зашипела Дебра.

— Это происходит вопреки моей воле, — ответила Ингрид, мрачно глядя на спину владыки, вышагивающего метрах в десяти впереди. — Возьми себя в руки. Сегодня Квитон не потерпит слабости ни от кого из нас.

Дебра сжала зубы до хруста, но почувствовала себя лучше. Гнев и раздражение предали моральных сил.

— Торопитесь! — потребовал хранитель, дойдя до Храма.

Голос звучал непривычно властно. Лучше б оставался покровительственно-приторным.

Такого Квитона Дебра презирала, но не боялась.

Владыка первым вошел в здание. Включил фонарь, загоревшийся желтым светом, хотя к ситуации больше подошёл бы факел с беспокойным огнём. Дебра мельком увидела тонущую в темноте комнату с множеством окон и рядами скамеек. Ада говорила, здесь жители Земель проводили общие собрания.

Квитон свернул на лестницу, но повёл спутников не на второй этаж, а вниз. Шаги четырёх пар ног по каменным старым ступеням звучали гулко, вызывая неприятные ассоциации. Пахло, будто в погребе — сырой землей и гнилью. Очаровательное место! Идеально подходящее для ключей времени!

Через два пролёта путь преградила массивная металлическая дверь. Абсолютно гладкая — без намёка на замок.

— Раньше зайти сюда мог каждый, — пояснил Квитон, не оборачиваясь. — Но с некоторых пор ключи охраняет магия. Открыть дверь под силу троим из нас.

— Вам, Калибу и Домиану, — догадался Марко. Он окончательно проснулся и жаждал попасть внутрь, чтобы увидеть волшебные вещицы собственными глазами.

— Верно, — Квитон положил ладонь на холодный металл.

Воздух наполнила мощная сила, как в ночь побега из Центра, когда Арвида явилась вызволять пленников из цепких лап Кассандры и Присциллы. Магия пронизывала каждый квадратный сантиметр. Воображение Дебры рисовало, как дверь разлетается на кусочки. Однако ничего страшного не произошло, лишь щёлкнул невидимый замок.

Внутри встретила темнота. Гнилью больше не пахло. Квитон переступил порог первым, пошарил на стене в поисках выключателя. Зажёгся электрический свет, четыре лампочки крепились к потолку. Дебра огляделась. Помещение значительно меньше, нежели наверху: метров по десять в длину и ширину. Стены выложены из кирпичей блекло-серого цвета. У дальней стены располагался обычный деревянный стол, который не потрудились накрыть скатертью для красоты и антуража. В ряд стояли стеклянные

шкатулки.

Семь шкатулок. Как однажды во сне.

«Разбить их проще простого», — подумала Дебра.

— На стекле чары, — Квитон легко прочёл мысли гостьи по лицу. — Можно весь день молотком стучать, и трещинки не появятся.

Марко хмыкнул. Не то недоверчиво, не то насмешливо.

— Шкатулок семь. Одна пустая. Пять можем открыть мы с советниками. Одну — самую большую — не способен отпереть ни один из живущих ныне хранителей. Шкатулка с медальоном подчинится лишь избранному, — Квитон повернулся к гостье. Лицо покраснело от возбуждения. — Настало время, Дебра Рид, проверить, прав ли был владыка Элиот, назвав твоё имя.

Хранитель шагнул к столу. Марко и Ингрид последовали за ним. Дебра промедлила, оттягивая неизбежное, по телу прошла судорога, словно дурное предзнаменование. Взгляды приковались к шкатулкам, в которых хранились золотые украшения. Изящная брошь в виде цветка лотоса с россыпью бриллиантов идеально подходила юной девушке. Массивное кольцо с большим изумрудом предназначалось даме в возрасте. Браслет с рубинами, от которого в глаза бил яркий кроваво-красный свет, выбрала бы только роковая красотка. Но Дебре не было дела до волшебных побрякушек. Глаза искали медальон, знакомый до боли. И голубой камень. Чистый, как слеза.

Вот только...

Главный ключ времени выглядел не так, как в многолетних снах. Та же форма. Те же странные письмена. Но не было...

— Где камень? — спросила Дебра хрипло.

— У меня нет ответа, — огорошил Квитон. — Не беспокойся, если ты — избранная, дорогу в прошлое медальон откроет и так. Подними крышку.

Дебра не торопилась выполнять требование владыки. Стояла, не шевелясь, и зачарованно разглядывала медальон. Без яркого голубого камня он выглядел пугающе.

— Дебра, — настойчиво напомнил о себе хранитель.

Марко и Ингрид смотрели на нее. Напряжение наэлектризовало воздух. Зажжешь спичку, и произойдёт взрыв.

«Пусть это будет ошибка!» — мысленно взмолилась Дебра, дотрагиваясь кончиками пальцев до шкатулки. Чем ближе к пропасти, тем страшнее. Попробовала откинуть крышку. Та послушалась, словно долгие годы жаждала прикосновения.

Экс-пристав и ведунья в унисон ахнули. Владыка возликовал.

— Получилось! Элиот был прав!

Дебра повернулась к остальным, борясь с гневом. Как они смеют радоваться её избранности? Но что-то случилось с комнатой. И всеми, кто находился внутри. Вместо знакомых лиц Дебра увидела серебристый туман, выливающийся из ниоткуда, и с криком повалилась на колени. Как в Бриладе. Целую жизнь назад. Виски взорвала боль. Новое видение явилось в насмешку. Или это треклятый медальон его вызвал, чтобы напомнить о мистических несурзностях?

Сознание унеслось в незнакомую просторную гостиную с бежевыми шторами на широких окнах и огромным камином с узорной решеткой. Спина к мирно потрескивающему огню сидел полноватый лысеющий мужчина в домашнем темно-синем халате. В руках он держал газету, но не читал её, а смотрел на двух мальчишек, похожих, как зеркальное отражение. Им было лет по десять-одиннадцать. Дети занимались чрезвычайно важным делом — разглядывали чертежи, споря и перебивая друг друга.

Дебра узнала мужчину.

— Папа! — вырвался крик.

Но в гостиной не прозвучало ни звука. Чистый разум не способен кричать.

Алан Рид сильно отличался от того, каким дочь его помнила. Выглядел опрятнее настоящего. Счастливее. Правда, морщин на лице насчитывалось не меньше привычного.

— Милый, будешь ужинать?

В комнату вошла женщина. Но не Делинда. Невысокая, светловолосая, она была моложе Алана лет на двадцать пять. Не красивая. Но обаятельная.

— Джессика, — Алан подарил блондинке нежную улыбку. — Спасибо, дорогая. Но пока рано. Мальчики не закончили работу.

Женщина с задором посмотрела на детей, и села на подлокотник кресла, одной рукой обнимая Алана.

— Что нового в университете? — спросила она.

— Сегодня проводил семинары. Студенты — настоящие фанаты космоса. Это замечательно. Я сам был таким. Хотя в их возрасте у меня на счету имелся настоящий космический подвиг. Плата за него была жестокой. Но за внеплановое геройство необходимо отвечать. Закон, есть закон.

Джессика засмеялась.

— Давно ты стал таким покорным? Когда я у тебя училась, ты всех уверял, что риск — дело благородное.

— Старею, — отшутился Алан, но в глазах поселилась грусть.

От женщины не укрылась реакция. Она ахнула.

— Прости! Я заговорила о риске, не подумав. Мне в голову не пришло, какие воспоминания...

— Ш-ш-ш... — Алан приложил палец к губам, покосившись на близняшек, не обращающих внимания на взрослых. — Знаю. Просто вдруг всплыло. Я сам в тот день чуть не погиб по собственной глупости. Был зол на весь свет и гнал машину, как сумасшедший. Кто бы знал, что на другом конце Каста-Беллы произойдет ещё одна авария. Кстати, недавно я видел мальчика. Конечно, он не мальчик. Ему тридцать пять. Целая вечность прошла. Занимается наукой. Нашел себе применение, несмотря на инвалидность. Ох, глупые, глупые дети. Впрочем, чему я удивляюсь? Сам их учил идти напролом. И вот чем всё закончилось...

Алан виновато посмотрел на Джессику и погладил по щеке, извиняясь за дурные воспоминания. В простом жесте было столько нежности, что Дебра задохнулась от боли. К Делинде отец так не относился. А, может, он вообще никогда ее не любил...

— Дебра!

Кто-то звал её. Не в гостиной, где сидели любящие супруги и их дети, а голос из реального мира. Из комнаты, где хранились ключи времени.

— Дебра, ты слышишь? Ответь мне!

Туман рассеивался, и она увидела взволнованного Марко. Он стоял на коленях и держал её за плечи.

— Тебе больно?

Она замотала головой и поняла, что плачет навзрыд.

Глава 16. Тени

— Подробностей не будет, — отрезала Дебра, вытирая мокрые щеки.

Подняться помогло упрямство. Физические силы иссякли под напором нового выматывающего видения. Голова кружилась, чудилось, что каменные стены сдвигаются, чтобы раздавить и людей, и хранителей. Лишь синие глаза Марко не давали ощущению реальности покинуть разум.

— Спасибо, — Дебра оперлась на ладонь экс-пристава. Тёплую и надёжную.

С другой стороны её поддержала Ингрид, шепча на ухо что-то подбадривающее. В сосредоточенном взгляде Квитона Дебра не увидела сочувствия. Ещё бы! Отключилась в ответственный момент и, что ещё хуже, уронила шкатулку с медальоном. Теперь владыка держал её, как раненного зверька, хотя на корпусе не было ни единой царапинки.

— Продолжим, — проговорил хранитель жестко. Он и мысли не допускал дать гостье время прийти в себя.

Дебра протянула трясущуюся руку к мистическому украшению. Но едва пальцы откинули крышку шкатулки, снова захотелось бежать прочь. Появилось стойкое предчувствие, что надвигается нечто жуткое, неотвратимое, от чего не защитит никто и ничто на свете. Жаль, от себя невозможно скрыться. Как и от страшных картин, являвшихся в видениях. Отца с новой семьёй. Или Дилана, целующего Вейду.

Дебра почти коснулась седьмого ключа, но отдернула руку.

— Где камень? — она яростно глянула в чёрные глаза Квитона. Но впечатления не произвела. Хранитель снисходительно улыбнулся.

— Медальон самый мощный из артефактов. Его сила слишком разрушительна, поэтому камень испокон веков хранится отдельно. Где он, ведомо лишь избранным. Владыка Элиот не счёл нужным поведать эту тайну, — в голосе Квитона явственно проступила обида. — Сама спросишь при встрече.

Квитон говорил и говорил. О миссии, главном ключе времени и задаче трёх путешественников. Заново повторял то, что они знали. Наслаждался речью и упивался собственной значимостью. Дебра на хранителя не смотрела, слушала вполуха. Взгляд приковался к медальону в шкатулке. Он пугал и завораживал. Покалеченной безделушке принадлежала её жизнь. А, может, и душа.

— Когда вернёте украденный ключ — это булавка для галстука с тремя изумрудами — доставите вместе с медальоном в белую комнату. Именно в ней мы сейчас находимся.

Дебра покачала головой.

— Это не...

— Она самая! — перебил владыка раздраженно. — Комната существует много веков. Все живущие на Землях хранители привносили в неё что-то свое. Но у хранилища есть и неизменный облик, одновременно существующий во все времена сразу. Именно такой комната являлась тебе во сне. Чтобы попасть внутрь, нужен медальон с камнем. А еще крайне важно соблюсти временные рамки. Вернуть оба ключа следует в день разрыва во времени. Когда они окажутся на законных местах, история перепишется, и первая реальность восстановится. А теперь, — глаза хранителя наполнились льдом, — я готов обсудить темы, о которых отказался говорить в день нашего знакомства. Это видения и необъяснимые смерти без симптомов.

Вдоль позвоночника Дебры прошёл ток. Нервы натянулись струной, вот-вот разорвутся, рана беззащитную плоть. Лицо владыки сделалось скорбным. Дебра больше не была уверена, что хочет знать правду. Пока она не приносила ничего, кроме новой боли.

Но сегодня Квитону было наплевать на чужие желания. И чувства.

— Смерти и видения — проявления первой временной линии, — проговорил хранитель. — Помните, что я говорил об изменении того или иного события?

Все трое кивнули. Дебра вновь посмотрела на ключи. Возможно, дело в игре света или в разбушевавшемся воображении. Драгоценные камни переливались всё ярче и ярче. На их фоне пустая шкатулка, в которой прежде хранился украденный ключ, выглядела блеклой, словно призрак.

— После разрыва во времени изменения происходили сплошь и рядом, — продолжил Квитон. — Особенно в Каста-Белле и ее окрестностях. Люди принимали важные решения, полностью переигрывая свои и чужие судьбы. Не говоря о том, в жизни скольких семей вмешалась Хайди.

Марко дернулся, но хранитель предпочёл не заметить реакции экс-пристава.

— Помните надувного слона? Давайте пофантазируем снова. Представим, что другой мужчина двадцати восьми лет навсегда покинул столицу из-за эпидемии. Он уехал в провинцию и женился на обаятельной секретарше. Но это была не его судьба. В первой реальности наш герой не сыграл свадьбу. В тридцать два года его сбил грузовик на автобусной остановке.

— В альтернативной реальности парню повезло? — спросил Марко с долей сомнения.

— Нет, — ответил Квитон хрипло. — Времени не нравятся изменения, тем более, их стало слишком много. Огромное количество людей избежало истинной судьбы. Время начало забирать тех, кого не догнала предначертанная смерть. Нашему герою не суждено дожить с секретаршей до старости. Сердце остановится, когда он будет возвращаться домой с работы или сидеть перед телевизором. Время возьмет свое. И пусть все эксперты мира ищут объяснение странной смерти.

Дебра застонала. Поняла, что ждет дальше.

— Мои видения! — выдохнула она чужим голосом. — Машина сбила тетю одноклассника. Но её сердце просто остановилось. Дилан говорил, — Дебра запнулась, произнося это имя, — что его отец делал вскрытие и ничего не мог понять. В Центре мне «показали» иную гибель Винсента Гранта — напарника Марко. В нашей реальности он упал замертво в кабинете Кассандры, а в видении мерзавец утонул. Заплыл далеко от берега, не рассчитав силы, — Дебра сжала кулаки и отступила на несколько шагов от хранителя. — Видения — не вымысел, не искаженная действительность, а...

— Реальность первой линии бытия, — подтвердил Квитон, поглаживая шкатулку с медальоном. — Всё это происходило раньше. До изменения истории.

— Нет! — запротестовала Дебра, вспомнив картинку, увиденную несколько минут назад. Отца и его другую семью. Это не по-настоящему. Как и отношения двух подростков, идущих по улицам Брилады, держась за руки.

— Дилан целовался с Вейдой! В моём видении! Но это... это... — она в ужасе примолкла.

— Продолжай, — велел владыка.

— Продолжать нечего! — Дебра едва сдерживалась, чтобы не кинуться на хранителя с кулаками, словно он один виноват во всех бедах. — Не пытайтесь убедить меня, что в первой реальности Дилан и Вейда встречались! Это бред! Они друг другу не подходят! В любой линии бытия!

— Мы живем не в вакууме, — слова Квитона прозвучали беспощадно, как приговор. — Характер формируется под воздействием обстоятельств и окружающих людей. В той реальности влюбленные могли дружить с детства. Не было главного препятствия. Тебя!

Марко хлопнул себя по лбу.

— Твои родители! — воскликнул он взволнованно. — Мы решили, что они жили в Каста-Белле и уехали из-за эпидемии. Но если Хайди не будет...

Дебре почудилось, что она летит в пропасть. Головой вниз.

— Моя семья не переедет в Бриладу, — закончила она предложение и пошатнулась.

Получалось, в первой реальности им с Диланом не суждено встретиться? Но они — единое целое. Друзья обожали друг друга. Однако нерушимая дружба им не предназначалась?!

Голову ударом молнии поразило другое воспоминание.

«Как-то я отца видел — на гоночной машине! Он бросил спорт, когда я родился. Мама просила не рисковать, раз семью завел».

Это сказал Донни перед мистическим «шоу», перевернувшем жизнь выпускного класса. Отец бросил опасное увлечение после рождения ребёнка. Но сын увидел его на гоночной машине. Если это обрывок первой реальности, значит, мужчина не отказался от любимого спорта. Не сделал этого потому что...

На глаза навернулись слёзы. Дебра тоже видела отца. Но не себя или маму рядом с ним. А совершенно другую семью!

— У кого бывают видения? — спросила она, догадываясь, какой ответ последует. — Они преследуют детей и подростков. Но не всех подряд, а только... только...

Сердце почти перестало биться. Как птица в клетке, потерявшая надежду.

— Приведу новый пример, — проговорил Квитон без выражения. Словно лекцию читал перед студентами, не заботясь, какое впечатление произведёт «материал». — У нашего парня и секретарши родился сын. Мальчик растёт, идёт в школу, обзаводится друзьями, влюбляется. Но в отличие от сверстников, он — дитя альтернативной реальности. Он — тень. В первой временной линии, как мы помним, отец не женился и угодил под грузовик.

В хранилище стало слишком тихо, скрип ботинок Квитона, шагнувшего к Дебре, показался оглушительным. Она попятилась, выставив вперёд руки, чтобы хранителю не пришлось в голову прикоснуться.

— Вы мерзавец! — с чувством припечатал Марко.

Ведунья осуждающе покачала головой, а Квитон громко рассмеялся в ответ.

— Как вы не понимаете? — воскликнул он, поочередно глядя на Ингрид и Марко. — Не видите главного? Я не чудовище, приговаривающее к смерти юную девушку во имя миссии. Вовсе нет! Когда история перепишется, нынешние мы исчезнем. Все до единого! В восстановленной реальности станем новыми личностями, быть может, совершенно не похожими на двойников отсюда. Лишь Ингрид в семнадцать лет вспомнит свою жизнь здесь. Потому что участвовала в латании дыры во времени и является хранителем. Но это будут пласты информации, а не пережитые эмоции. Наше «я» умрёт. Нет разницы между нами и тенями, вроде Дебры. Мы все приговорены к забвению.

— Это не одно и то же! — Марко с трудом сдерживался, чтобы не ударить хранителя. — Это...

— Обыкновенная трусость! — подсказала ведунья. — Попытка прикрыть великой целью бездушие. Желание поиграть в бога, чтобы никто не заметил ущербности.

— Ингрид! — щеки Квитона заалели. Он мог стерпеть претензии и грубость гостей, но не представительницы народа, во главе которого стоял. — Я спишу твои слова на волнение. Но советую не забывать предназначения. Мы — хранители времени. Бережь его — наша единственная задача.

— Иначе что? — спросила ведунья абсолютно спокойно. Она наплевала на последствия.

По лицу владыки было ясно, что сейчас прозвучит нечто убийственное. Но Дебра больше не могла слушать Квитона. Видеть его. Особенно здесь — в хранилище. С медальоном в руках. Главным ключом времени, выбравшим её для жертвоприношения.

— С меня хватит! — закричала она. — Я уйду! Латайте дыры сами! Кассандра и то

сказала больше правды! Моя жизнь для вас — ничто!

Дебра бросилась прочь. Бежала вверх по лестнице, задыхаясь от подступающих рыданий. Позади звучали голоса. Марко, Ингрид или Квитона? Она не понимала. Не хотела подпускать к себе никого из них. Сейчас даже Дилан не смог бы разделить злость и обиду на вселенную.

На улице кто-то схватил её за руку.

— Остановись же!

Из темноты вынырнул Марко. Белый, как сама смерть.

— Не трогай меня! — она оттолкнула парня, со всей силы ударив ладонями в грудь.

— Дебра! — их догнала запыхавшаяся Ингрид.

— Уйдите! — потребовала беглянка, давась рыданиями. — Не хочу никого видеть!

— Я могу помочь! Вывести тебя отсюда! Самой тебе с Земель не выбраться! — не дожидаясь реакции подопечной, Ингрид вцепилась в её запястья и приказала: — Закрой глаза!

Дебра плохо понимала, что происходит. Но подчинилась. На автопилоте. Последнее, что она увидела — ошалелое лицо Марко и мчавшегося во весь дух Квитона.

— Ты этого не сделаешь, Ингрид! — вопил владыка яростно, путаясь в длинном балахоне.

Поздно.

Дебра ощутила знакомую легкость в теле. Земля под ногами растворилась.

По мокрым щекам хлестнул холодный ветер. Наградил оплеухой, приводя в чувство. Дебра открыла глаза и вскрикнула. Решила, вернулся один из кошмаров, воссоздав место, в котором хотелось оказаться не больше, чем в белой комнате с убийцей.

— Ну и ну, — пробормотала Ингрид.

Беглянки стояли у школьного озера в Бриладе. В городе, в который не рассчитывали вернуться. На том самом месте, где целую вечность назад двое недалёковидных мальчишек поломали десятки судеб. В темноте всё вокруг выглядело зловеще. Беспокойная вода чернела в ночи, ветер отчаянно трепал листву на ивах, тонкие стволы сгибались и издавали пугающие скрипы, похожие на стоны.

— Почему мы здесь? — спросила Дебра, беспокоясь, что в белых одеждах они с Ингрид, как на ладони. Любой недоброжелатель увидит издалика.

— Я не фокусировалась на месте прибытия, — ответила ведунья, оглядываясь. — Оставила выбор тебе. Так хранителям сложнее выяснить, куда мы отправились. Впрочем, отслеживание перемещений — это высший пилотаж. Не уверена, что Квитону такое под силу. Вот дедушка мог.

— Значит, я выбрала это жуткое место? — Дебра поежилась. Но больше от сырости, нежели страха. Не помогала даже рубашка Марко, накинутая поверх платья.

— Да, но неосознанно, — пояснила Ингрид, обнимая себя руками и явно жалея, что сняла дождевик в Храме. — Ты часто вспоминала озеро.

Ветер усилился, и листья, не выдержав натиска, посыпались в воду. В непогоду большинству не суждено превратиться в маленькие кораблики. Поверженные они утонут или прибьются к берегу влажной, скомканной грудой.

— Нам опасно здесь находиться, — Ингрид взяла подопечную за руку. — Квитон обязательно проверит Бриладу. В городе могут торчать и шпионы шестерки. Не забывай, нас ищут люди Присциллы.

— Какой план? — Дебра поняла, что не готова принимать решения. Оказавшись за

пределами Земель хранителей, ощутила странную пустоту. Энергию высосали подчистую.

— Нужно спрятаться. Идём к школе.

Сырое унылое здание ночью выглядело ещё отвратительнее, чем Дебра помнила. Черные окна — пустые и мёртвые, напоминали глаза, в которых погасла жизнь. При одном взгляде на них, пробирала дрожь. Но Дебра не смела показывать страха, раз ведунья предала ради неё свой народ.

— Ты уверена, что нас не увидят? — спросила она тихо.

— Внутри один охранник, да и тот не в форме, — усмехнулась Ингрид. — Я его чувствую. Он в стельку пьян. Мы друг другу не помешаем. Сигнализации в здании никогда не было. Зачем? Брилада — город не криминальный.

Дебра думала, Ингрид выберет запасной вход, но она вломилась с центрального. С деловым видом положила руку на дверь, как недавно Квитон в Храме, и беззвучно зашевелила губами. Замки поддались быстро, послушно щелкнули.

— Ого! — ведунья удивленно посмотрела на дверь, потом на пальцы. — Странно. Раньше у меня никогда сразу не получалось.

— Разве? — Дебра зашла за одноклассницей внутрь. — Ты же отключила камеры в Центре.

— Нет, — Ингрид быстро огляделась и пошла к лестнице. Им повезло, что за окнами горели фонари, и внутрь попадал свет. — Я не отключала камеры. Воздействовала на сознание людей. Это не внушение, а что-то вроде галлюцинации. Замки отпирать я тоже умею. Но это иная магия. Раньше требовалось минут пять, не меньше.

Девушки поднялись на третий этаж и, не сговариваясь, повернули к родному классу. Свет не включили, чтобы не привлекать ненужное внимание. Глаза привыкли к темноте, да и обстановка отлично знакома. Дебра застыла на пороге, вспомнив, что в последний раз они были здесь в день фальшивого теста. Ингрид рисовала её портрет, когда по радио раздался взволнованный голос директрисы.

— Давай сдвинем парты, — предложила ведунья. — Послужат кроватью. Тебе нужно поспать, а я пока подумаю, что делать дальше.

— Шутишь? — Дебра нервно засмеялась. — Это последнее, что мне сейчас хочется.

— В Центре перед третьим сном ты то же самое говорила. Уснула, как миленькая.

Ложась на жесткие парты, Дебра надеялась, что обойдется без кошмаров. Достаточно тех, что обрушились наяву. Но тревожное сновидение попросилось в гости.

Дебра невидимой тенью выскользнула из тела и устремилась ввысь — к звездам, названия которых никогда не знала. Она летела, наслаждаясь скоростью. Внизу мелькали шумные реки, темные леса, огни больших городов и небольших селений. Сменяли друг друга всё быстрее и быстрее. Дебра чувствовала — снижаться рано. До пункта назначения далеко.

Она устремилась к земле, когда догнала солнце. Первые лучи небесного светила обняли мегаполис. Дебра, ускоряясь, полетела к зеленому кирпичному дому, стоявшему отдельно от остального жилья. Скользнула сквозь стены в большую комнату с плотно закрытыми шторами. Внутри продолжалась ночь, на столе догорали три свечи в старинном подсвечнике. На стенах и мебели танцевали тени. Наверное, разыгралось воображение, потому что одна из них вдруг отделилась от остальных.

Не будь Дебра бесплотной, закричала бы от страха. Черный сгусток рос, набирая краски, пока не превратился в мужскую полупрозрачную фигуру. Незваная гостья не могла разглядеть черты лица призрака, только широкие плечи и светлые с сединой волосы.

— Наконец-то!

В комнате находился кто-то третий. Дебра узнала голос. Хриплый и холодный.

— Ты стала нетерпеливой, Кассандра, — попенял призрак и чуть склонил голову, приветствуя женщину, сидящую в кресле в дальнем углу.

— Отнюдь, — проговорила она с легкой усмешкой. — Моему терпению может позавидовать кто угодно. Квитону точно стоит поучиться. Полагаю, он в бешенстве?

Дебра, переведшая взгляд с призрака на Кассандру, поняла, что та без маски. Но лицо скрывал мрак. Ведьма расположилась слишком далеко от свечей. Зато благодаря отсутствию привычного капюшона, Дебра смогла разглядеть темные, чуть выющиеся волосы, свободно падающие на плечи.

— Квитон рвёт и мечет, — злорадно проговорил мужчина. — Арвида на грани истерики.

— Приятно слышать. Но мы это предвидели, не так ли?

— Ты предвидела. И, как всегда, оказалась права. Что будешь делать с девчонками?

Дебра вся обратилась в слух, готовясь жадно ловить каждое слово. Но что-то случилось с комнатой. Она качнулась, как корабль в шторм. Картинка помутнела от ряби, похожей на помехи на экране телевизора. Кассандра что-то говорила, но Дебра не разобрала ничего кроме их с Ингрид имён. Через мгновение её вышибло из тонущего во мраке помещения. Швырнуло в небо. Подальше от зеленого особняка и женщины, рассуждающей об их с ведуньей судьбе...

Проснувшись, Дебра зажмурилась и прикрыла лицо ладонью. В глаза бил яркий солнечный свет. По ощущениям, время близилось к полудню.

— Ох, — простонала она, поднимаясь. Спина затекла. Захотелось выгнуться, как кошка, но от резкого движения стало хуже.

— Это не пятизвездочный отель, — пошутила Ингрид. Она сидела с ногами на подоконнике у распахнутого настежь окна и подставляла лицо летнему ветру. Бледность на щеках сменилась легким румянцем.

— Не боишься, что тебя заметят?

— Нет, — ведунья игриво встряхнула светлые волосы. — Ночной охранник ушёл, а дневной стришет газон с другой стороны здания. Больше здесь никого нет.

— Уверена? — Дебра не хотела обидеть одноклассницу, но слишком уж самоуверенной та сегодня выглядела.

Ингрид закивала, хитро улыбаясь.

— У меня ощущение, что могу свернуть горы голыми руками. Дядя Арэн говорил, после эмоциональных потрясений сила хранителей снижается. Но у меня всё наоборот. Идём, кое-что покажу, — Ингрид ловко спрыгнула с подоконника и поманила подопечную к зеркалу, висящему в углу кабинета. — Не пугайся. Это магия. Защитная.

После предупреждения Дебра была готова увидеть, что угодно, даже ветвистые рога на голове или подмигивающего чертика на плече. Но всё равно не удержалась от изумленного возгласа. Вместо собственного отражения в зеркале появилась миловидная коротко стриженная блондинка с глазами ясными, как небо.

— Это не я, — пробормотала Дебра и громко выругалась. Рядом с белокурой незнакомкой отразилось ещё одно постороннее лицо — круглое, в веснушках.

— Ты получилась симпатичней, — ведунья состроила рыжей девчонке рожицу. — Я полночи ломала голову, где нам спрятаться. А потом подумала: зачем? Идею я позаимствовала у Квитона. Он предлагал Марко изменить внешность, чтобы шестёрка не добралась. В смысле, наложить иллюзию. Для нас это идеальный вариант. Я не была уверена, что хватит способностей, но сработало. Моя сила, правда, возросла!

Пока Дебра изучала новую «оболочку», ведунья трещала без умолку. Призналась, что

нарочно сделала так, чтобы они видели истинную внешность друг друга. Было б странно общаться с чужачкой. Рассказала, что закрыла сознание от сородичей. Теперь даже Арвида не сможет её почувствовать. Главное, не рисковать и не посещать родные места.

— Нельзя приближаться к нашим домам, — подчеркнула ведунья строго. — Как и оставаться здесь. Шпионы шестёрки нас не узнают, но хранители могут догадаться.

— А Кассандра? — Дебра вспомнила сегодняшний сон и поежилась. — У неё могут быть средства для поиска?

Ингрид от неожиданности чуть не села мимо стула. Дебре пришлось объяснять причину интереса. Выслушав рассказ о необычном сновидении, ведунья развеселилась. Особенно Ингрид позабавила история о призрачном мужчине. По её «экспертному» мнению, подобного феномена не существовало в природе, а хранители не умели превращаться в невидимок. Значит, воспринимать всерьёз кошмар не стоило.

— Мы слишком часто говорили о Кассандре в последние дни, — объяснила Ингрид. — Пора забыть о ней. И о Марко. Знаю, он тебе нравится. Но вам не стоит больше видеться.

Дебра демонстративно прыснула, но щеки предательски заалели.

— Смейся-смейся, — попеняла Ингрид жестко, напомнив Арвиду. — Но это не я, а ты вцепилась в его рубашку. Как сняла, не выпускаешь из рук. Он парень симпатичный, и ты ему небезразлична. Это очевидно. Но теперь на одной чаше весов твоя жизнь, на другой — родителей и сестры. Как думаешь, кого он выберет: семью, оплакиваемую много лет, или девушку, которую едва знает?

Дебра отшвырнула белую рубашку и отвернулась. Слова ведуньи резанули ножом по сердцу. Она не подумала, что эгоистичным поступком перечеркивает надежды Марко воскресить близких. Даже о Дилане не вспомнила.

— Прости за прямоту, — Ингрид пересела ближе. — Но тебе придется ещё раз всё взвесить. Я не пытаюсь давить. Приму любое твоё решение. Но помни, Квитон приложит максимум усилий, чтобы нас найти за полтора месяца. Седьмой ключ сможет открыть дверь в прошлое лишь до 21 августа. Потом твоя избранность потеряет значение.

Дебра закусила губу почти до крови. Она забыла о точке невозврата.

— Все умрут, — прошептала девушка, вспомнив объяснения владыки. — Не сразу. А через несколько лет.

Ингрид пожала плечами.

— Квитон не часто говорил нам правду. Мог солгать и о главном. Может, перестанут существовать лишь хранители — в наказание за провал? Или, когда две реальности столкнутся, уцелеет одна? Та, которой повезёт больше. Я не верю, что мы все канем в небытие, и никого не останется.

Дебра прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Вспомнилось заточение в Центре. Мысли, не дававшие покоя после подслушанного разговора Кассандры и Присциллы. Тогда она считала, что жизнь кончена. Понимала: её убьют, едва выяснят о связи с медальоном. Казалось несправедливым умирать, не понимая, ради чего. Теперь Дебра знала, во имя какой цели хранители собирались принести ее в жертву. Но легче не становилось. Каждая клеточка протестовала.

Какими бы благородными ни были мотивы, класть на жертвенный алтарь жизнь она не желала. Дебра не собиралась быть тенью. Она — человек, и имеет право распоряжаться жизнью. Душу выворачивало наизнанку при мысли, что хранители с самого начала знали об участии избранного. С тех самых пор, как Дебре исполнилось семь лет. С какой стати она должна исправлять чужие ошибки? Такой страшной ценой! Самодовольный Квитон и высокомерная Арвида будут жить. Как и другие хранители, допустившие пропажу ключа.

Дебра сжала кулаки и посмотрела на притихшую ведунью.

— Я ни о чём не жалею, — объявила она. — Надеюсь, ты тоже.

— Я привыкла отвечать за свои поступки, — в прозрачных глазах Ингрид не было и намёка на сомнение. — Горько лишь от мысли, что я родилась хранителем.

Глава 17. След в след

Земли хранителей

Он устал. Плохо сконцентрировался и потерял слишком много энергии при переходе через Врата. Требовалось время на восстановление для обратной дороги. Но ему было чем себя занять на Землях. Ссора Квитона и Арвиды — сомнительное развлечение. Однако сегодня она грела душу. Приятно, когда старые враги готовы вцепиться друг другу в горло.

— Это ты виноват! Всё испортил глупыми речами и бахвальством! — кричала Арвида на владыку и была близка к тому, чтобы огреть его чем-нибудь тяжелым.

— Неправда! — глаза Квитона едва не выскочили из орбит. — Если хочешь предъявить претензии, — он выставил вперёд указательный палец, — начни с отца. Или с себя. Стоило больше стараться и быть матерью, а не мегерой.

— Что ты вообще понимаешь в родительских обязанностях? — хранительница оттолкнула руку владыки.

— Не намного меньше тебя, — парировал Квитон. — Говорил, будь терпеливее и мягче. Но куда тебе! А, может, — он подозрительно покосился на Арvidу, — это хорошо разыгранный спектакль? Ты не хотела, чтобы Ингрид отправлялась в прошлое. Тебе выгодно её бегство!

Женщина оскорблено ахнула.

— Ты бредишь! Я хотела, чтобы дочь была в безопасности! Со мной! Вдруг Кассандра найдёт их с Деброй раньше нас? — Арвида всхлипнула. И вовсе не фальшиво. — Тебя по кусочкам собирали после встречи с ней.

Лицо владыки исказилось от неприятного воспоминания

— Кассандра с большим удовольствием свернет шею тебе, а не Ингрид.

На этом ночная ссора закончилась. Арвида от возмущения не придумала быстрого ответа, а Квитон поспешил покинуть поле брани. Гость последовал за владыкой. Дочь его предшественника он не любил и понимал, что, оставшись с ней, не услышит ничего полезного. Лишь проклятья в адрес каждого, кто придёт вздорной женщине на ум.

Главный хранитель шёл, не замечая скользящей следом тени. Он не мог разглядеть незваного гостя. Большую часть времени тот оставался невидимым, чтобы экономить силы. Если б владыка хотя бы иногда ставил дополнительную защиту территории или проводил особую проверку, давно бы засёк нарушителя. Но Квитон всегда отличался небрежностью и самонадеянностью. Опасное сочетание, но полезное врагу.

В посёлке все давно спали. Здесь не существовало комендантского часа, но с наступлением темноты обитатели редко покидали дома. Так было не всегда. Призрачный мужчина помнил это место другим. Приветливые огни, непрекращающийся детский смех, чтения в Храме и ночные костры у пруда с песнями и рассказами. Летом посиделки молодежь устраивала по два раза в неделю, а его — самого примерного ученика — владыка Элиот назначал старшим, чтобы следил за порядком.

Всё это было до того, как он стал предателем.

Мысленно мужчина продолжал называть посёлок домом. Сейчас он не мог ощущать ветер или чувствовать запахи, но ему казалось, что невидимое и неосязаемое тело нежно гладит ночная прохлада. Чудился горький аромат полыни возле жилища Арвиды и головокружительный запах роз у дома, в котором когда-то жила Кассандра. Сейчас окна были наглухо заколочены, и цветы давно не росли. Но память — превосходный волшебник. Прекрасно умеет воскрешать то, что не суждено увидеть глазами.

Квитон уверенно прошагал мимо своего жилья. Призрачного спутника это не удивило. У владыки оставался ещё один гость-человек. С ним следовало объясниться и удержать на «коротком поводке». Этот разговор интересовал старого недруга больше остальных

событий, происходящих на Землях после побега Дебры и Ингрид. Он хотел увидеть реакцию Марко Донелли на последние новости.

Бывший пристав не думал ложиться. Сидел в кресле на веранде и смотрел в ночь. Рядом на столе стояла чашка с давно остывшим чаем. Внешне Марко выглядел спокойным. Маска, а не лицо. Но невидимый гость мог поклясться, что в душе парня бушует настоящий торнадо. Не показывать истинные эмоции научили годы работы стражем.

— Знал, что ты не спишь.

Квитон был сама любезность. Но Марко не планировал вести светскую беседу.

— Говорите, что выяснили, — потребовал он. — И не смейте лгать.

Владыка показательно вздохнул, и призрак выругался про себя. В молодости его смешила эта театральность. Теперь она вызывала отвращение.

— Знаю, ты осуждаешь меня, считаешь эгоистом, — верный себе Квитон начал издали. — Но что оставалось делать? Сказать Дебре в день знакомства, что ей не предусмотрено место в восстановленной реальности? Она бы не стала слушать остальное.

— Хватит, — Марко говорил спокойно, но жёстко. — Мне неинтересны ваши мотивы. И оправдания. Говорите, вы напали на след Дебры и Ингрид?

Квитон сел в плетеное кресло с другой стороны стола.

— Увы, наша девочка хорошо постаралась, — владыка горько усмехнулся. — Это первый случай, когда я не рад успехам будущего хранителя. Ингрид закрылась от нас. Мы с Арвидой, Калибом и Домианом не спали сутки, пытались отследить путь беглянок. Но не вышло. Мы понятия не имеем, в какой части земного шара они находятся. На всякий случай я отправил наблюдателей в Бриладу. Быть может, это ложный след, но на знакомой территории прятаться легче.

Экс-пристав молчал, продолжая беспристрастно смотреть перед собой.

— Послушай, Марко, — пошел хранитель в наступление. — Я верну Дебру. Это вопрос времени. Я с самого начала понимал — реакция будет бурной. Но считал, что постепенно сумею достучаться до её совести. Здесь, на Землях. Представить не мог, что Ингрид устроит цирк с побегом.

— Снимаю перед ней шляпу, — парировал Марко. — Хоть у кого-то из вашего народа хватило мужества принять решение самостоятельно и совершить поступок от собственного лица.

— Это не мужество, — чёрные глаза Квитона сверкнули. — Это безрассудство. Последствие воспитания Арэна и его человеческой жены. Сын владыки Элиота всегда был слабаком. Отец это хорошо понимал, поэтому никогда не делал ставку на мальчишку.

Невидимый гость осуждающе покачал головой. В словах Квитона была доля правды, но он любил поливать грязью погибших и перевирать факты. Можно подумать, Элиот продвигал Арвиду! О ней он был гораздо худшего мнения, чем о сыне. Да, Арэн никогда не стремился достичь высот, но хотя бы поступал по совести. И уж кому-кому, а ему хватило мужества разорвать связи с семьей и жить, как велит сердце.

— Когда Дебра вернётся, я сделаю всё, чтобы её переубедить, — продолжил Квитон с нажимом. — Мне понадобится твоя помощь. Не качай головой, Марко. Ты — солдат, и должен понимать, что правильное решение не всегда безболезненное. Мне жаль девочку, как и других детей альтернативной реальности. Но они лишь тени. Ошибка истории. Подумай и ответь самому себе: неужели, у них больше прав на жизнь, чем у тех, кто погиб из-за Хайди?

Квитон рассчитывал пробить брешь в непоколебимости пристава и почти этого добился.

— Не смейте, — приказал Марко, но голоса не повысил. — Не приплетайте мою семью.

— Дело именно в твоих близких. Разве Дебра достойнее твоей семилетней сестры? Понимаю, неприятная дилемма. Ты привязался к этой печальной девочке. Но готов ли ты ради неё подписать новый приговор семье? Подумай об этом, Марко.

Квитон похлопал парня по плечу и пошёл прочь. Призрачный мужчина остался, испытывая искреннюю жалость к юноше. Он знал, каково делать выбор, рискуя всем. Однажды сам ринулся на помощь девушке, к которой был привязан, пусть и безответно. Поставил на карту будущее и за это горько поплатился. Владыка Элиот был мудрее Квитона и давал хранителям иллюзию свободы. Но он не прощал неповиновения. А, тем более, нарушения незыблемых правил.

Марко сидел, не шевелясь, несколько минут. По лицу невозможно было понять, о чём думает и что чувствует. Но потом нервы сдали. Экс-пристав схватил со стола чашку и швырнул в стену.

Незванный гость покинул Земли на рассвете. Ночь провёл у пруда. Набирался сил, вспоминая юность. Его никогда не считали выдающимся. Способности середнячка, не более. Но он был прилежен, внимателен и послушен. Настолько, что владыка Элиот взял в ученики. Белокурый юноша стал ему почти, как сын. Гораздо ближе родного — Арэна.

Постепенно мысли перетекли от счастливых лет к кошмарному вечеру, когда владыка, которого он любил, как отца, принял неверное решение. Пошёл на поводу у эмоций, послушал того, кого не следовало. В ушах до сих пор стояли крики и плач. Память не желала стирать невинные жертвы чужой войны, лежащие на поляне перед холмом, на котором возвышался Храм. Горели десятки костров, освещая обезумевший от горя посёлок.

Он стоял, не шевелясь, и смотрел в мёртвые лица. На страх, навсегда застывший на них.

Не мог поверить. Не желал принимать.

Кто-то осторожно коснулся плеча.

— Переоденься, ты весь в крови.

Он не почувствовал, что рубашка пропиталась почти насквозь, когда переносил через Врата изувеченное тело девушки. У неё не было шансов выстоять против могущественного противника. Всё равно, что безоружному идти против танков. Но она не сдалась. Сделала всё, что от неё зависело. Потому что не могла иначе.

В тот миг молодой хранитель, внешне напоминающий окружающим ангела, впервые почувствовал беспомощность. И ярость. Вместе с ней пришло понимание, что жизнь в посёлке изменится. Прошлое уходило безвозвратно. А ещё он знал, что никогда не простит владыку. Как и многие другие обитатели Земель.

Сегодня призрачный мужчина покидал дом, из которого когда-то был изгнан, с чувством горечи. Здесь не справились с той трагедией. Вместо того, чтобы сделать выводы, предпочли вычеркнуть кошмар из памяти. Изменили уклад, пересмотрев многие приоритеты. Но предпочли забыть, что причиной беды стали не свободные нравы, а интриги и жажда власти.

Концентрируясь на Вратах, он не сразу выбрал пункт назначения. Возвращаться в нынешний дом пока не имело смысла. Как и в Бриладу. Она отставала от Земель хранителей на три часа, и сейчас там господствовала ночь. В Каста-Белле наступил полдень, и там ждали новый отчёт. Однако общение с сообщницей давалось не просто. И это мучило.

...Женщина с распущенными черными волосами почувствовала перемещение, хотя и сидела спиной к вновь прибывшему.

— Наконец-то! — Кассандра ударила ладонью по столу, пока бесплотное тело гостя набирало краски. — Я начала подозревать, что тебя засекли.

— Квитон? Ни за что! — усмехнулся мужчина, с кислой миной оглядывая кабинет. — Открой шторы! — взмолился он. — Или свечи зажги. Как в подвале!

— Мне так лучше думается, — отмахнулась Кассандра, поворачиваясь.

Он выдержал ледяной взгляд глаз, которые при солнечном свете были синее неба. Но сейчас в них пряталась ночь, таящая множество опасностей.

— Говори, — поторопила она и громко выругалась, не дождавшись мгновенного ответа. — Проклятье, Виктор! Иногда ты невыносим! У меня нет времени на игры!

— Правда? — он встал напротив, глядя сверху вниз в лицо, не скрытое маской. — Я единственный, кто способен тебя вынести. Прежде чем кричать, советую оглянуться и признать, что другого мальчика на побегушках у тебя нет.

Кассандра усмехнулась. Но без издевки.

— Каждый раз, возвращаясь с Земель, ты становишься несдержанным.

Виктор смолчал. Сообщница права, но признаваться не хотелось.

— К делу, — объявила хозяйка дома. Она не видела смысла продолжать пикировку. — Ты нашёл беглянок?

— Да. В школе. Как ты и определила.

После внезапного исчезновения девушек из-под опеки Квитона, Виктор побывал в этой комнате дважды. Сначала получил задание. Затем, посетив Земли, явился с отчётом. Именно тогда Кассандра провела обряд поиска при помощи магического кристалла, много лет хранившегося у неё в виде подвески. Она редко пользовалась им, чтобы не тратить энергию по пустякам. Но вчера был особый случай. К счастью, кровь юной ведуньи не составило труда достать в Центре. Остальное было делом техники. Кристалл и остатки силы хранителя помогли определить местонахождение девушки с погрешностью в несколько метров.

Кровь Ингрид использовалась не впервые. Предыдущий образец Кассандра позаимствовала в лаборатории после грандиозного побега из Центра. Она, как и Виктор, училась у самого выдающегося хранителя последних десятилетий. Но ей владыка Элиот помогал не только обуздать врожденную силу, но и передавал особые знания. Она умела проводить обряды, черпая энергию камней, трав, морской воды и многого другого.

Владея теперь лишь крохами силы, Кассандра сумела зачаровать кровь ведуньи, чтобы вскипала в пузырьке, едва та покинет Земли. Отследить её первое перемещение не удалось. Ингрид отсутствовала дома всего час. Зато во второй раз усилия оправдались. Ведунья сбежала вместе с одноклассницей, избранной медальоном. Теперь девушки прятались не только от недругов, но и хранителей.

— Я следил за ними весь день, — отчитывался Виктор. — Но не приближался. Боялся, девочка засечет. Она осторожнее Квитона. «Локатор» работает постоянно. А какую иллюзию наложила! Если б точно не знал, кто они, никогда б не догадался. Во второй половине дня беглянки покинули школу. Набрали еды. Но не расплачивались. Глаза окружающим ведунья отводит неплохо, хотя видно, что опыта нет. На ночь они устроились в доме на окраине. Его владельцы уехали в отпуск. Двери вскрывает Ингрид быстро. Без усилий.

Кассандра постучала ногтями по столу.

— Это и тревожит, — проговорила она задумчиво. — Я поняла, что девочка талантливая. Но не чувствовала мощи, пока она не устроила погром. Её сила непостоянна. Увеличивается при необходимости.

— Разве это возможно? — на полупрозрачном лице Виктора отразилась озабоченность.

— Я о таком не слышала, хотя знаю о силе побольше Квитона, — Кассандра вальяжно откинулась на мягкую спинку. — Не забывай, девчонка и меня зацепила. Прежде это никому не удавалось. Старая защита срабатывала безотказно.

— Одни загадки, — проворчал Виктор, испытывая желание устроиться напротив старой знакомой, чтобы общаться на равных. Но фантомы не умеют сидеть в креслах. — А

главная

— почему медальон выбрал Дебру Рид? В ней нет ничего особенного.

— На этот вопрос я могу ответить, — оживилась хозяйка, открывая ящик стола. — Девчонка посредственная. Дело в другом, — она бросила перед призрачным гостем фотографию не молодой, но эффектной брюнетки. — Узнаешь?

Виктор смотрел на снимок с полминуты.

— Погоди, — пробормотал он и нервно покосился на Кассандру. — Она выглядит старше. Но ведь это... это...

Бывшая начальница Роджера Геллена, — припечатала она с нотками ненависти в ледяном голосе. — Да-да, та самая, по которой он страдал. Именно во имя этой безответной любви Геллен вытер об меня ноги. Чем дело закончилось, ты знаешь, — глаза женщины вспыхнули и сразу погасли, став чернее тьмы. — Теперь эту дамочку зовут Делинда Рид. Она — мать Дебры.

Виктор многозначительно присвистнул.

— Вот именно! — закивала Кассандра. — Медальон собирает кусочки мозаики. Поэтому выбрал девчонку. Её семья погрязла в этой истории слишком глубоко. Теперь понятно, откуда у Дебры иммунитет к Хайди. Геллен постарался! Уверена, он и родителям помог скрыться от Присциллы и остальных.

Кассандра перевернула фотографию, чтобы не видеть лица Делинды.

— Расскажешь Присцилла Грей? — спросил Виктор.

— С какой стати? Я не собираюсь облегчать draжайшей подруге жизнь.

Призрачный гость покачал головой.

— Если она когда-нибудь выяснит, что ты ведешь свою игру...

— Знаю, — перебила Кассандра с невеселым смехом, — ты будешь единственным, кто придёт на мои похороны. Тебе пора, — она поднялась из-за стола. — Не стоит надолго оставлять тело. Иначе однажды оно не сможет принять тебя назад.

Но Виктор не торопился покидать темную комнату.

— Ты ничего не сказала о плане, — попенял он с нотками обиды. — Что будешь делать с Деброй и Ингрид?

— Ничего, — Кассандра подошла к окну и, наконец, раздвинула плотные шторы. — Правительственные ищейки до них не доберутся, хранители с их нынешними возможностями тоже, — она повернулась к Виктору, но встала против света, и он не смог разглядеть выражение лица. — Пускай беглянки наслаждаются мнимой свободой. Посмотрим, какие ещё возможности доступны ведунье. Когда придёт время, я приму меры. Мы с тобой прошли слишком длинный путь и принесли достаточно жертв, чтобы позволить кому-то всё разрушить.

Конец первой книги.